

РИЧАРД
АДАМС

Удивительные
приключения
кроликов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"Детская &
литература"

Удивительные
приключения
кроликов

Ричард
Адамс

* РИЧАРД АДАМС *

Удивительные
приключения
крошковых

Сказочная повесть

* пересказ с английского *

Е.В. ДОГЕЛЬ

рисунки

Ю. БОУКАРЕВА

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ 1988

ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ

моим дочерям Джульетте и Розамунде.

С нежностью вспоминаю дорогу

к Стратфорд-он-Эйвон

ПРИМЕЧАНИЕ:

Ферма Вязовая Роцца, так же как и все другие места, описанные в моей книге, существует на самом деле.

Но как мистер, так и миссис Кейн, и их дочь Люси — лица вымышленные и не имеют ничего общего с известными мне людьми.

А $\frac{4803020000-168}{M101(03)-88}$ 435-88

ISBN 5-08-000067-8

© Пересказ. Рисунки.
Издательство «Детская
литература», 1988

ПУТЕШЕСТВИЕ

1. Доска с объявлением и действие

Примулы на лугу уже отцвели. Лишь на опушке леса, у дубовых корней, да вдоль старой изгороди, у заросшей канавы, желтели слегка поблекшие цветы. Луг был окружен холмами, склоны которых густо пестрели ходами кроличьих нор. У подножия холмов журчал узкий ручеек. Берега его сплошь заросли желтой болотной калужницей и голубой вероникой.

Невдалеке, на сухом откосе, паслись дикие кролики. Одни щипали траву возле самых нор, другие спускались по склону в поисках одуванчиков и калужниц. Кролики-сторожа сидели на высоких муравейниках, почему-то покинутых обитателями, осматривая окрестности и тщательно пригнувшись к ветру. Беззаботная песенка дрозда на опушке леса всех успокаивала. Она говорила о том, что поднимать тревогу нет никаких оснований.

На вершине одного из холмов, под дикой вишней, находилась нора, полускрытая зарослями ежевики. Над входом царил зеленоватый сумрак. В норе сидели два кролика. Вдруг кролик побольше вылез из хода, проскакал под покровом ежевики вниз и по канаве пробрался на поле. Он присел на траву и почесал у себя за ухом. Хотя ему сравнялся только год и он не набрал еще полного кроличьего веса, растерянным и робким он не был в отличие от большинства обитателей задворок кроличьей колонии, или «аутскертеров», не обладающих особой силой. Кролик зорко поглядывал по сторонам и с веселым видом потирал лапкой нос. Убедившись, что все спокойно, он опустил уши и принялся за траву. Второй кролик был далеко не так беззаботен. Маленький, с широко расставленными глазами, постоянно настороженным взглядом, он часто-часто вертел головой. По-видимому, малыш был чем-то очень встревожен. Он все время беспокойно нюхал воздух, а когда полосатый шмель с жужжанием пролетел мимо, кролик со страху высоко подпрыгнул. Он был так напуган, что два других кролика, пасшихся неподалеку, опрометью бросились в свои норки и сидели там до тех пор, пока еще какой-то кролик, с черными кончиками ушей, не узнал поднявшего тревогу и не принялся спокойно за траву.

— Это Хрейр-ру!¹ Скорее всего опять мухи испугался! — сказал он. — Так о чем мы с тобой говорили, Крушина?

— Почему его называли Хрейр-ру? — спросил Крушина.

— Он последний в выводке, самый слабый. Чудо, что ему удалось уцелеть. Он ужасно маленький! Как говорится, человек не заметит, лиса не польстится, — значит, дела его не так плохи!

Маленький кролик подскочил к своему товарищу.

— Пойдем подальше, Лесной Орех, — сказал он, — не могу понять, в чем дело, но у нас в колонии сегодня творится что-то неладное. Пойдем к ручью!

— Хорошо, — согласился Орех. — Найди мне там калужницу пожирнее. Ты на это мастак!

Они поскакали вниз по склону и, добравшись до ручья, начали пощипывать траву у тележной колени. Вскоре Пятый отыскал калужницу, которую кролики считают изысканным лакомством.

В конце мая вблизи от кроличьей колонии калужницу не сыскать. Найденная Пятым калужница еще не выбросила бутонов, и ее розетка из плоских листьев была едва видна в траве.

Не успели друзья приняться за еду, как на другом берегу ручья появились два крупных кролика.

— Ага, калужница! Давай-ка ее сюда, да поторапливайся! — сказал один из них, заметив, что Пятый замер в нерешительности.

— Но ведь это наша калужница, Жабрей! Ее нашел Пятый! — вмешался Лесной Орех.

— А съедим ее мы! — возразил Жабрей. — Если ты не знаешь, что все калужницы — достояние офицеров Ауслы, так мы тебя быстро научим!²

---

¹ Кролики умеют считать до четырех. Все, что больше четырех, у них называется «хрейра», то есть «тысяча» или «очень много». Так, все их враги вкуче называются «хрейра элиль», то есть «тысяча врагов кроликов». Сюда относятся лиса, горноста́й, ласка, кошка, сова, человек и так далее. — *Прим. авт.*

Малыш, о котором говорят кролики, был в выводке пятым. Так мы и будем его называть для удобства. — *Прим. перев.*

² Почти в любой кроличьей колонии есть группа сильных кроликов-второгодков, окружающих Главного Кролика (что-то вроде вождя) и пользующихся большим авторитетом, — это группа так называемой Ауслы — стражи. — *Прим. авт.*

Пятый отвернулся и поскакал прочь. У перехода через ручей его нагнал Орех.

— Я сыт этим по горло! — вырвалось у него. — Вечно одно и то же: «У меня длинные когти, — значит, это моя калужница! У меня острые зубы, — значит, это моя нора!» По правде говоря, мне очень хочется бросить все и удрать из колонии, — вздохнул Орех. — Давай перейдем через ручей. Как ты думаешь: за ручьем безопасно?

Тон, которым был задан этот вопрос, показывал, что Пятый пользовался у Ореха авторитетом.

— Там вполне безопасно, — уверенно отвечал Пятый. — Я скажу, если замечу что-нибудь подозрительное.

Кролики перепрыгнули через насыпь над кирпичной трубой с водостоком. Солнце медленно садилось. Подыскивая место посуше, Орех скакал впереди. Вскоре они оказались возле зеленой живой изгороди. Вдруг Орех как вкопанный замер на месте и вытаращил глаза.

— Пятый, смотри-ка! Что это за штука?

Издавая резкий запах смолы и краски, два больших деревянных столба стояли посреди кустов изгороди, а прибитая к ним доска отбрасывала глубокую тень на поле. Оба кролика поспешили забраться в заросли жгучей крапивы, морща носы от запаха лежащего в траве окурка сигареты. Вдруг, весь задрожав, Пятый прижался к земле.

— Ой, Орешек! Что-то страшное и злое надвигается на нас!

— Объясни же: в чем дело? Ведь ты говорил, что здесь безопасно? — спросил Орех.

— Не знаю, — беспомощно отвечал Пятый. — Пока здесь безопасно, но опасность откуда-то приближается. Ой, Орешек! Смотри, все поле залито кровью!

— Не дури, это просто отблеск заката!

Пятый долго сидел посреди крапивы, дрожа и плача, не слушая увещаний Ореха. Полный тревоги, он не мог ничего объяснить. Наконец Орех заявил:

— Хватит плакать! Уже темно! Пора домой!

— В нору? — захныкал Пятый. — Да ведь этот ужас и туда придет! Не спрячешься!

— Замолчи! — твердо сказал Орех. — Сейчас слушайся меня. Что бы там ни было, нам пора домой!

Они перебежали поле и вброд перешли ручей. Вдруг Пятый оцепенел от ужаса и стал беспомощно топтаться на месте, хотя кругом было совершенно спокойно. Наконец

Орех уговорил его дойти до колонии, но и здесь Пятый упорно сопротивлялся и отказывался спуститься в ход. Ореху пришлось силком затолкать его в нору. Солнце наконец закатилось. Подул холодный ветер, начал накрапывать дождь, и через час стемнело, а большая доска посреди живой изгороди закрипела под порывами ночного ветра, как будто напоминая о том, что она здесь и никуда не исчезла. Вокруг не было прохожих, и никто не мог прочесть того, о чем вешали четкие черные буквы, словно врезавшиеся в дерево. Надпись на объявлении гласила: «Сэтч и К° (г. Ньюбери) начинает в Сэндлфорде застройку участков отличными современными домами».

В норе было тепло и сухо, но Орех проснулся от тяжелых сновидений. Ему почудилось, будто что-то им грозит. Правда, он не слышал шагов лисы или хорька, и инстинкт не приказывал ему спастись бегством. Постепенно в голове у него прояснилось. Окончательно проснувшись, он увидел, что рядом с ним лежит Пятый и во сне пытается на него взобраться. Пятый вытянул лапы и выпустил когти, словно перелезал через проволочную изгородь.

— Проснись, Пятый! Дурачок! Ты меня чуть не поцарапал!

Орех прижал Пятого к земле. Тот забился и открыл глаза.

— Ой, какой страшный сон я видел! Мы сидели на какой-то доске посреди большой реки. С нами было множество кроликов. Вдруг мне почудилось, что это не доска, а решетка из костей и проволоки. Тут ты отдал приказ: «Плыть, всем плыть!» — и пропал из виду. Я стал тебя искать. Помню, как я вытаскивал тебя из какой-то дыры, а ты мне вдруг заявляешь: «Главный Кролик пойдет на опасное дело в одиночку» — и уплываешь от меня по какому-то темному туннелю!

— И ты от избытка чувств чуть не поломал мне ребра! Еще чего выдумал! Туннели ему снятся! Что за ерунда! Ну как, будем еще спать?

— Орешек, я думаю, нам в самом деле грозит беда! Нужно бежать, пока не поздно.

— Бежать отсюда, из колонии?

— Куда угодно, и поскорее!

— Всем стадом? Не дури! Никто с тобой не пойдет. Все скажут, что ты сошел с ума.

— Значит, их настигнет беда. Выслушай меня, умоляю! Что-то очень страшное грозит всей колонии!

— В таком случае лучше всего поговорить с Главным Кроликом. Хотя, конечно, он не придет в восторг от такого известия!

Ореху не хотелось верить Пятому, и в то же время он опасался ему не верить. Тем временем полдень, а кроличьи «ни-Фрис», уже наступил. Большинство кроликов дремало в норах, а Орех и Пятый вылезли наружу, прошли немного по полю, а затем путанными подземными ходами направились в сторону леса. Пройдя туннель длиной около десяти метров, они очутились в глубокой норе, среди переплетенных дубовых корней.

Тут их окликнул крупный кролик-тяжеловес, один из солдат Ауслы. На голове у него росла густая шерсть, образуя лохматую шапку, придававшую ему несколько странный вид. Из-за этой шапки его прозвали Тлейли, то есть Лохмач.

— Уж не Орех ли это? — спросил Лохмач, обняв его: под землей среди корней дуба было темно. — Что ты делаешь здесь в такое время?

На Пятого, стоявшего поодаль, Лохмач не обратил внимания.

— Нам надо поговорить с Главным Кроликом, и при том по очень важному делу, дорогой Лохмач, — сказал Орех. — Не можешь ли ты нам помочь?

— Вам? — переспросил Лохмач. — А что, этот малыш тоже собирается беседовать с Главным?

— Уверяю тебя, это необходимо, Лохмач! Я нечасто обращаюсь к тебе с просьбами. А аудиенции у Главного прошу впервые.

— Ладно, Орех, для тебя я готов на все, хотя не сомневаюсь, что мне за это оторвут голову. Скажу Главному, что ты толковый кролик! Он и сам, наверное, тебя помнит, хоть по временам у него память и сдает. Он порядком постарел! Подождите пока здесь!

С этими словами Лохмач спустился по туннелю и остановился у отверстия, ведущего в большую нору. Последовал короткий разговор, и Лохмача впустили. Орех и дрожавший от волнения Пятый остались дожидаться приглашения.

Главный Кролик носил имя. Треарах — Рябиновое Дерево. В дни своего расцвета Треарах добился выдающегося положения не столько из-за физического

превосходства, сколько благодаря спокойному и рассудительному нраву.

Хотя Лохмач не ошибался, говоря, что он постарел, но голова у него еще была ясная. Он вежливо встретил Ореха и Пятого. Офицеры отряда Ауслы любили запугивать кроликов послабее, но у Треараха не было в этом необходимости.

— А, Грецкий Орех, здравствуй! Ведь тебя зовут Грецким Орехом?

— Нет, Лесным Орехом, сэр!

— Ах, да, ты — Лесной Орех! Очень мило, что ты пришел меня навестить! Я отлично помню твою мать! А как зовут твоего приятеля?

— Это мой брат, сэр.

— Итак, это твой брат, — сказал Треарах со слабым оттенком раздражения в голосе, говорившим о том, что его более не следовало поправлять. — Устраивайтесь поудобнее. Не угодно ли салата?

Солдаты Ауслы воровали салат к столу Главного Кролика в ближайшем огороде, но жителям окраины почти никогда не доводилось его попробовать. Орех из вежливости взял один листочек и принялся жевать. Пятый отказался от угощения и сидел, помаргивая и трясясь мелкой дрожью, с самым несчастным видом.

— Ну, как идут дела? — осведомился Главный Кролик. — Скажите: чем я могу быть вам полезен?

— Сэр, мы пришли из-за Пятого, вот из-за него, — неуверенно начал Орех. — Пятый умеет предвидеть будущее¹ и пока ни разу не ошибался. Осенью он предсказал, что начнется наводнение. Сейчас он говорит, что на нашу колонию надвигается большая опасность.

— Большая опасность? Вот как! Весьма огорчительно! — сказал Главный Кролик, хотя по нему не видно было, чтобы он был так уж огорчен. — В чем же кроется эта опасность? — Он взглянул на Пятого.

— Н-не знаю, — отвечал тот, заикаясь, — н-но это что-то очень страшное!

Треарах из вежливости минуту помолчал, а затем осторожно спросил:

— Ну и как мы, по-вашему, должны поступить?

---

¹ Так автор фантастически отображает тот факт, что некоторые кролики обладают чрезвычайно острым внутренним чутьем. — *Прим. перев.*

— Бежать,— выпалил Пятый.— Всем, всем, и немедля!

Треарах снова минуту переждал. Затем он сказал сочувственным тоном:

— Скажите! Но ведь это очень трудная задача, не правда ли?

— Сэр,— вмешался Орех.— Ваше дело — решать, что нам всем делать!

— Очень мило, что ты так считаешь. Надеюсь, что пока это так! Однако, дорогие друзья, давайте немного подумаем. Сейчас май, не правда ли? Люди заняты своей работой, так что кролики могут беспрепятственно наслаждаться жизнью. Никаких наших врагов — хищников-элилей — поблизости нет. Болезней также нет, погода стоит отличная. А ты, Орех, хочешь, чтобы я объявил обитателям колонии, что юный... гм... гм... ну, что твой брат чувствует неясное беспокойство и посему все мы должны немедленно сняться с места и кубарем мчаться невесть куда. Как вы думаете, друзья, что на это скажут другие кролики? Вы полагаете, что все будут в восторге, не так ли?

— Вас они послушаются! — опять выпалил Пятый.

— Очень мило,— снова сказал Треарах.— Ну, пожалуй, пожалуй! Однако это очень серьезный шаг.

— Но у нас нет времени, сэр! — снова вскричал Пятый.— Опасность близко! Она совсем рядом, она, словно силки, сдавила мне горло! Орех, помоги же, ну!

Крича от ужаса, Пятый забился, крутясь и колотя лапами по песку, как будто бы он уже попал в западню. Орех навалился на него и прижал его к земле, и Пятый вскоре затих.

— Прошу нас извинить, Главный Кролик! — сказал Орех.— Такое с ним случается!

— Какой ужас, какой ужас! — воскликнул Главный.— Бедняжка! Ему нужно немедленно идти домой и хорошенько отдохнуть. Но я очень рад, что ты меня навестил, Грецкий Орех! Ценю твое внимание! А ты, Лохмач, изволь оставаться на месте!

Когда Орех и Пятый в глубоком унынии проходили по туннелю, ведущему от норы Треараха в лес, они снова услышали голос Главного, только тон его на этот раз был гораздо более суровым. По временам раздавались ответы Лохмача: «Да, сэр!», «Нет, сэр!». По-видимому, Лохмачу, как он это и предвидел, «отрывали голову».

Наступил вечер, и Орех с Пятым в компании двух друзей вышли поужинать травой на окраину леса. Черная Смородина, кролик с черными кончиками ушей, внимательно прослушав описание появившейся доски, заметил, что люди имеют обыкновение оставлять такие доски как сигналы друг другу, так же как кролики оставляют погадки или следы на тропинках.

— Так вас Треарах и послушался! Зачем вы ему все это наболтали? — сказал в свою очередь Одуванчик, другой сосед.

— Не знаю, на что я рассчитывал, — ответил Орех. — Мне просто показалось, что мы обязаны всех предупредить об опасности!

— А ты в самом деле считаешь, что есть опасность?

— Я в этом убежден! Пятый никогда не ошибается!

Одуванчик собирался что-то сказать, но тут какой-то кролик, с шумом приминая заросли ветрениц, как слепой, толкнулся в чащу лесной куманики и зашлепал по канаве. Это был Лохмач.

— Эй, Лохмач! — окликнул его Орех. — Ты свободен от дежурства?

— Да, меня освободили, и, по всей вероятности, навсегда!

— Как это?

— Да вот так! Я ушел из Ауслы!

— Неужели из-за нас?

— Вот именно! Треарах умеет любого допечь, если из-за каких-то дурацких пустяков его разбудят в полдень, в самый ни-Фрис! Смеею думать, что всякий другой кролик смолчал бы, желая сохранить себе местечко при Главном, но я для этого, видно, не годжусь! Я ему прямо сказал, что не слишком ценю эту самую Ауслу и что сильный кролик не пропадет и без его колонии! На кой мне воровать для него салат? И на часах стоять не хочу больше! Я ужасно разозлился!

— Скоро некому будет воровать салат, — пробормотал Пятый.

— А вот и Пятый! — сказал Лохмач. — Тебя-то я и ишу! У меня из головы не выходят твои речи. Скажи-ка: не пустил ли ты попросту утку, чтобы придать себе веса, а? Уж не наврал ли ты?

— Я не врал, — грустно сказал Пятый. — Очень жаль, но я не врал!

— Так ты бежишь из колонии?

Все были озадачены той прямотой, с которой Лохмач разом решил тревоживший всех вопрос. Одуванчик про-
бормотал:

— Бежать из колонии? Клянусь Солнцем — нашим господином Фрисом!

— Мы с Пятым бежим сегодня ночью, — сказал Орех, немного подумав. — Идемте с нами!

— Тогда берите и меня! — выпалил Лохмач.

Орех подумал, что, хотя присутствие Лохмача может оказаться очень кстати, с ним, наверное, будет трудно ладить. Вряд ли он пожелает подчиняться обитателю задворок! «Не для того мы бежим из колонии, чтобы нами помыкал Лохмач», — подумал Орех. Однако вслух он произнес:

— Хорошо! Мы тебе рады!

Он по очереди посмотрел на остальных кроликов. Смородина первым подал голос:

— Я тоже бегу с вами! Не то чтобы Пятый меня надоумил. Дело в том, что у нас тем, кто не в Аусле, радости мало. Конечно, очень страшно решиться бежать! Путь будет опасным! Но что же делать? Лисы тут, ласки там, Пятый поднял тарарам!

Он вырвал сочный лист бедренца и начал его жевать, скрывая тревогу.

— Если принимать слова Пятого всерьез, то надо уговорить и других кроликов идти с нами! — сказал Орех.

— Я знаю парочку солдат из патруля, которых стоило бы прошупать на этот счет, — заявил Лохмач. — Если я сумею их уговорить, то приведу с собой. Только они пойдут не из-за Пятого! Просто они недовольны своим положением. А чтобы поверить Пятому, надо самому его услышать. Меня-то он полностью убедил!

— Значит, встречаемся здесь снова в полночь, то есть «фу-Инле». И пустимся мы в путь тоже за полночь. Время дорого! Опасность, хоть и не знаю какая, все приближается. Притом, если Треарах узнает, что ты покушаешься на его патруль, это вряд ли будет ему по вкусу. Капитан Остролист тоже не будет в восторге. На твоём месте, Лохмач, я бы с большой осторожностью выбирал тех, с кем собираешься говорить, — закончил совещание Орех.

После восхода луны прошел уже час, и вскоре Орех и Пятый вылезли из своей норы и тихо соскользнули

на дно канавы. С ними был еще один кролик, друг Пятого, носивший имя Хлао-ру, то есть Маленький Горшочек. Он был не крупнее Пятого и очень робок, так что большую часть вечера Орех и Пятый потратили на то, чтобы убедить его присоединиться к ним. Горшочек дал согласие только после долгих колебаний. Он боялся того, что их ждет за пределами колонии, но в конце концов решил, что лучший способ избежать беды — это держаться поближе к Ореху и делать все, что прикажут.

Все трое медленно двигались по канаве, как вдруг Орех услышал какой-то шорох. Он поднял глаза:

— Кто это? Не Одуванчик ли?

— Нет, это я, Хокбит,— сказал вновь пришедший, глядя на них сверху. Он тяжело спрыгнул в канаву.

— Неужели ты меня не помнишь, Орех? — спросил он.— В прошлом году во время снеговых заносов мы с тобой долго сидели в одной норе. Одуванчик говорит, что сегодня ночью вы хотите бежать. Я иду с вами!

Орех наконец вспомнил Хокбита — глупого и медлительного кролика, в чьей докучливой компании ему довелось провести пять зимних дней во время снегопада. «Однако,— подумал Орех,— сейчас не время выбирать и капризничать! Хотя Лохмач обещал уговорить кое-кого из стражи, все же основная масса желающих бежать будет несомненно не из Ауслы». Орех прикидывал, кто еще мог бы к ним присоединиться, когда появился Одуванчик.

— Надо торопиться! — встревоженно сказал он.— Мне не слишком нравится, как обстоят дела! Мы разговаривали с Хокбитом, как вдруг этот наглый детина Жабрей вырос у меня за спиной. «Что вы затеваете?» — спросил он. Потом сказал, будто носом чует, что зреет заговор против Треараха, и злобно на меня уставился. Сказать по правде, я порядком струхнул!

— Удивительно, что Жабрей принялся за расспросы, а не сбил тебя сразу с ног,— заметил Орех.

Время шло. Кролики сидели, прижавшись к земле. Орех уже собирался пойти искать Смородину, но вдруг увидел, как тот в сопровождении трех кроликов появился на поле. Заметив среди них своего приятеля Крушину, Орех обрадовался, так как знал, что это честный и смелый кролик. Крушину собирались зачислить в солдаты Ауслы, как только он наберет полный вес.

«Наверное, Крушину тоже обижают, — подумал

Орех.— Крушина и Лохмач будут серьезной силой, если нам придется ввязаться в какую-нибудь драку». Других двух приятелей Смородины — Веронику и Желудя Орех не знал, и их имена ему ничего не говорили. Это было неудивительно, потому что оба они были ничем не примечательны, типичные аутскертеры — тощие кролики по шестому месяцу от роду, с беспокойным и робким взглядом, говорившим о том, что обоих часто наказывала стража. Они с любопытством смотрели на Пятого. Зная его только со слов Смородины, они, видимо, ожидали, что Пятый сразу начнет предсказывать грядущее, но он выглядел хладнокровнее всех прочих. По-видимому, уверенность в том, что бегство состоится, успокоила его.

Время шло. Смородина вылез из канавы и забрался в заросли папоротников, но вскоре вернулся назад, непрерывно вздрагивая, готовый при малейшей тревоге броситься бежать. Орех и Пятый без всякого удовольствия пощипывали темную траву по краям канавы. Наконец со стороны леса послышался шум прыжков. Через минуту рядом с ними вырос Лохмач. За ним в канаву спрыгнул мускулистый кролик месяцев двенадцати от роду, вечно веселый и неунывающий. Его серебристую шкурку хорошо знали все кролики колонии. Это был племянник Треараха по имени Серебристый. Он только первый месяц служил в патруле Ауслы.

Орех обрадовался, увидев, что Лохмач привел Серебристого, известного своей прямоотой и спокойным характером.

— Дозорные донимали Серебристого за особенный цвет меха, а также за то, что он якобы получил место в Аусле только из-за своего дядюшки, — сказал Лохмач. — Я хотел позвать еще парочку друзей, но, видно, остальные солдаты вполне довольны своим положением. — Лохмач осмотрелся. — А ведь нас немного! Не отказаться ли нам от этой затеи?

Серебристый собрался было открыть рот, как вдруг в кустах раздался шум и из зарослей выскочили три кролика. Они двигались четко и уверенно в отличие от кроликов, собравшихся в канаве, чей шаг был робок и несмел. Самый крупный кролик шел впереди, как командир, а два других следовали за ним в некотором отдалении. Чувствуя, что эти кролики — враги, Орех вздрогнул и замер. Пятый прошептал:

— Ой, Орешек, они за нами... — и затих, а Лохмач,

повернувшись к вновь пришедшим, усиленно зафыркал и заработал носом. Вновь прибывшие, не колеблясь, направились к нему.

— Ты Тлейли? — спросил Лохмача начальник патруля.

— Ты меня отлично знаешь, Остролист. Чего тебе надо? — спросил Лохмач.

— Ты арестован! — грозно объявил Остролист.

— За что?

— За распространение недовольства и подстрекательство к бунту. Ты тоже арестован, Серебристый, за то, что своевременно не отдал рапорта Жабрею и пропустил свое дежурство!

Не раздумывая, Лохмач одним прыжком бросился на Остролиста. Тот начал отбиваться. Его подчиненные приблизились, поджидая момента, чтобы включиться в схватку и прижать царапающегося и боксирующего задними лапами Лохмача к земле. Внезапно Лохмачу на помощь бросился Крушина. Он сбил с ног одного патрульного и напал на второго. Через минуту к нему присоединился Одуванчик, прыгнув прямо на голову раненного Крушиной солдата. Оба патрульных с трудом отбились от наших смельчаков и поскакали к зарослям. Наконец Остролист вырвался из объятий Лохмача и присел на задние лапы, сердито сжимая передние, как это обычно делают кролики, если их раздражить.

Он собирался было заговорить, но перед ним внезапно вырос Орех.

— Беги, или мы тебя уьем,— сказал он твердо, но без злобы.

— Молчать, безумный! Ты разговариваешь с капитаном Ауслы! Это тебя мы уьем! — завопил Остролист.

Он повернулся, выскочил из канавы и скоро исчез в зарослях.

Оказалось, что у Одуванчика поранено плечо. Он немноголизал ранку, а затем повернулся к Ореху.

— Они скоро вернутся и натравят на нас всю Ауслу! Тогда нам несдобровать! — нервно вздрагивая, пробормотал он.

— Идемте к ручью, там мы не потеряем друг друга,— сказал Орех.

Плечом к плечу с Пятым Орех вывел свой маленький отряд из канавы и пошел вниз по склону. Через минуту кролики исчезли в тумане, пронизанном лунным светом.

2. *лес и перепрыжки* *через реку*

То отставая, то перегоняя друг друга, но стараясь по возможности держаться вместе, кролики прошли около полукилометра по полю, двигаясь все время вдоль берега ручья. Луна уже заходила.

Однако Орех все еще не был уверен, что они отошли от дома на безопасное расстояние. Прислушиваясь чуть ли не в сотый раз, нет ли за ними погони, он вдруг прямо перед собой увидел темные стволы деревьев и заметил, что ручей убегает в глубину леса. Кролики не любят лесной чащобы, и Ореху не понравились выросшие перед ним деревья, но, решив, что Остролист тоже не один раз подумает, прежде чем пуститься за ними в такие гиблые места, он повел свой отряд прямо по лесу, не советуясь с Лохмачом и надеясь, что товарищи за ним последуют.

Как только они вошли в лес, тот как будто вдруг ожил. Как-то жутко шумела вода, и кругом стоял запах листьев и сырого мха. В гуще леса таился водопад, рождавший гулкое эхо. Над головами кроликов шуршали листвою ночные птицы, а в вершинах гудел ветер. Издалека доносились еще более страшные звуки, происхождения которых они не могли точно определить, но похоже было, что по лесу кто-то пробирается.

Не понимая, что означают все эти странные звуки и куда бежать в неприятном лесу, кролики сбились в тесную кучку. Усевшись на высокую гору палых листьев под кустом остролиста, Орех попытался получше рассмотреть узкую тропинку, по обе стороны которой стеной стояли густые папоротники. Тропинка показалась ему совершенно свободной. Однако не ясно было: что таится за папоротниковой чащей и что ждет их за поворотом? Какая судьба постигнет его, если он осмелится покинуть уютную тень остролиста? Орех обернулся к присевшему невдалеке Одуванчику.

— Как только я поверну за поворот, подам сигнал. Если со мной что-нибудь случится, уводи остальных в безопасное место, — сказал он и, не дожидаясь ответа, поскакал по тропинке.

Через мгновение он был уже у поворота и внимательно осмотрелся. Тропинка и здесь была пустынной. Она полого

спускалась вниз, в долину, где в глубокой тени стояла роща падубов. Орех подал сигнал, постучав о землю лапой, и через несколько секунд в папоротниках рядом с ним оказался Одуванчик. Орех отметил, что, несмотря на только что пережитый страх и мучительную усталость, Одуванчик — великолепный бегун, он за считанные секунды покрыл разделявшее их расстояние.

— Браво! Здорово! — прошептал на ухо Ореху Одуванчик.— Ты сейчас совсем как Эль-Эхрейра¹, рисковал ради нас своей жизнью!

Орех ласково посмотрел на Одуванчика. Слова эти были сказаны искренне и от души, и похвала друга согрела его.

— Нам необходимо сделать привал,— заявил Лохмач, пробиваясь к Ореху между тяжело дышавшими кроликами, валившимися от усталости.— Место здесь не лучшее для отдыха, но Пятый и этот второй недомерок очень устали! Они совсем выдохлись! Без передышки они не сделают ни шагу!

В самом деле, все путешественники выбились из сил². Орех и его друзья впервые в жизни провели эту ночь совершенно необычным для кроликов образом. Они путешествовали единым отрядом, а не в одиночку, и пытались идти ровно, размеренно. Большинство из них чуть было не впало в «тсарн» — так называется у них оцепенение, когда испуганный кролик сидит неподвижно, безучастно следя остекленевшими глазами за приближением опасного врага.

Орех заметил, что Горшочек притаился за папоротником, опустив уши и трепеща всем телом. С совершенно убитым видом он вытянул перед собой лапу и непрерывно лизал ее. Пятый выглядел не лучше. Оба очень устали.

Орех понял, что, пока его отряд не отдохнет, им безопаснее всего сидеть на месте. Однако если дать кроликам горестно размышлять о их злоключениях, то, пожалуй, страх может овладеть ими настолько, что кому-нибудь,

---

¹ Имя Эль-Эхрейры (Элиль-хрейр-ра, то есть Князь, у которого Тысяча Врагов) кроликам говорит не менее, чем имя Робин Гуда англичанам. Эль-Эхрейра — легендарный повелитель кроликов.— *Прим. авт.*

² Большинство кроликов всю жизнь проводит в колонии на одном месте, и пробегают они за один раз не более четырехсот метров. Кролики месяцами живут и спят на голой земле, но обычно поблизости у них всегда есть какое-нибудь укрытие.— *Прим. авт.*

возможно, придет в голову возвратиться в колонию, а кое-кто уйдет в сторону и заблудится. Внезапно Ореха озарило.

— Сделаем здесь привал! Забирайтесь поглубже в папоротник! А ты, Одуванчик, расскажи какую-нибудь сказку! Смотри, наш Горшочек горит желанием тебя послушать,— сказал Орех.

Взглянув на Горшочка, Одуванчик сразу понял Ореха. Стараясь подавить собственную тревогу, которую вызывал у него густой черный лес, и забыть свой ужас перед отвратительным зловонием, которое издавали какие-то лесные животные, находившиеся, по-видимому, неподалеку, Одуванчик начал свой рассказ:

— В незапамятные времена Солнце-Фрис сотворил нашу Землю. Фрис создал также всех животных. Вначале они очень походили друг на друга. Ласточка с ястребом были друзьями и вместе питались семенами и мухами, и кролик с лисой тоже были друзьями и оба питались травой. А травы и мух было предостаточно, потому что мир тогда был еще молодым и новым, а Фрис целыми днями стоял в небе, так что все время было тепло.

В те времена вождь кроликов Эль-Эхрейра жил в дружбе со всеми животными. У него было столько детей, что их не сумел бы сосчитать сам Фрис. И все они питались травой и одуванчиками, салатом и клевером, а Эль-Эхрейра был им всем отцом.

Тут Лохмач одобрительно хмыкнул.

— Через некоторое время,— продолжал Одуванчик,— трава поредела, а кролики разбрелись по свету, размножаясь и поедая всю растительность на своем пути. Тогда Фрис сказал Эль-Эхрейре: «Князь Кролик, если ты не умеешь управлять своим народом, мне придется принять меры самому!» Но Эль-Эхрейра возразил Фрису: «Мой народ сильнее всех на свете! Мы быстрее всех размножаемся и больше всех едим. Мы же это делаем из любви к господину нашему Солнцу! Мы быстро откликаемся на его тепло и ласку! Мне думается, господин должен оценить нас по достоинству и не мешать нашей прекрасной жизни!»

Фрис мог бы одним щелчком покончить с Эль-Эхрейрой, но он решил пощадить его, так как кролики необходимы на свете: они нужны для веселья, шуток и всяческих проделок. И вот Фрис решил победить Эль-Эхрейру хитростью. Он объявил, что устраивает пир на весь мир,

КРОЛИК
С ЛИСОЙ
БЫЛИ ДРУЗЬЯМИ.

КРОЛИКИ НЕОБХОДИМЫ
НА СВЕТЕ: ОНИ НУЖНЫ
ДЛЯ ВСЯКИХ
ШУТОК.

О РОЮЩИЙ,
О ЛОВКИЙ, О БЕГУН,
О КНЯЗЬ ЧУТКОЕ УХО!

на котором все птицы и животные получают подарки. Дары эти внесут различия между животными. Когда пришел дрозд, он получил чудесную песню, а когда пришел бык, он получил неустрашимость. В свою очередь пришли горностай, лиса и ласка. Каждому из них Фрис подарил страстное желание пожирать детей Эль-Эхрейры. Все это время Эль-Эхрейра провел веселясь, танцуя и похвываясь, что вскоре он придет к Фрису и получит от него великий дар. Наконец и он отправился на встречу с Фрисом. По пути он остановился передохнуть на мягком песчаном бугорке. Тут над ним пролетел черный стриж с отчаянным воплем: «Весть! Весть!» (Между прочим, с того самого дня он твердит одно это слово.) Эль-Эхрейра спросил, что это за весть, и стриж ответил: «Не хотел бы я быть на твоём месте! Фрис подарил лисе и ласке злое сердце и острые зубы, а кошке — бесшумный прыжок. Теперь они будут пожирать всех твоих поданных».

Стриж полетел дальше, а Эль-Эхрейра услышал голос Фриса: «Где же Эль-Эхрейра? Все, кроме него, получили дары. Остался один он!»

Тогда Эль-Эхрейру охватил страх. Он повернулся к своему бугорку и начал рыть нору. Когда Фрис появился над холмом, яма была уже порядочных размеров. Из норы торчали только хвост и задние лапы Эль-Эхрейры, а песок и земля фонтаном летели из ямы, потому что Эль-Эхрейра боялся хотя бы на минуту прекратить свое занятие. И тут Фрис спросил, как будто не узнавая вождя кроликов: «Друг мой, не видел ли ты Эль-Эхрейру? Я хочу передать ему мой дар и благословение». — «Нет, — ответил Эль-Эхрейра, — он не смог прийти, и сейчас он далеко!» Тогда Фрис сказал: «Выйди же из ямы и получи мое благословение вместо него!» — «Никак не могу! — отвечал Эль-Эхрейра. — Время не ждет! Скоро прибегут лиса и кошка! Если ты так уж хочешь меня благословить, то благослови мой хвост — он перед самым твоим носом торчит из норы. Не забудь также мои задние лапы!»

Все кролики не раз слышали эту историю либо зимними ночами, когда по норам носится ледяной сквозняк, либо теплыми летними вечерами, когда все племя сидит в траве под бузиной, издающей легкий запах прели. Однако Одуванчик рассказывал так хорошо, что даже Горшочек забыл про усталость и про все опасности. Каждый из

наших кроликов воображал себя в этот момент Эль-Эхрейрой, который был так отважен, что мог надерзить господину Фрису и при этом остаться безнаказанным.

— Тут,— продолжал Одуванчик,— Фрису пришлось по душе смелость и находчивость вождя кроликов, и он оценил готовность Эль-Эхрейры бороться с врагами до конца.

«Да будет так! — сказал Фрис.— Благословляю твой хвост, а также твои задние лапы, торчащие из норы! Лапы! Станьте сильными и быстрыми во веки веков! Быть по сему!»

При этих словах задние лапы Эль-Эхрейры вытянулись и обросли мощными мышцами. Он так ими замолотил по склону, что все букашки попадали со своих травинок. И тут он выскочил из ямы и помчался прочь быстрее всех на свете, а Фрис-Солнце хохотал, улюлюкал и кричал ему вслед: «Все равно кролики никогда не будут править миром! Не бывать такому! Люди, лисы, волки, коты — словом, все хищники станут преследовать твоих подданных! Но мало кто сумеет вас догнать и схватить, о Князь Чуткое Ухо, о Великий Бегун, о Роющий И Ловкий! Помни мой завет: не зевай, будь мастером на всякие хитрые проделки — и твой народ никогда не погибнет!»

И тут Эль-Эхрейра понял, что Фрис по-прежнему остался ему другом. С той поры каждый вечер, когда Фрис кончает дневную работу и ложится отдыхать на красное покрывало неба, Эль-Эхрейра, и его дети, и дети его детей выходят из своих нор и веселятся под его ласковым взором.

При последних словах Одуванчика сидевший с подветренной стороны Желудь внезапно замер, насторожив уши и пригнувшись. Отвратительный незнакомый запах заметно усилился, рядом послышались тяжелые шаги. На дальнем конце тропинки перистые листья папоротника раздвинулись, и из-за них выглянула длинная морда с белыми и черными полосами, слегка напоминающая собачью. Морда смотрела вниз, челюсти раскрылись, как будто ухмыляясь, а кончик носа вынюхивал что-то у самой земли. В сумерках можно было различить огромные длинные лапы и волосатую черную тушу. Голова медленно поворачивалась, видимо, животное осматривало туманные глубины лесных прогалин. Затем оно остановило на кроликах свой свирепый, леденящий душу взгляд. Челюсти слегка приоткрылись, за ними сверкнули зубы, такие же

белые, как полосы на голове. Чудовище долго смотрело на кроликов в упор, и они замерли под его взглядом. Затем Лохмач пересел поближе к своим товарищам.

— Это — лэндри — барсук! — прошептал он так тихо, что никто не расслышал его. — Они редко бывают опасными, но нам лучше не рисковать! Надо уходить!

И Лохмач помчался рысью через заросли папоротника. Одуванчик последовал за ним, и вскоре они оба скрылись в роще падубов. Орех построил оставшихся ослабевших кроликов и повел их через папоротниковые заросли. Горшочек, подгоняемый страхом, спотыкался и хромал позади. Пройдя рощу падубов, Орех остановился, в недоумении присел да так и застыл на месте. Прямо перед ним высился крутой берег реки. При тусклом свете заходящей луны легко было различить блестящую гладь воды, за которой расстилались заросли орешника и ольхи. Все путешественники один за другим поднялись на берег и молча уставились на возникшую перед ними преграду.

— Вот это сюрприз! — сказал наконец Лохмач. — Признайся, Орех! Ты такого не ожидал? Верно?

Хотя от усталости мысли Ореха путались, он понял, что с Лохмачом не оберешься хлопот. Конечно, он не трус, но ведет себя спокойно только в том случае, если точно знает, что надо делать. Для него растерянность хуже опасности. Растерянный, он начинает злиться. Надо поддержать уверенность Лохмача в себе. Если Ореху не удастся ее восстановить, предстоят большие неприятности. Орех вспомнил коварную любезность Треа-раха.

— Не знаю, что бы мы без тебя делали, Лохмач! Скажи: что это был за страшный зверь? Наверное, он хотел нас сожрать? — спросил он.

— Это лэндри! У нас в Аусле часто о них рассказывали, — небрежно отвечал Лохмач. — По-моему, лучше избегать с ними встречи. Они, конечно, тоже принадлежат к Злой Тысяче наших врагов. Мне бы давно догадаться о том, что лэндри поблизости, но я сам вижу его впервые!

— До встречи с нами он охотился и убивал! — сказал, содрогаясь, Смородина. — У него морда в крови!

— Может быть, он поймал крысу или фазаньего птенца. Нам повезло, что его охота была удачной, а то, пожалуй, он был бы с нами поповоротливее, — заключил Лохмач.

Тем временем на тропинку наконец выбрались, ко-
выляя, Пятый и Горшочек. Они тоже остановились, глядя
на реку.

— Как ты думаешь, Пятый, что нам теперь делать? —
спросил Орех. Пятый еще раз взглянул на реку и поше-
велил ушами.

— Нужно перебраться через реку. Только я едва ли
смогу плыть: я очень устал. И Горшочку не легче, чем
мне, — отвечал Пятый.

— Кто это собирается плыть? — вскричал Лохмач. —
В первый раз в жизни слышу такую ересь!¹

Вероника в свою очередь заявил, что просто не хочет
входить в воду, а Хокбит сказал, что он лучше пойдет по
берегу. В глубине души Орех считал, что если Пятый
советует переплыть реку, то неблагоприятно пренебречь
его советом, но нужно было убедить в этом остальных!
Внезапно Орех почувствовал себя уверенно. Что же пере-
менилось? Звук ли какой-нибудь до него донесся, или это
был запах? Вскоре он понял, что произошло. За рекой,
поднимаясь в небеса, завел свою песню жаворонок. Затем
прозвучали две-три низкие и протяжные ноты из песенки
черного дрозда. Заклохтала лесная горлица. Это занима-
лось утро! Вскоре сквозь серый туман утренних сумерек
кролики увидели, что за рекой лежат открытые солнцу
луга.

Песчаный берег реки был не слишком крут. Внизу,
под носами сидящих кроликов, расстился широкий плес
с неподвижной водой. Орех взглянул на пологий
бережок.

— А на берегу есть трава! Пойдем, попасемся, —
сказал он.

Кролики устало сползли по склону и принялись щипать
траву у самого ручья.

Пережевывая траву, Орех приблизился к Пятому
и незаметно оттеснил его от всех остальных. Когда они
скрылись за высокими камышами, он спросил:

— Скажи, Пятый, нужно ли нам непременно пере-
плывать реку? Не лучше ли пойти вдоль берега?

— Нет! Через реку перебраться необходимо! Нам нуж-
но найти высокое сухое место, откуда все далеко видно
и слышно и где не бывает людей.

---

¹ Подобно всем диким животным, кролики умеют плавать, если
в этом есть необходимость. — *Прим. авт.*

— А есть ли на свете такое место?

— На этом берегу места нет, но мы переплывем реку!

— Боюсь, что наши друзья откажутся идти дальше. И потом, разве ты можешь сейчас плыть?

— Я-то поплыву, но вот Горшочку совсем плохо. Уж не поранился ли он? Нам, наверное, придется задержаться здесь, отдохнуть!

Тут навстречу им из камышей выскочил Лохмач.

— Я уже стал беспокоиться, куда вы запропастились. Ну как, идем дальше?

— Нет, не сейчас,— твердо сказал Орех.— Пусть все хорошо отдохнут! Мы остановимся здесь до ни-Фриса, а потом всем отрядом переплывем реку.

Лохмач хотел было что-то возразить, но его перебил Смородина:

— А почему бы самому Лохмачу не переплыть реку и не посмотреть, что за ней в полях?

— Ладно, в этом есть известный смысл,— довольно неохотно согласился Лохмач.— Я переплыву эту вонючую речку хоть сто раз! — Лохмач назвал реку «эмблеер». Так кролики называют запах лисы.— Всегда рад служить!

Без малейших колебаний Лохмач в два прыжка подскочил к реке и поплыл по глубокой и тихой воде. Кролики увидели, как он вылез из воды у цветущих кустов коричневой травки, ухватившись зубами за ее жесткие стволы, отряхнулся и исчез в ольшанике. Минуту спустя он устремился в поле, видневшееся за прозрачными кустами орешника.

— Хорошо, что Лохмач пошел с нами,— сказал Орех Серебристому, с дрожью отвращения вспомнив Треараха.— Уж он-то сумеет все разведать. Смотри-ка, он уже бежит назад!

Все увидели, как Лохмач огромными прыжками несется по полю. Такого встревоженного вида у него не было даже после драки с Остролистом. Он вниз головой бросился в воду и быстро замолотил лапами, так что за ним сразу же побежал по темно-коричневой воде светлый бурунчик пены. Рывком выбросившись на берег, Лохмач быстро заговорил:

— На твоём месте, Орех, я не стал бы дожидаться ни-Фриса. Сзади в лесу — сорвавшаяся с привязи собака! Орех вздрогнул.

— Откуда ты взял?

— С холма на том берегу просматривается весь лес, через который мы прошли. Я видел, как собака перебежала лужайку, и за ней тянулась цепь. Значит, она сорвалась с привязи. Может быть, она идет по следу лэндри, но лэндри, наверное, уже сидит в своей норе. Что будет с нами, если собака возьмет след? Не тяни, Орех! По-скорее переплывем реку!

Орех растерялся. Прямо перед ним стоял Лохмач, насквозь промокший, но бесстрашный и твердо знающий, что нужно делать,— само воплощение решимости,— а к плечу Ореха молчаливо жался дрожащий Пятый. Сидевший напротив Смородина не отрывал от Ореха глаз, явно ожидая его приказаний и не обращая внимания на Лохмача. В это время в лесу раздался далекий пока лай, на который сойка ответила раскатами сварливой брани. В каком-то приступе самоотверженности Орех ответил:

— Хорошо! Плывите! Я останусь здесь и подожду, пока Горшочек и Пятый не придут в себя.

— Ты упрямый псих! — вскричал Лохмач. — Мы же все погибнем!

— Не топочи, собака услышит. Что ты предлагаешь? — спросил Орех.

— Тут не до предложений! Кто может — пусть плывет! Кто не может — остается и надеется на лучшее.

— Нет, так не пойдет! Я заманил сюда Горшочка и должен помочь ему выбраться.

— Но ведь ты не заманивал сюда Пятого! Он сам нас всех заманил!

Орех с одобрением отметил, что Лохмач отнюдь не торопится спасти свою шкуру и ничуть не испугался, хотя страшно зол. Поискав глазами Смородину, Орех увидел, что тот отбежал к краю плеса, туда, где узкая лента песчаного берега сливается с рекой. Зарыв лапы в мокрую гальку, Смородина приняхивался к какому-то плоскому предмету, лежащему у самой кромки воды. Орех позвал его. С трудом вытянув увязнувшие в песке лапы, Смородина послушно повернул назад.

— Там лежит доска, то есть такой плоский кусок дерева! Он похож на тот, который запрудил однажды ручей возле нашей колонии,— быстро заговорил Смородина. — Вода принесла эту доску,— значит, она может плавать. Мы посадим на нее Горшочка и Пятого и спустим их на воду. Доска, наверное, переплывет через реку.

Орех всерьез испугался. Все несчастья вместе свалились на его голову! Неужели мало того, что Лохмач трясет от злобы и нетерпения, Горшочек в панике, а собака приближается! В дополнение ко всему умнейший кролик их отряда сошел с ума! Орех почувствовал, что он близок к отчаянию.

— Клянусь господином Солнцем! Я все понял! — раздался восторженный голос у его плеча. Это говорил Пятый. — Скорей, Орех, не медли! Веди Горшочка!

Доска, лежащая на поверхности воды и лишь одним концом причалившая к берегу, была не больше крупного листа ревеня. Смородина толчком заставил оступевшего от усталости Горшочка проковылять до берега и затем, угрожая ему когтями, загнал на доску. Согнувшись и дрожа, Горшочек уцепился лапами за этот плотик. За ним последовал Пятый.

— Ну-ка, кто у нас самый сильный? Лохмач, Серебристый, оттолкните-ка их от берега! — сказал Смородина.

На призыв Смородины никто не откликнулся. Все кролики сидели на задних лапах, недоумевая и колеблясь. Тогда, не дожидаясь чужой помощи, Смородина опустил в воду собственный нос и изо всех сил толкнул доску. Плотик поднялся и закачался, Горшочек завизжал, а Пятый опустил голову и так яростно вонзил в дерево когти, что чуть не вывихнул их. Плот покачался и поплыл по плесу, неся на себе обоих съжившихся кроликов.

— Солнце и тьма! Фрис и Инле! — воскликнул Одуванчик. — Они сидят на воде! Почему же они не тонут?

— Они сидят на доске, а доска плавает, — сказал Смородина. — Можно и нам теперь плыть, Орех?

Орех догадался: Смородина хочет, чтоб он проявил свою власть и отдал приказ. Голова Ореха прояснилась.

— Плыть! Всем плыть! — сказал он.

Сам он остался на берегу наблюдать за переправой. Одуванчик плыл так же легко и быстро, как бегал, Серебристый был полон сил. Остальные гребли и барахтались, кто как умел, но постепенно продвигались вперед. Наконец, когда кролики достигли противоположного берега, Орех в свою очередь прыгнул в речку. Холодная вода сразу же промочила его шубку. Он задохнулся и ушел под воду, но вскоре, высоко держа голову, неумело поплыл, направляясь к кусту коричной травки. Через минуту он выбрался на берег. Его кролики сидели в ольшанике, с них ручьями текла вода.

— Где Лохмач? — сразу же спросил Орех.

— Он гонит плот,— стуча зубами, ответил Смородина.

Лохмач был еще в воде, на той стороне плеса. Он подплыл к плоту и, прижавшись головой к борту, погнал его к берегу. Орех слышал, как, отплываясь, он сказал Пятому и Горшочку: «Сидеть смирно!» — и ушел под воду. Через минуту Лохмач выплыл и снова погнал плот. На глазах ошеломленных кроликов доска, покачиваясь, пересекла плес и причалила к берегу. Пятый подтолкнул Горшочка к лежащим у берега камням, а Лохмач пошел вброд рядом, отфыркиваясь и дрожа.

— Как только Смородина оттолкнул плот от берега, я сразу понял, что надо делать дальше,— гордо сказал Лохмач.— Только это трудно, когда самому нужно плыть.

Лая собаки не было слышно. Кролики легко одолели ольховую рощу и, поднявшись на поле, остановились у первой попавшейся им зеленой изгороди. Почти никто из них не сумел оценить важность открытия Смородины, и все сразу же о нем забыли. Только Пятый подошел к лежащему у куста боярышника Смородине и сказал:

— Ты сегодня спас нас с Горшочком! Я этого не забуду!

— Признаюсь, это была недурная идея,— сказал Смородина.— Она может нам впоследствии пригодиться!

Когда взошло солнце, путешественники все еще лежали возле изгороди из боярышника. Некоторые, неловко съжившись, спали тревожным сном. Все настолько выбились из сил, что решили положиться на судьбу. Окинув взглядом спящих кроликов, Орех понял, что они находятся сейчас в не меньшей опасности, чем ранее на берегу ручья. Им ни в коем случае не следовало оставаться среди открытого поля! Но в какую сторону идти? Необходимо было разведать окрестности. Чувствуя, что ветер дует с юга, Орех запрыгал вдоль изгороди, пытаясь отыскать укромное место, где можно было бы, сидя спокойно, по запаху определить, что находится поблизости. Он добрался до широкого прохода посреди кустов. Земля здесь была разбита копытами пасущихся на холмистом поле коров и превратилась в густое месиво. Орех осторожно пробрался на поле, присел за кустом репейника и поднял нос. Теперь, когда он был за пределами боярышниковой изгороди, с ее густым ароматом, он мог лучше разобраться в том, какой запах шекотал ему ноздри. Свежий, сильный, сладкий аромат наполнял воздух, и это

был скорее всего благоприятный и целебный запах. Но откуда он идет и почему так настойчиво? «Наверное, источник запаха находится где-то поблизости», — подумал Орех. Сначала он решил послать кого-нибудь на разведку. Одуванчик мог бы в мгновение ока взлететь на поле и прискакать назад с быстротой зайца. Однако природное озорство и любовь к приключениям одержали верх над разумом нашего кролика. Нет, он пойдет на разведку и принесет все необходимые сведения сам! Пусть-ка Лохмач попробует это переварить!

Орех помчался по лугу прямо на стадо коров. Невдалеке от стада, подскакивая и невысоко взлетая, какая-то большая черная птица неловко махала крыльями. Орех заметил, что своим мощным зеленоватым клювом птица долбит землю. До этого случая Орех не видал ворон, поэтому он не догадался, что ворона идет по ходу крота, надеясь вытянуть его из мелкой норки и прикончить клювом. Если бы Орех об этом знал, он бы легкомысленно не поместил эту птицу в разряд «неястребов», куда кролики вносят всех кротких птиц от крапивника до фазана. Из-за холма по-прежнему неслись волны странного аромата, становившегося все отчетливей. Увлечшись, Орех помчался на вершину холма. Отсюда он увидел еще одну изгородь. За ней, мягко колыхаясь под порывами ветерка, лежало поле цветущей фасоли. Усевшись на задние лапы, Орех сидел как зачарованный, заглядевшись на аккуратную делянку растений с маленькими, покрытыми сероватым пушком стволами. Судя по запаху, он подумал, что кролики вряд ли могут питаться этой диковинкой, но здесь можно было спрятаться и переждать опасность, не привлекая ничего внимания.

Орех решил немедленно привести кроликов на поле, чтоб они могли отдохнуть до вечера под прикрытием душистых зарослей. Он нашел свой отряд на прежнем месте. Лохмач и Серебристый бодрствовали, а остальные дремали вполглаза.

— Знаете, я, кажется, отыскал место, где все мы можем отоспаться! — объявил им Орех.

— Это нора? — спросил Лохмач.

— Нет, норы здесь нет, но я нашел большое поле высоких душистых цветов! Они нас укроют, и мы сможем отдохнуть.

— А ты уже видел эти растения? — спросил Лохмач.

— Видел, они сразу же за холмом! Идемте, пока не

приехал человек на своем хрудудиле. — Так кролики называли трактор и автомобиль.

Серебристый разбудил кроликов и силой заставил их подняться. Спотыкаясь, кролики двигались с большой неохотой и ворчали в ответ на его уверения, что поле в двух шагах. Карабкаясь по склону, они разбрелись во все стороны. То останавливались пощипать траву, то садились на теплую, залитую солнцем землю отдохнуть и почесать за ушами.

Серебристый уже почти взобрался на вершину холма, когда откуда-то снизу послышался пронзительный визг, — так кричит смертельно испуганный кролик. Оказалось, что на Пятого и Горшочка напала ворона! Она заметила, что они устали и очень малы ростом, кроме того, отстав, хромают далеко позади отряда. Ворона спустилась на землю и, сделав огромный прыжок, нацелилась своим могучим клювом в голову Пятого, но тот сумел вовремя увернуться. Тогда, кружа вокруг высоких пучков травы и отчаянно вертя головой, она попыталась клювом достать Горшочка. Почувствовав, что ворона целится ему в глаз, Горшочек зарылся головой в куст травы в надежде вырыть себе ямку поглубже. Это он издал отчаянный вопль.

Орех в несколько секунд покрыл расстояние, отделявшее его от Горшочка. У него не было никакого ясного плана действий, и, наверное, он остановился бы в растерянности, если бы ворона не обернулась и не пошла на него в атаку. Орех покрутился на месте и замер. Он увидел, что с вершины холма на помощь к ним огромными прыжками мчится Лохмач. Ворона повернулась, бросилась на Лохмача и промахнулась. Когда ее клюв ударился о камень, раздался резкий скребущий звук. Тем временем Серебристый тоже прискакал на помощь. Ворона восстановила утерянное равновесие и, не теряя времени, набросилась теперь на него. Увидев, что ворона приближается, приплясывая и хлопая с невероятной быстротой крыльями, Серебристый в испуге попятился, и его чуть было не пронзил вороний клюв, но Лохмач налетел на ворону сзади, сбил ее с ног и заставил отступить. Неловко пятясь и спотыкаясь, ворона издала хриплый, полный ярости вопль.

— Держите ее! — кричал Лохмач. — Заходи сзади! Она трусит! Все вороны — жалкие трусихи! Они нападают только на слабых!

Но ворона уже летела прочь, медленно взмахивая

крыльями. Кролики увидели, как она поднялась над лесом и исчезла за рекой. В полной тишине слышно было только, как неторопливо двигается по полю пасущееся стадо коров.

Подойдя к Горшочку, Лохмач, чтоб отвлечь и рас-смешить, пробормотал ему на ухо шуточную песенку, которую часто распевала Аусла:

Хой, хой и эмблеер хрейр!
М'сайон уле храка вейр! —

что означало:

Лишь присядешь подкормиться,
Листик клевера схватить —
Злая Тысяча примчится,
Норовя тебя схватить!

— Давай, давай, Хлао-ру,— подбодрил Лохмач Горшочка,— поднимайся-ка! Ну и денек!

Горшочек поднялся и поплелся за ним. Наблюдая, как Горшочек пробирается по склону, Орех подумал, что тот и в самом деле как-то странно ставит на землю переднюю лапу, прыгая только на трех.

«Как только будем в безопасности, посмотрю, что у него с лапой,— решил Орех.— Не то он далеко не про-шагает».

Вскоре все кролики собрались в тенистых зарослях фасоли. Со всех сторон их окружали бегущие вдаль бобовые стволы с листьями, скрывающими от врагов. В случае нужды здесь можно было даже прокормиться, так как бледные побеги травы и один-другой одуванчик там и сям торчали из земли.

— Здесь мы можем хоть целый день проспать! — сказал Орех.— Только кто-нибудь должен все время стоять на страже. Я буду первым! А сейчас дай мне твою лапу, Хлао-ру. Кажется, в ней что-то торчит.

Лежащий на боку Горшочек, с трудом переводя дыхание, протянул свою лапу Ореху. Тот осторожно раздвинул грубую шерсть на тыльной стороне лапы. Из шерсти торчал овальный конец обломившегося шипа. Лапа кровоточила.

— У тебя в лапе большущий шип, Хлао,— сказал Орех.— Потерпи немного, мы его вытащим.

Вытянуть шип было нелегко: распухшая лапа так сильно болела, что Горшочек дергался каждый раз, когда

Орех пытался вылизать ранку. После немалых усилий Орех выдавил стержень шипа и ухватился за него зубами. Шип легко вышел, и из ранки потекла кровь. Стержень был такой длинный, что сидевший рядом Хокбит разбудил Веронику, чтобы тот тоже мог на него полюбоваться.

— Клянусь Фрисом на небе! — сказал Вероника, обнюхав шип. — Такой штукой мы сумели бы даже выколоть нашему лэндри глаза, кабы вовремя спохватиться!

— Полижи ранку, Хлао, — сказал Орех, — а когда перестанет болеть, ложись и засыпай.

3. Переход через пустошь

Солнце уже клонилось к закату, когда Орех проснулся. Он заметил, что Желудь, сидя между двумя блестящими осколками кремня, к чему-то прислушивается и принюхивается. Тени стали резче, ветер почти затих, и бобовые стебли стояли почти неподвижно. Неподалеку лежал Горшочек. Черно-желтый жук-могильщик, ползущий у него по брюху, остановился, покачал своими изогнутыми щупальцами и снова двинулся вперед. Орех вздрогнул, как от внезапного толчка. Он вспомнил, что эти жуки забираются на тушки погибших животных и откладывают в них яйца.

Неужели Горшочек погиб? Орех резко вскочил. Желудь, вздрогнув, обернулся. Горшочек перевернулся и открыл глаза, а испуганный жучок заторопился по гальке прочь.

— Как твоя лапа? — спросил Орех Горшочка.

Горшочек попробовал на нее опереться.

— Лапе гораздо лучше, — ответил он. — Я думаю, что смогу идти наравне со всеми. Ведь вы меня не бросите?

— Никто тебя не бросит, — ответил Орех. — Если надо остаться, я останусь с тобой!

Выстрел, раздавшийся совсем неподалеку, внезапно разорвал тишину. Чибис с криком поднялся ввысь. Вслед за выстрелом волнами разнеслось эхо, а из леса за рекой послышалось хлопанье крыльев лесного голубка. Кролики врассыпную бросились по полю в поисках нор, которых там не было и в помине.

На краю поля Орех остановился. Он с трепетом поджидал следующего выстрела, но вокруг царило безмолвие. Вскоре он почувствовал, как задрожала земля и тяжелыми шагами по склону прошел, удаляясь, человек. Через минуту посреди зарослей показалась голова Серебристого — он продирался через ближайшую грядку бобов.

— Надеюсь, что человек стрелял в ворону! — сказал он.

— Надеюсь, что ни один болван не пытался выбежать! — сердито сказал Орех. — Наши разбежались во все стороны! Как их теперь собрать?

— Это трудно, — сказал Серебристый. — Лучше вернемся на прежнее место. Со временем все придут туда.

Ожидая кроликов, Орех понял опасность их положения. У них не было нор, и они блуждали по незнакомой местности, где бродили лэндри, собаки, вороны и стрелки. Хорошо, что пока кроликам удавалось от них спастись. Долго ли им еще будет улыбаться счастье? Сумеют ли они добраться до такого холма, о котором говорил Пятый?

«Меня-то устроил бы любой приличный сухой бережок, — подумал Орех, — если на нем достаточно травы и не ходят люди с ружьями».

Как только кролики собрались, Орех отдал приказ отправляться в путь. Он осторожно выглянул из бобовых зарослей, принялся и успокоился: вечерний ветер нес лишь запах росы, лекарственной ромашки и коровьего навоза.

Орех повел кроликов на соседнее поле. На их счастье, оно оказалось хорошим пастбищем. Все кролики тотчас стали щипать траву с такой беззаботностью, будто неподалеку находились их норы. Когда они прошли поле до середины, Орех услышал нарастающий шум: приближался какой-то хрудудиль. В старой колонии Ореху часто доводилось видеть трактор из сэндлфордской усадьбы, но этот новый хрудудиль был легче и производил гораздо меньше шума. Сверкая несуществующими в природе, придуманными человеком красками и блестя больше, чем осыпанное снегом деревце остролиста, хрудудиль в одно мгновение пролетел мимо и скрылся из виду. Через минуту ветер донес до кроликов запах отработанного газа и бензина. Орех покрутил носом. Непонятно, как хрудудиль удастся так быстро пронестись по земле. Вернется ли он? Пронесется ли по полю быстрее кроликов и не схватит

ли их, как свою добычу? Пока Орех над этим раздумывал, к нему подошел Лохмач.

— Поблизости дорога! — объявил он.

— Откуда ты знаешь? — спросил Орех.

— Разве хрудудиль мог бы так быстро бегать без дороги? И неужели ты не чувствуешь этого запаха?

В вечернем воздухе отчетливо разносился запах горячего асфальта.

— Я в жизни такого не нюхал! — с раздражением ответил Орех.

— Я и забыл, что тебя не посылали воровать для Треараха салат. А то бы тебе многое пришлось узнать о дорогах, — сказал Лохмач. — В них, собственно, нет ничего плохого, только не надо на них соваться в ночное время: тогда они, действительно, становятся элиль!

Орех в удивлении уставился на дорогу. Сначала ему показалось, что между травяными берегами течет гладкая черная река. Затем он заметил гальку, запекающуюся в асфальте, и паука, перебегавшего дорогу.

— Это противно природе, — сказал он, ощущая сильный запах вара и асфальта. — Как это сюда попало?

— Это одна из вещей человека, — сказал Лохмач. — Люди стелют на землю такую вещь, а затем по ней бегают хрудудили. И бегают, заметь себе, быстрее нас!

— Значит, это опасно? Эта дорога может нас схватить? — осведомился Орех.

— Нет, эти дороги нас не трогают! Хочешь в этом убедиться? — сказал Лохмач.

Лохмач прыгнул с откоса и присел на краю дороги. Тем временем из-за поворота послышался шум еще одной приближающейся машины. Кролики с напряженным вниманием следили за тем, как, сверкая белой и зеленой краской, машина стремительно понеслась на Лохмача. На мгновение она заполнила весь мир шумом и ужасом, но через минуту ее уже не было, и только мех Лохмача ерошился от порыва ветра. Лохмач вернулся на откос и гордо уселся посреди изумленных товарищей.

— Видишь, дороги нам не страшны, — сказал он Ореху. — По сути дела, они неживые.

Любознательный Смородина отошел в сторонку и, пригнувшись, слез на край дороги. Орех увидел, как он резко вздрогнул и отскочил назад.

— Что там такое? — спросил Орех.

Смородина не отвечал. Орех и Лохмач поскакали

к нему. Смородина открывал и закрывал пасть, облизывая губы, как кошка, наткнувшаяся на что-то противное.

— Ты говоришь, что эта вещь безобидна, Лохмач,— сказал он тихо.— А я все-таки думаю, что она опасна.

Посреди дороги лежала кучка светлого меха и коричневых колючек, торчали черные лапки и раздавленный хоботок.

— Ведь это йона — еж! — сказал Смородина.— А разве йоны вредные? Йоны питаются улитками и жуками, и их никто не ест.

— Наверное, йона ночью переходил дорогу,— пояснил Лохмач,— а ночью хрудудили зажигают яркие огни, поярче лучей Фриса! Если попадешь в их свет, то уже ничего не видишь и забываешь, в какую сторону бежать. Тогда-то хрудудили нас и дают!

— А ведь скоро наступит темнота! Скорее перейдем эту штуку. Эти дороги нам ни к чему! Теперь я тоже о них кое-что знаю, и мне хочется бежать от них подалее,— сказал Орех.

* * *

Когда взошла луна, кролики перебрались через кладбище, где маленький ручеек бежал под мостиком. Они перелезли какой-то холм и оказались на пустоши — в царстве торфа, дрока и серебристой березы. После уютных полей, которые они только что оставили, этот край показался им жутким и неприветливым. Ничего не разбирая в темноте, путешественники забрались в заросли вереска. От росы их теплые шубки насквозь промокли. В густой чаще царило безмолвие. Кролики шли все тише и тише.

Издали ветер доносил до них разнообразные ночные звуки. То вдруг пропел петух, то пробежала собака, которую окликнул хозяин, то сова проухала: «и-уить! и-уить!» — и вслед за тем раздался писк землеройки. Все звуки, казалось, говорили о том, что здесь небезопасно находиться. Они сделали привал в какой-то торфяной яме. Поздней ночью Орех вылез на нависший над ними откос, чтобы получше разведать местность. Внезапно он услышал за спиной шорох и, обернувшись, увидел Хокбита. У него был такой смущенный вид, что Орех еще раз внимательно посмотрел, опасаясь, не заболел ли Хокбит.

— Гм, гм, послушай-ка, Орех! Гм, гм! — сказал тот,

установившись в землю, где ничего, кроме торфа, не было.— Я, гм, то есть все мы, гм, считаем, что дальше идти не стоит... Нам это надоело!

Наступило молчание. Орех заметил, что за спиной Хокбита стоят Вероника и Желудь и выжидательно прислушиваются.

— Мне тоже,— сказал Орех.— Я надеюсь, что скоро конец пути.

— Говори же, Хокбит,— вмешался Вероника,— или я ему все выложу!

— Нам это все более чем надоело,— сказал Хокбит с глупым и значительным видом.

— Мы хотим отдохнуть сейчас же! — снова вмешался Вероника.

— Чем дальше мы идем, тем места все хуже,— прибавил Желудь.— Долго ли продлится наш путь? Боюсь, что мы навсегда перестанем скакать и умрем.

— Я понимаю, что вас пугает этот край,— сказал Орех.— Но не вечно же перед нами будет пустыня!

Хокбит смотрел коварно и злобно.

— Нам не верится, что ты знаешь, куда нас ведешь,— сказал он.— Ты ничего не знал про реку и не знаешь, что находится впереди.

— Мы хотим повернуть домой! — сказал Желудь.— Мы думаем, что Пятый ошибся!

— Если вы доберетесь домой, вас убьют за нанесение побоев офицеру Ауслы, так что, ради Фриса, не говорите глупостей! — возразил Орех.

— Это не мы покусали Остролиста,— начал Вероника.

— Нет, но вы при этом присутствовали.— Орех замолчал, увидев, что к ним приближаются Лохмач и Пятый.

— Заберемся со мной на ближний бугор, Орех! — сказал Пятый.

— А я тем временем перекинусь словечком-другим с этими ребятами,— оскалившись, сказал Лохмач тоном, не обещающим ничего доброго смутьянам, и окинул их грозным взглядом из-под своей меховой шапки.— Что ты за неряха, Хокбит! Сейчас ты как две капли воды похож на оторванный мышинный хвост! А ты, Вероника, ты...

Орех уже не слышал, с чем сравнили Веронику. Вслед за Пятым по камням и торфу он вскарабкался на откос.

Слышно было, как снизу доносится голос Лохмача: «А ты, Желудь, ты — кролик с собачьими ушами и грязным носом! Теперь-то я проберу тебя как следует!»

Луна выплыла из-за облаков, ярко осветив вересковую пустошь. Пятый, не отрываясь, смотрел вдаль, где лежала холмистая равнина.

— Смотри, Орех,— сказал наконец Пятый.— Вот там, вдали, место для нас... Высокие пустынные холмы, где ходит один ветер и звук слышен издалека; там земля суше соломы в амбаре. Вот куда нужно идти!

Орех посмотрел на далекие, едва видные холмы. О том, чтобы забраться в такую даль, не могло быть и речи! Хорошо еще, если они сумеют пробиться сквозь вереск и дойти до какого-нибудь тихого поля! Большая удача, что Пятый не вылез со своим дурацким предложением перед другими кроликами.

— Мне кажется, что это слишком далеко, Пятый,— сказал Орех вслух.— Сейчас нам нужно поскорее найти первое попавшееся убежище.

Погруженный в думы Пятый не слышал соображений Ореха. Он забормотал каким-то странным голосом, как будто про себя:

— Между нами и холмом — полоса тумана!

— Туман? — переспросил Орех.— Погода ясная! Чего ты?

— Нас ждет какая-то таинственная опасность,— прошептал Пятый.— Это не элили! Похоже, что нас хотят заманить в туман...

Вокруг не было никакого тумана. Майская ночь была свежей и ясной. Орех в растерянности молчал, а Пятый добавил каким-то неживым голосом:

— Мы должны идти вперед, пока не достигнем холмов.— Он говорил, как во сне.— Кролик, который побежит через ход, рискует головой. Бегать — небезопасно! Бегать — не...— Он сильно вздрогнул, затем еще раз дернулся и затих.

В расщелине, внизу под ними, урок Лохмача, по-видимому, подходил к концу: «А теперь все вы, шайка овечьих клещей с сердцами кроликов, родившихся в неволе, прочь с моих глаз!»

Орех еще раз взглянул на едва различимую гряду холмов. Пятый что-то бормотал, копошась у его бока. Орех легонько толкнул его лапой и потерся ухом о его плечо. Пятый вздрогнул и очнулся.

Когда Пятый и Орех вернулись на дно торфяной ямы, их встретил Смородина, сидевший скорчившись на торфе. Он жевал болотную осоку.

— Здесь только что разразился бурный скандал,— поведал Смородина.— Лохмач грозился, что он на кусочки разорвет Хокбита и Веронику, если они не будут слушаться. А когда Хокбит поинтересовался, кто у нас Главный Кролик, Лохмач его укусил. А в самом деле, кто у нас Главный Кролик, ты или Лохмач?

— Не знаю. Лохмач, конечно, всех сильнее, но ему все-таки не следовало кусать Хокбита. Теперь Лохмач обидел его, и Хокбит будет считать, что идет вперед, потому что его заставляют. Я бы хотел, чтоб все поняли, что это для нас единственный возможный путь. У нас никто не должен раздавать приказаний и кусаться! Фрис в тумане! Неужели нам не хватает забот и опасностей? — сказал Орех.

Под низко нависшими ветвями ракитника Лохмач и Серебристый беседовали о чем-то с Крушиной. Невдалеке Горшочек и Одуванчик делали вид, что грызут ветку какого-то кустарника. Поодаль Желудь вылизывал Хокбиту шею, стараясь привлечь к нему всеобщее внимание.

— Сиди смирно, бедняга! — воскликнул Желудь, явно желая, чтоб все его услышали.— Дай мне вылизать кровь!

Хокбит скорчил ужасную гримасу и притворился, что ему очень больно. Остальные кролики выжидательно уставились на Ореха.

— Я знаю, что в мое отсутствие произошли кое-какие неприятности,— сказал Орех.— Сейчас самое лучшее — все это позабыть. Обещаю к восходу солнца вывести вас с этой пустоши! — добавил он. При этом Орех подумал, что если это сделать не удастся, его разорвут на части, хотя от этого никому не будет никакого проку.

Утомительное и страшное путешествие возобновилось.

Орех брел, как в тяжелом кошмаре, и все время чувствовал, что Горшочек не отстает от него ни на шаг. Другие кролики то появлялись рядом, то исчезали, но Горшочек был все время рядом, так что в конце концов необходимость подбадривать его стала для Ореха единственным способом одолеть собственную усталость.

— Сейчас уже недалеко, Хлао-ру, сейчас уже недалеко! — бормотал он в полусне.

Наконец начался рассвет, такой бледный, что его можно было принять за свет, который видишь, если смотреть из дальнего конца незнакомой норы.

Чувства Ореха мы могли бы сравнить с ощущениями генерала, чья армия только что потерпела поражение. Где его солдаты? Он надеялся, что они поблизости, но так ли это? Все ли здесь? Куда он их завел? Что ему делать?

Вдруг Горшочек всхлипнул и затрясся мелкой дрожью, и Орех повернулся, чтобы прижаться к нему носом.

Вскоре совсем рассвело, и Орех различил у себя перед самыми усами дорогу, покрытую щепнем. Ковыляя, он выбрался из вереска, уселся на камни и встряхнул шубку.

Впереди были отчетливо видны серовато-зеленые холмы Пятого. В насыщенном туманом воздухе они, казалось, стояли совсем близко, так что на их склонах можно было различить заросли дрока и исковерканные ветром яблони. Орех глядел вдаль и внезапно услышал за собой взволнованный голос:

— Видите, Орех нас вывел с пустоши! Я же вам говорил!

Орех повернул голову и увидел Смородину. Ему-то, измученному и грязному, и принадлежали эти слова. Желудь, Вероника и Крушина вслед за ним выбрались из вереска. Они почему-то во все глаза смотрели на Ореха, что его немало удивило. Когда они подошли поближе, он понял, что они смотрят не на него, а на что-то за его спиной. Он обернулся.

Дорога, усыпанная гравием, вела вниз, к небольшой рощице из серебристых берез и рябин. За ней шел редкий плетень, а дальше, между двумя полосками леса, лежало зеленое поле! Он все-таки вывел свой отряд с пустоши!

— Ах, Орех! Я так устал и запутался, что стал сомневаться, знаешь ли ты, куда нас ведешь! — Смородина обошел лужу и приблизился к Ореху. — Я слышал, что ты бормочешь: «Недалеко теперь, уже недалеко» — и только злился! Я думал, что ты притворяешься. Клянусь Фрисом, ты — молодец! Я считаю тебя нашим Главным Кроликом!

— Браво, наш вождь Орех, bravo! — присоединился к нему Крушина.

Орех безмолвно смотрел на них и не знал, что сказать. Тут заговорил Желудь:

— Побежим наперегонки до поля! Я еще могу бегать!

Он поскакал вниз по склону, но замер на месте, едва Орех топнул лапой.

— А где все остальные? — спросил Орех. — Где Одуванчик? Где Лохмач?

Крушина показал лапой вниз:

— Смотри, Орех-ра!¹ Серебристый и Лохмач уже внизу! Они нас дожидаются!

На фоне сероватых кустов дрока отчетливо блестела шкурка Серебристого, а Лохмач уже неся к ним навстречу.

— Все ли тут, Орех? — осведомился он.

— Все налицо! — ответил ему Смородина. — Говорил же я тебе, что Орех — настоящий Главный Кролик! Скажи-ка, Милорд Орех!

— Главный Кролик? Милорд Орех? — с возмущением перебил его Лохмач. — Клянусь самым Фрисом в осинном гнезде! День, в который я назову Ореха Главным, вам запомнится! Это будет замечательный день! В этот день я перестану драться!

Тот день впоследствии в самом деле окажется для всех памятным, но он пока тайлся в будущем, которое нельзя было предугадать, так что в ответ на слова Лохмача бедный Орех только отвернулся, чувствуя, что, может быть, и действительно его роль в переходе через вересковую пустошь была не слишком велика. Через минуту кролики уже шли под серебристыми березами, а когда солнце, встав, выбило красные и зеленые искры на каплях росы, покрывавших папоротник, они перебрались через плетень и вошли в густую луговую траву.

4. Встреча с незнакомецем **и чужая колония**

Купаясь в лучах солнца, усталые кролики беспечно паслись на лугу, как будто у них за плечами не лежал долгий путь, а просто они пришли с соседнего лесистого берега реки. Ночь, жуткий переход через вереск и трудная дорога были забыты, как будто все растопило солнце.

---

¹ «Ра» — почтительное обращение кроликов к старшему, вроде английского обращения «милорд». — *Прим. авт.*

Лохмач с Хокбитом гонялись друг за другом по высокой траве. Вероника прыгал туда и обратно через ручеек, пробегавший через поле, а когда Желудь попробовал собезьянничать и упал в воду, Серебристый стал над ним беззлобно подшучивать и повалил его на кучу сухих дубовых листьев, чтобы он немного подсох.

Орех, Пятый и Одуванчик уселись под цветущей вишней. Вокруг них все падали и падали белоснежные лепестки, покрывая траву и пестря их шубки, а невдалеке от них дрозд сладко пел свою песню.

— Разве здесь не чудесно? — лениво спросил Одуванчик. — Кстати, не нужно ли нам заранее поискать местечко для нор? Мне кажется, скоро пойдет дождь.

Пятый собрался было открыть рот, но вместо этого только потряс ушами и стал жевать лист одуванчика.

— А что ты скажешь, Пятый? — спросил Орех.

Немного поколебавшись, Пятый ответил:

— Делай, что находишь нужным, Орех!

— Надеюсь, нет необходимости всерьез заняться рытьем нор? — осведомился Лохмач. — Ведь это не мужское дело!¹

— Но нам нужно иметь какое-то убежище, — сказал Орех. — Поищем в роще подходящее место!

— Ладно! Ройте норы! — поддержал его Лохмач. — А я заберу Серебристого и Крушину и пойду в разведку на дальние поля, посмотрю, нет ли там чего-нибудь подозрительного.

Три разведчика пустились в путь вдоль ручья. С поля было видно, как разведчики то появлялись из-за кустов красного горюцвета, то снова исчезали. Оставшиеся кролики завели веселую потасовку в прелых листьях под кустами орешника. Затем под предводительством Ореха они отправились на поиски местечка позавиднее. Вскоре они поднялись на горку у ручья. Вдали показалась крыша фермы. Орех остановился и внимательно осмотрелся.

— Странно, что здесь нет никаких следов элилей! Но все же лучше всего начать рыть колонию у корней старого дуба, подальше от фермы!

— Хорошая мысль! — с одобрением произнес Смородина. — Смотрите, Лохмач уже возвращается из разведки!

---

¹ Обычно самцы кроликов чрезвычайно редко занимаются рытьем нор. Это естественная задача крольчих. — *Прим. авт.*

— Думаю, что нас здесь никто не потревожит, Орех! — сказал, подскакав поближе, Лохмач. — Ферма далеко, а в полях нет никаких следов элилей. Здесь только следы человека, и они очень четкие. Запах свежий, и повсюду разбросано много этих белых палочек, которые они так любят носить зажженными во рту. Может быть, близость человека к лучшему: он будет отпугивать от нас элилей.

— А как ты думаешь: зачем сюда приходит человек? — спросил Пятый.

— Кто знает, что человеку взбредет в голову? Может быть, он пасет на лугу коров, а может быть, рубит в лесу дрова. А нам до него что за дело? Я запросто сумею удрать от человека! Это легче, чем увернуться от лисы! — сказал Лохмач.

Орех распорядился, чтобы все приступили к рытью нор. В это утро работа у наших кроликов шла споро. С обеих сторон дуба почва была сухой и легкой, местами попадался даже песок. Они несколько раз начинали рыть, по временам передыхая, но к ни-Фрису у них было уже три приличных норы.

Из всех кроликов только один Пятый не принимал участия в работе. Он замер в одиночестве на краю канавы, по временам беспокойно ерзая на месте и то принимаясь за траву, то тревожно к чему-то прислушиваясь. Орех пытался заговорить с ним, но, не получив ответа, решил, что лучше оставить Пятого в покое. Поэтому он обошел Пятого и уселся на склоне, делая вид, что всецело поглощен ходом работ.

Вскоре после ни-Фриса небо заволокло тучами. Стало темно, и с запада потянуло дождем. Синица, которая весь день, сидя рядом на кусте ежевики, весело пела: «Эй, эй, эй, лети сюда скорей!», улетела в лес. Размышляя, не стоит ли соединить норы Лохмача и Одуванчика боковым ходом, Орех внезапно услышал, как кто-то поблизости тревожно стучит лапой о землю. Быстро обернувшись, он увидел, что стучит Пятый, вглядываясь куда-то в конец поля.

Там, на опушке роши, у куста травы, сидел, наблюдая за ними, незнакомый кролик с настороженными ушами. Чтобы показать, что он заметил незнакомца, Орех сначала привстал на задних лапах, а затем снова присел. Чужой кролик не двинулся с места. Орех не спускал с него глаз и вскоре почувствовал, что все его товарищи подошли

к нему сзади и стоят за спиной. Он подозвал Смородину и поскакал навстречу чужаку.

Незнакомый кролик сидел спокойно, пристально наблюдая за их приближением. Теперь они могли хорошо его рассмотреть. Это был крупный, красивый, упитанный кролик. Он не казался сердитым или злобным, и в том, как он смиренно дожидался их приближения, было что-то странное и противоестественное. Орех и Смородина остановились, разглядывая незнакомца.

— Я не думаю, что он опасен,— заметил Смородина.

В это время незнакомец двинулся им навстречу. Они с Орехом одновременно вопросительно коснулись друг друга носами и принялись. Незнакомец издавал какой-то необычный, но в любом случае приятный запах. Этот запах говорил о здоровье, праздности, о сытной пище. Казалось, чужой кролик явился из какой-то благоденствующей страны. Молчание незнакомца вынудило Ореха сказать первые слова.

— Мы пришли из-за вереска,— сказал он.

Кролик молчал, но имел вполне безобидный вид. Он выглядел чуть-чуть меланхолично, что было совсем уже удивительно.

— Мы видели, как вы пришли,— сказал наконец чужой кролик.

— Мы собираемся здесь остаться,— твердо сказал Орех.

Чужой кролик не выказал особого волнения.

— А почему бы и нет? — сказал он.— Только вас слишком мало! Кроликам безопаснее жить большим стадом!

Орех удивился. По-видимому, весть о том, что они собираются остаться, нисколько не беспокоила кролика. Интересно: сколько кроликов прячется в соседней роще, наблюдая за ними? Не собираются ли на них напасть? По поведению чужого кролика ни о чем нельзя было судить. Он казался задумчивым, слегка усталым, но вполне дружелюбным. Его ленивая манера, большой рост, холёная внешность и безразличие к их прибытию — все это казалось Ореху непонятным и подозрительным. Если здесь таится какая-то ловушка, не ясно было, что она собой представляет. Орех решил говорить прямо и не скрывать истины.

— Мы не ищем ссоры, но если кто-нибудь попытается нам помешать... — начал Орех.

Чужой кролик вежливо остановил его:

— Помилуй! Мы вам рады. Если ты собираешься идти к своим, я пойду с тобой. Ты не возражаешь?

Он поскакал по направлению к отряду. Орех и Смородина, переглянувшись, догнали его. Чужой кролик бежал легко, не торопясь и явно не боялся их. Орех еще больше удивился. Чужой кролик не опасается, что они всей кучей, или хрейрой, навалятся на него и убьют? Зачем ему так рисковать? Что он от этого выиграет? Все это было совершенно непонятно.

Когда Орех и чужой кролик подскакали к дубу, все наши кролики уже сидели на задних лапах, тревожно следя за их приближением. Орех остановился, не зная, что сказать. Если бы с ними не было незнакомца, он просто пересказал бы своими словами весь их разговор, а если бы они со Смородиной силой притащили за собой чужого кролика, то можно было приказать Лохмачу или Серебристому постеречь его, но сложившаяся ситуация была Ореху незнакома. Чужой кролик сидел рядом, молчаливо оглядывая его спутников и вежливо ожидая, чтобы кто-нибудь другой объяснил собравшимся положение. Грубоватый и, как всегда, прямой Лохмач разрядил щекотливую обстановку.

— Зачем пришел сюда этот чужак? — спросил он.

— Не знаю, — сказал Орех, чувствуя себя дураком, но стараясь не опускать глаз.

— Что ж, спросим его самого, — с издевкой произнес Лохмач.

Он подошел к чужому кролику поближе, чтобы, подобно Ореху, обнюхать его. По-видимому, запах чужого кролика тоже произвел на него глубокое впечатление, так как он неуверенно остановился, а затем отрывисто и грубо спросил:

— Кто ты и что тебе здесь нужно?

— Меня зовут Львиная Пасть. Мне ничего не нужно, — отвечал чужой кролик. — Я слышал, что вы пришли издалека.

— Может, и так, — сказал Лохмач. — Но мы сумеем за себя постоять!

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал Львиная Пасть, окидывая взглядом забрызганных грязью и взъерошенных кроликов с таким видом, как будто вежливость заставляла его воздержаться от комментариев. — Зато от непогоды вам нелегко будет защититься. Скоро пойдет дождь,

а ваши норы еще не закончены.— Он взглянул на Лохмача, словно ожидая дальнейших расспросов. Тот имел слегка сконфуженный вид. Очевидно, он, подобно Ореху, не понимал, в чем дело.

В наступившей тишине был слышен шум крепчавшего ветра. Внезапно вперед вышел Пятый.

— Мы тебя не понимаем,— сказал он.— Говори прямо: можно ли тебе довериться?

Нервная речь Пятого произвела на Львиную Пасть не большее впечатление, чем весь предшествующий разговор. Он провел передней лапой по тыльной стороне уха и не спеша ответил:

— Мне кажется, вы зря ломаете себе головы. Ну да, вы можете нам довериться, мы вовсе не хотим вас выгнать! Наша колония — близко, и нам хотелось бы, чтобы в ней было побольше жителей. Зачем причинять вам вред? Ведь здесь вдоволь травы, не так ли?

Несмотря на свой загадочный и непонятный вид, незнакомец говорил так разумно, что Орех почувствовал себя пристыженным.

— Нам пришлось многое пережить, и сейчас все новое кажется нам подозрительным,— сказал он.— Вы могли подумать, что мы хотим отнять у вас крольчих или выгнать вас из нор.

Львиная Пасть серьезно выслушал его и ответил:

— Я хочу вам кое-что сказать по поводу ваших нор. Они неудобны. Западный ветер будет задувать прямо в них. В нашей колонии много незанятых нор, и мы будем рады вашему приходу. А сейчас извините меня, я пойду домой. Я не люблю сидеть под дождем.

Он сбегал по склону и перескочил ручей. Кролики видели, как он одним прыжком поднялся на противоположный холм и исчез в папоротниках.

Прошуршав в дубовых ветвях, упали первые капли дождя. Они неприятно кололи розовую кожуцу внутри кроличьих ушей.

— Этот незнакомец — красивый парень, и великан притом,— сказал Крушина.— Непохоже, чтобы ему приходилось заботиться о пропитании!

— А ведь он нам не наврал! Наши норы малы, и в скверную погоду в них можно забиться, согнувшись в три погибели, но и только! — заметил Серебристый.

— Я прежде всего хотел бы обсудить предложение незнакомца. Пятый, Лохмач и Смородина пойдут в одну

нору со мной,— сказал Орех.— Остальные пусть сидят, кто с кем захочет.

В самом деле, новые норы были узки, коротки и неудобны. Даже два кролика не могли разойтись в такой норе, а четверо сидели тесно, как горошины в стручке. Тут Орех впервые пожалел о старой колонии, оставшейся далеко позади.

Наши кролики рыли норы впервые. В результате у них получилось просто недоделанное, черновое жилье.

Лохмач, полный кипучей энергии, вскоре вновь принялся за работу, Орех же уселся у входа, глядя на колеблющуюся стену дождя, бесконечным потоком заливающего долину, и задумался. В воздухе запахло отсыревшей прошлогодней листвой. Стало прохладно. Лепестки цветов вишневого деревца, под которым они утром сидели, сейчас, грязные и намокшие, валялись по всему полю. Тем временем, как это и предсказывал Львиная Пасть, ветер подул с запада. Он погнал струйки воды прямо в нору. Орех попятился и присоединился к своим соседям. Тут он остро почувствовал, что все они похожи на грязную кучку разношерстного сброда, забившуюся в узкую и холодную дыру в дикой и чужой местности.

— Скажи, Смородина, что ты думаешь о нашем госте? — спросил Орех.

— Проверить, можно ли ему довериться, можно одним-единственным способом: надо попробовать навдаться в их колонию,— степенно сказал Смородина.— Существует мнение, что они хотят нас убить, только зачем это им? Ведь здесь в самом деле много травы! А если все они такого же роста, как этот первый кролик, то им нечего бояться, что такие жалкие бродяги, как мы, выгонят их и заберут крольчих. Кроме того, мы пришли сюда чуть живые, и это было отличное время для внезапной атаки! Однако они этой возможностью не воспользовались. Мне кажется, что у них скорее мирные намерения. Меня смущает только один вопрос: какой им прок от того, что мы присоединимся к их колонии?

— Может быть, они боятся, что мы как дураки приманим сюда элилей? — Вытряхивая землю из бакенбард и отдуваясь, Лохмач показал длинные передние зубы.— И в самом деле, пока мы досконально не узнаем здешних мест, мы долго будем дураками. Может быть, они собираются научить нас здешнему образу жизни? Пусть это не так, не спорю, но я не боюсь пойти к ним и все

разузнать. Если они попытаются выкинуть какие-нибудь штучки, они увидят, что я тоже знаю парочку-другую фокусов. По крайней мере мы сможем выпасться в приличных условиях!

— А что ты скажешь, Пятый?

— Лучше не иметь ничего общего с тем кроликом и его колонией! — с тревогой сказал Пятый.

Замерзший и промокший Орех рассердился. Он привык полагаться на интуицию Пятого, и вдруг Пятый сказал глупость как раз тогда, когда его совет был необходим! Смородина рассуждал превосходно. Лохмач тоже говорил, как здравомыслящий кролик. Видно, от Пятого не дожидаться сейчас ничего, кроме нытья, которое пристало лишь жужелице или жуку! В оправдание Пятому Орех вспомнил, что тот слабый и маленький и что они пережили огромные трудности.

В этот момент в отдаленном углу норы стала осыпаться почва, и вскоре из отверстия появилась голова и передние лапы Серебристого.

— Вот и мы! — весело сказал он. — Что же вы решили насчет предложения этого... как его? Львиной Лапки или Львиной Пасти? Идем мы в их колонию? Или трусливо отсидимся?

— Можно мне сказать? — спросил, из-за его плеча Одуванчик. — Нам рано или поздно придется начать с ними переговоры, и мне почему-то не нравится, что мы опасаемся пойти к ним.

— И мне тоже противно держаться в сторонке. С каких это пор кролики стали считаться элитами? Старина Львиная Пасть не побоялся к нам прийти, хоть нас и много! — вскричал Серебристый.

— Решено! Мы идем! — сказал Орех. — Но не идти нам с Лохмачом вперед?

— Нет! Идемте все вместе, — сказал Серебристый. — Только, ради Фриса, не подавайте вида, что вы их боитесь!

— Тогда вперед! — сказал Орех.

Снаружи стало немного посветлее, хотя дождь все еще заливал глаза. Дожидаясь, пока все соберутся вместе, Орех внимательно осмотрел свой отряд. Подвижный и сообразительный Смородина, прежде чем перескочить канаву, сначала посмотрел вверх, а потом себе под ноги. За ним шел Лохмач, радуясь предстоящему делу, и спокойный Серебристый, на которого вполне можно было положиться. Блестящий рассказчик Одуванчик так

торопился, что, перепрыгнув канаву, вскачь помчался по полю, хотя вскоре остановился, чтобы подождать товарищей. За ним шел Крушина, пожалуй, самый уравновешенный и надежный из кроликов отряда. Горшочек беспокойно оглядывался по сторонам и искал глазами Ореха, чтобы пристроиться рядом с ним. Далее двигались Хокбит, Вероника и Желудь, вполне приличные рядовые. Последним неохотно брел Пятый, чем-то угнетенный и похожий на замерзающую ласточку.

Орех вскоре увидел ту дорогу, которой к ним пришел Львиная Пасть: из зарослей папоротников в поле выбежала хорошо протоптанная кроличья тропа. Вдали на песчаном склоне легко можно было различить кроличьи норы, отчетливо черневшие на голой земле. Это была чрезвычайно открытая колония!

— Клянусь небом! — воскликнул Лохмач. — Все живущее вблизи зверье, наверное, отлично знает, что колония расположена именно на этом месте! Смотрите, как много кроличьих следов!

— Может быть, они здесь в такой безопасности, что вовсе не стараются прятаться? — предположил Смородина. — Если помните, наша старая колония тоже была не слишком-то замаскирована.

— Да, но все же и не так открыта!

Когда наш отряд приблизился к норам, над канавой появились два кролика. Они уселись и стали поджидать гостей.

— Кролик по имени Львиная Пасть предложил нам убежище, — сказал им Орех.

В ответ оба кролика, как будто в танце, проделали какие-то странные движения головой и передними лапами. Орех и его друзья знали, что для знакомства кролики обычно довольствуются взаимным обнюхиванием, как это сделали при встрече Орех и Львиная Пасть. Сейчас наши кролики подумали, что их хотят озадачить, и сконфузились. Танцоры остановились, явно ожидая ответных жестов от наших кроликов, но те не двигались с места.

— Львиная Пасть в большой норе, — наконец сказал один из чужих кроликов. — Если хотите, идемте с нами!

— А кого из нас вы приглашаете? — спросил Орех.

— Как кого? Всех, конечно! — отвечал кролик с удивлением. — Разве кто-нибудь из вас хочет мокнуть под дождем?

Орех предполагал, что его и пару его товарищей познакомят с Главным Кроликом. Поскольку Львиная Пасть приходил к ним без свиты, он, по-видимому, не был Главным. Впоследствии гостям наверняка предложат разойтись по разным норам. Однако, спустившись под землю, Орех с удивлением заметил, что главная нора колонии была так велика, что могла одновременно вместить огромное множество кроличьего народа. Он так заинтересовался этим обстоятельством, что не отдал распоряжений, в каком порядке его кроликам следует спускаться. Он едва успел позвать с собой Горшочка. «Это обрадует его и согреет бедное сердечко,— подумал Орех,— а если на наших главарей нападут, то в бою и без него будет легко обойтись».

При всем том Орех успел попросить Лохмача быть замыкающим отряда.

— Если начнется драка, выбирайся сам и уводи с собой всех, кого сумеешь захватить,— шепнул он. Затем Орех смело последовал за кроликом-проводником в подземный туннель.

Очевидно, гостей ввели в главный ход, от которого во всех направлениях ответвлялись другие туннели. Провожатые двигались так быстро, что Орех едва успел обнюхать стены. Внезапно он почувствовал, что находится на открытом месте, и остановился. Ни перед его усами, ни с боков не было больше ни стен, ни земли. Поблизости толпилось много кроликов.

Тут он услышал голос Львиной Пасти.

— Мы вам рады! — сказал Львиная Пасть. — Добро пожаловать!

Голос этот шел откуда-то издалека. Орех чуть не подпрыгнул от удивления. Очевидно, подземная нора была огромных размеров! Он никогда в таких не бывал! Он заметил, что несколько больших древесных корней поддерживали огромный купол потолка. В норе была толпа кроликов, во много раз превышавшая его отряд, и от всех исходил тот же запах довольства и благосостояния, что и от Львиной Пасти.

Друзья Ореха с топотом и шумом один за другим выходили из туннеля в зал. Орех раздумывал, каким должен быть его ответ, официальным или дружеским, и следует ли ему назвать себя Главным Кроликом. У него пока еще не было опыта подобного рода. Треаракто, несомненно, с легкостью справился бы с подобной

задачей! Он решил, что лучше всего говорить просто и по-дружески. В конце концов, когда они устроятся в колонии, у них будет время на то, чтобы показать этим чужакам, что они не хуже других. А с самого начала лучше не задаваться, это может вызвать только скандал!

— Мы рады, что укрылись от непогоды, — сказал Орех, — и мы, как весь кроличий род, лучше всего чувствуем себя в большой компании. Львиная Пасть сказал нам, что у вас небольшая колония, однако, судя по норам, которые мы видели на поле, у вас множество кроликов!

По какой-то странной причине чужих кроликов смутила его речь, и Орех подумал, что, отозвавшись с таким восхищением об их колонии, он взял почему-то неверный тон. Может быть, здесь и в самом деле было мало кроликов? Не было ли у них какой-нибудь эпидемии? Но болезнью, казалось, не пахло, и следов ее нигде не было видно. Ему никогда не встречались такие крупные и здоровые кролики. Может быть, их беспокойство и странное молчание имели какую-то иную причину? Может быть, он с непривычки нескладно говорил и хозяева подумали, что его кролики — неровня им, с их тонкими манерами?

«Не беда! — подумал он. — После вчерашней ночи я уверен в моих ребятах! Не будь мы ловкими и умными и не умей мы справляться с трудностями — мы бы никогда сюда не добрались! Во всяком случае, мы как будто им понравились».

Кролики начали знакомство на свой обычный кроличий манер, обнюхиваясь. Через некоторое время все участники сбора поняли, что знакомство состоялось и собрание не выльется во всеобщее побоище.

Орех заметил, что невдалеке от него сидит Горшочек, прижавшись к двум громадным кроликам, каждый из которых мог бы одним ударом перешибить ему хребет, а Лохмач уже затеял с Львиной Пастью шутовскую потасовку, причем они кусались, как крольчата, а затем почесывали себе уши с комичной серьезностью. Только Пятый сидел в стороне, в полном одиночестве. Он был не то болен, не то подавлен, и чужие кролики инстинктивно избегали его.

Орех понял, что собрание окончилось благоприятным образом, и почувствовал большое облегчение. Он успокоился и тотчас согрелся. Он прошел залу из конца в конец в компании тесно прижавшихся к нему кролика и крольчихи таких же огромных размеров, как Львиная

Пасть. Когда его соседи сделали несколько прыжков вниз по одному из ближних ходов, Орех последовал за ними. Из залы они прошли в небольшую нору, находящуюся поглубже. По-видимому, эта нора принадлежала его провожатым, так как они расположились в ней по-домашнему, но оба не возражали, когда Орех последовал их примеру. Волнение понемногу отступило, и все трое некоторое время хранили молчание.

— Ваш Главный Кролик — Львиная Пасть? — спросил наконец Орех.

На его вопрос ответили вопросом:

— А тебя называют Главным Кроликом?

Орех почувствовал себя неловко. Если он скажет «да», то его новые знакомые будут называть его Главным, а можно было представить, как примет это Лохмач. Как обычно, Орех ответил честно и прямо.

— Нас очень мало,— сказал он.— Мы бежали из дома от всяческих неприятностей в большой спешке. Большая часть кроликов осталась в старой колонии, и Главный Кролик остался с ними! Я стараюсь руководить моими друзьями, но не знаю, захочется ли им называть меня Главным Кроликом.

Орех подумал: «Ну, теперь начнутся расспросы: а почему вы убежали из колонии?»

Однако то ли чужого кролика не заинтересовал рассказ Ореха, то ли по какой-либо иной причине, но его ни о чем не спросили.

— Мы никого не называем Главным Кроликом,— сказал новый знакомый Ореха.— Львиной Пасти захотелось пойти к вам, вот он и пошел.

— А кто у вас решает, как поступить с элиями? Кто назначает, кому рыть норы, кому идти на разведку и все такое прочее? — спросил Орех.

— А мы никогда ничего такого не делаем! Элили сторонятся здешних мест. Прошлой зимой здесь жила хомба — лиса, но человек, обходивший поля, на днях ее застрелил.

Орех удивился:

— В это время года люди не стреляют лис!

— Однако эту хомбу человек застрелил! Он также стреляет сов. А рыть нам не нужно! Здесь и так много пустых нор. Налеты на огороды тоже не нужны. Здесь пища лучше, чем где бы то ни было. Ты и твои друзья не прогадали! Вы здесь будете счастливы!

Как ни странно, у самого хозяина был далеко не счастливый вид, и Орех снова почувствовал недоумение.

— А где человек...— начал он, но его тотчас же перебили:

— Меня зовут Земляником, а мою крольчиху — Нильдрохейн — Песня Дрозда. Неподалеку находится несколько отличных пустых нор. Может быть, твои друзья захотят устроить там свое жилье? А скажи: понравилась ли тебе большая зала? Ведь это чудо! Я уверен, что немного найдется на свете нор, где кролики могут собираться целым стадом!

Орех заподозрил, что Земляника намеренно начал поспешно болтать, чтоб отвлечь его от расспросов. Орех был раздосадован и удивлен. «Не беда,— решил он, обдумав положение.— Все равно нам повезло, если мы у них сумеем вырасти до размеров этих ребят! Поблизости, должно быть, есть отличный корм. Между прочим, его крольчиха просто красавица! Надеюсь, что в колонии есть и другие, еще получше видом!»

Через некоторое время Земляника вылез из норы и спустился в другой ход. Орех последовал за ним. Обойдя стороной норы, из которых отчетливо несло крысиным запахом, они остановились в какой-то глубокой яме, наминавшей шахту. Крутой туннель отвесно поднимался вверх. Обычно кроличьи ходы изогнуты, подобно луку, а здесь туннель был совершенно прямой, так что над головой у себя Орех увидел листья на фоне ночного неба. Он почувствовал, что одна из вогнутых стен шахты была из какого-то странного материала, и недоверчиво ее понюхал.

— Раньше здесь был колодец, но сейчас он завалялся! — объяснил Земляника.

— К стене что-то пристало! — воскликнул Орех.— Ой, да это просто камни!

— Тебе это понравилось? — спросил Земляника.

В полном замешательстве Орех ответил:

— Не знаю.

Все еще недоумевая, Орех осмотрел камни. Все они были одинакового размера и через одинаковые промежутки зарыты в землю. Он ничего не мог понять.

— Зачем они вам? — спросил он.

— Это Эль-Эхрейра, — с таинственным видом сказал Земляника.— Давным-давно эти камни сложил кролик по имени Золотой Дождь — Лэбернем...

Орех оказался в большом затруднении. Он никогда не видал растения под названием «золотой дождь», и само это слово заставило его призадуматься, потому что кроличьи «лэбернем» значит «древу яда». «Разве можно таким злым словом называть кролика?» — подумал он. Как могут простые камни стать Эль-Эхрейрой?

— Мы называем это Фигурой, — еще более туманно объяснил Земляника. — Камни образуют на стене фигуру Эль-Эхрейры. Он только что украл у короля салат.

Орех совершенно запутался. Ясно ему было только одно — что камни не имеют никакого отношения к Эль-Эхрейре. С тем же успехом Земляника мог ему сказать, что у него не хвост, а дубовый росток! Орех поднес лапу к стене.

— Осторожней! — воскликнул Земляника. — Ничего не трогай!

— А где... — начал было Орех, но Земляника снова перебил его:

— Наверное, ты проголодался. Я тоже ужасно хочу есть. Скорее всего всю ночь напролет будет идти дождь, но мы, знаешь ли, кормимся под землей. А потом ты сможешь улечься спать в большой норе!

По пути Земляника болтал, ни на минуту не переставая. Орех заметил, что любой его вопрос, начинающийся с «где» или «куда», побуждает Земляника немедленно прервать собеседника и вызывает поток безудержной болтовни. Он решил проверить свое наблюдение. Когда Земляника окончил свою торопливую речь и заявил: «Мы уже почти пришли в большую нору!», Орех внезапно спросил его: «А где...».

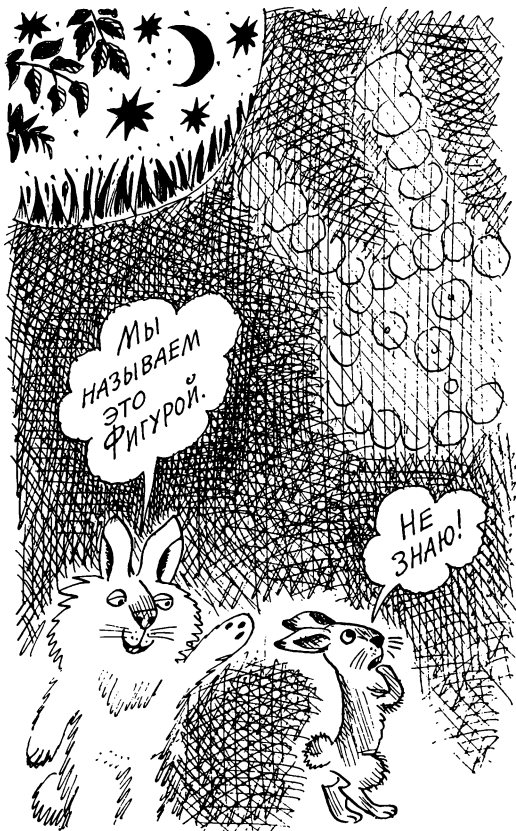
В ту же минуту Земляника повернул в другую сторону и поспешил в боковой ход со словами: «Лютик! Отзовись! Идем в большую нору?»

Никто ему не ответил.

— Странно! — заметил Земляника, вернувшись назад и снова шагая впереди. — В это время он обычно бывает здесь. Я, знаешь, часто зову его, чтобы идти вместе на ужин!

Немного отстав, Орех поспешно исследовал ход своими усами и носом. Порог норы покрывала мягкая земля. На ней были отчетливо видны следы Земляники, но никаких других следов здесь не было.

В этот раз в зале было кроликов поменьше. Ореху и Землянике попала навстречу Нильдрохейн и с ней

МЫ
НАЗЫВАЕМ
ЭТО
ФИГУРОЙ.

НЕ
ЗНАЮ!

еще три красивые крольчихи. Ореху показалось, что они что-то жевали. Вокруг сильно пахло зеленыю. Очевидно, под землей можно было достать какую-то пищу. Нильдрыхейн спросила его, видел ли он фигуру Эль-Эхрейры.

— Эти странные камни мне не очень понравились. Я бы с гораздо большим удовольствием любовался тобой и твоими подругами! — сказал Орех. При этих словах к ним подошел Львиная Пасть. Земляника и Львиная Пасть завели вполголоса разговор. До Ореха донеслись слова Земляники: «Он никогда не видел Фигуры...» — и ответ Львиной Пасты: «Ну, нам это безразлично...»

Почему-то Орех почувствовал себя очень усталым и несчастным. Он увидел за широкой лоснящейся спиной Львиной Пасты Смородину и направился к нему.

— Идем наверх, на траву, — тихо сказал он. — Попасемся!

Тут Львиная Пасть повернулся к ним и сказал:

— Наверное, вы не откажетесь чего-нибудь перекусить!

— Мы собираемся пойти на сильфлей, попастьись снаружи! — сказал Орех.

— Но сейчас идет ужасный дождь! — сказал Львиная Пасть таким тоном, словно о выходе наверх не могло быть и речи.

— Мне очень не хочется спорить, — твердо сказал Орех, — но мы должны попастьись. Мы не боимся дождя.

Казалось, что Львиная Пасть несколько растерялся. Затем он вдруг неожиданно рассмеялся.

Смех незнаком животным, поэтому хохот Львиной Пасты произвел на Ореха и Смородину устрашающее впечатление. Орех подумал, что Львиная Пасть чем-то заболел. Смородина же решил, что Львиная Пасть собирается на них напасть, и отступил в ближайший проход. Львиная Пасть продолжал как-то жутко хихикать, и испуганные Орех и Смородина повернулись и поспешно скрылись. Бежали они в такой панике, как будто Львиная Пасть внезапно превратился в хорька. На полпути они встретили Горшочка. Тот был так мал, что они легко обошли его в широком туннеле. Он увязался за ними.

Усевшись в траве, все трое усердно принялись ее щипать, не замечая дождя, струйками стекавшего с их шубок.

— Скажи, пожалуйста, Орех, неужели ты в самом деле всерьез вышел на сильфлей? Погода просто ужасная!

Я уже готов был съесть все, что нам подадут, и залечь спать. Что тебя тревожит? — спросил Смородина.

— Сам не знаю! Мне вдруг страшно захотелось выйти наверх и побыть вместе с вами. Сейчас я, кажется, понимаю, что беспокоит Пятого. В этих кроликах и в самом деле есть что-то странное. Например, они для чего-то закладывают камни в стену, — сказал Орех.

В этих и других странностях незнакомых кроликов даже сам Смородина не мог разобраться и был в не меньшем недоумении.

— А ты что о них думаешь, Хлао-ру? — спросил Орех Горшочка.

— Они добрые и милые, — ответил тот. — Только ужасно грустные, хотя, казалось бы, чего им грустить, когда все они такие большие и сильные и у них такая чудесная колония? Наверное, я просто глуп, Орех! Раз ты привел нас сюда, значит, это самое чудесное и безопасное место!

— Нет, ты далеко не глуп! Ты прав! У всех у них наверняка что-то на уме!

— Мы не знаем, что здесь произошло и отчего их осталось так мало, — вмешался Смородина. — Может быть, их постигла какая-то беда?

— Они от нас что-то скрывают! Если мы здесь останемся, нам придется все разузнать, чтобы суметь в дальнейшем с ними ладить, — сказал Орех. — Мы не можем с ними драться: они такие великаны!

— Мне кажется, они не умеют драться, Орех, — промолвил Горшочек. — Хотя они и очень большие, мне они не кажутся настоящими бойцами, вроде нашего Лохмача или Серебристого.

— Все-то ты у нас подмечаешь, Хлао-ру! А не заметил ли ты, что дождь полил еще сильнее? Я уже достаточно набил себе травой желудок. Пора в норы!

Кролики влезли в туннель и вскоре нашли пустую сухую нору, где свернулись клубочком и заснули, чувствуя приятную теплоту.

Проснувшись, Орех сразу же понял, что настало утро. Он судил по запаху и твердо определил, что уже взошло солнце. Можно было отчетливо различить аромат цветущей яблони; затем к нему присоединился более слабый запах лютиков и лошадей. К этому примешивался еще один, встревоживший Ореха запах. Совершенно противостественный, он говорил о чем-то опасном и шел откуда-то сверху. Это был запах дыма. Наверху что-то горело!

Орех вспомнил, что Лохмач говорил о беленьких палочках в траве. Вот чем пахло! Наверху по земле только что прошел человек!

Орех находился в теплой норе, и его охватило блаженное ощущение безопасности. Он учуял человека, а тот не сумел его учуять! Человек мог нюхать только тот противный дым, который сам для чего-то делал.

Горшочек заворочался во сне, бормоча тихонько: «Сайн лей нарн, мали?» — «А вкусен крестовник, матушка?», и Орех, тронутый тем, что Горшочек грезит о детстве, повернулся на другой бок, чтобы дать ему возможность снова уютно пристроиться. Тут он услышал, как какой-то кролик спускается в соседнюю нору. Внезапно вновь прибывший застучал лапой и как-то странно закричал. Когда кролик подошел поближе, Орех смог различить слова: «Флейра! Флейра!» — «Свежие овощи!» Он узнал голос Земляники.

Выбравшись из норы в туннель, Орех сразу же на него натолкнулся. Тот продолжал топтать лапой по твердому земляному полу.

— Моя мать, бывало, говорила: «Если топтать по полу, как лошадь, потолок непременно обвалится», — сказал Орех.

— Пора вставать, — ответил Земляника. — Погода чудесная!

— Зачем же всех будить?

— Сейчас здесь проходил человек! Нельзя оставлять флейру лежать под открытым небом! Если мы сразу же не заберем ее, появятся грачи и крысы, а я не охотник воевать с крысами. Это по вкусу разве только таким любителям приключений, как вы!

— Я ничего не понимаю!

— Идем со мной! Зайдем только за Нильдрохейн. У нас пока нет потомства, так что она пойдет вместе со всеми.

Орех увидел, что большинство кроликов уже вылезло из нор. Он подумал, что, в общем, Земляника ему нравится. Накануне Орех очень устал, ошеломленный огромным количеством впечатлений, и не сумел разобраться в новом приятеле. Теперь же Земляника показался ему безобидным, вполне симпатичным парнем. Он был трогательно привязан к прекрасной Нильдрохейн и сейчас был в отличном настроении. Когда они вышли из норы, он перепрыгнул канаву и бросился в высокую траву,

веселый, как белочка. Казалось, у него никогда не было того задумчивого и подавленного вида, который накануне так удивил Ореха. Подойдя к отверстию норы, Орех остановился, как это он обычно делал в старой колонии, под кустами ежевики и внимательно осмотрел долину.

Солнце вышло из-за рощи, так что деревья на склоне уже бросали длинные тени на поле. Мокрая трава сверкала, и ветви орехового дерева, стоявшего неподалеку, переливались всеми цветами радуги.

— Здесь совершенно безопасно, — сказал Львиная Пасть, подошедший к Ореху сзади. — Наверно, ты привык осматривать окрестность, прежде чем выйти на сильфлей, но у нас можно идти на поле без опасений.

Орех не собирался ни менять свои привычки, ни выслушивать поучения Львиной Пасты, но так как никто его особенно не задирал, не было смысла препираться из-за пустяков. Большинство кроликов уже несло по полю к стоявшей вдали изгороди, пестревшей белыми и желтыми пятнами росших рядом подснежников и лютиков. Увидав невдалеке Серебристого и Лохмача, Орех направился к ним, на ходу, как кошка, отряхивая росу с передних лап.

— Как ухаживают за тобой твои новые друзья? Наши очень стараются! — сказал Лохмач. — Мы с Серебристым чувствуем себя как дома. Может быть, Пятый ошибся и с нашей старой колонией не произошло ничего ужасного, но, по чести говоря, здесь нам живется лучше, чем дома. Кстати, ты идешь кормиться?

— А где здесь кормиться? — спросил Орех.

— Разве они тебе не сказали? Здесь за полем флейра — овощи!

— Флейра? А разве сейчас не слишком поздно для налета на огород? — спросил Орех, взглянув на крышу фермы, видневшуюся вдалеке за деревьями.

— Да нет, — сказал один из местных кроликов, услышав их разговор, — флейра просто лежит на поле возле того места, где начинается ручей. Иногда мы поедаем ее на месте, иногда уносим с собой! Сегодня нужно непременно перенести флейру в нору: вчера во время сильного дождя все сидели дома и съели запасы колонии.

Тут Орех увидел, что по лугу разбросаны какие-то красноватые куски. У некоторых кусков сохранилась даже перистая светло-зеленая листва, отчетливо видная на темной траве. Куски издавали резкий приятный запах: навер-

ное, они были только что нарезаны. Запах этот неотразимо притягивал Ореха — у него сразу же потекла слюна.

Проскакав мимо, Львиная Пасть обернул к Ореху свою морду, по-прежнему растянутую в неестественной улыбке, но, увлеченный дивным запахом, Орех на этот раз не обратил на него внимания. Его неудержимо влекло к разбросанным по полю кускам. Он выбежал на лужайку, понюхал и попробовал один из них. Это была морковь. Орех знал вкус различных овощей, но только раз в жизни ему довелось полакомиться морковью. Это случилось, когда невдалеке от их колонии ломовая лошадь порвала мешок с морковью, надетый ей на морду.

На лужайке лежала старая морковь, поеденная мышами и засиженная мухами, но кроликам казалось, что она чудесно благоухает; это было роскошное блюдо, при виде которого забывается все на свете. Орех грыз морковь с огромным наслаждением, ощущая ее нежный вкус и сочность, каких никогда не бывает у диких растений. Он скакал по лужайке, то хватая, то бросая один кусок за другим, не брезгуя также зелеными хвостиками. Никто ему не мешал: по-видимому, еды хватало на всех. Время от времени он поднимал голову и принюхивался, но даже эти меры предосторожности предпринимал вяло.

«Пусть только попробуют сюда сунуться элилы,— подумал он,— я их всех разгоню! К тому же я так наелся, что мне уже не убежать! Что за дивное место! Неудивительно, что эти кролики величиной с зайцев и пахнут, как принцы!»

— Эй, Горшочек,— крикнул он,— наедайся до отвала! Думаю, что тебе больше не придется дрожать от страха и голода!

— Через неделю такой жизни он совсем отучится дрожать,— пробормотал Хокбит с набитым ртом.— Я чудесно себя чувствую! Ну и обед! Теперь я всюду без оглядки пойду за Орехом! А в ту ночь, в вереске, я совсем потерял голову. Надеюсь, ты меня извинишь, Орех?

— Все это давно забыто,— сказал Орех.— Спрошу-ка я Львиную Пасть, что делать и как тащить эту штуку в нору.

Львиная Пасть сидел у ручья. Он только что наелся и мыл морду передними лапами.

— А что, здесь каждый день бывают овощи? — спросил Орех.— А где?..— начал он и сразу остановился.

«Я, кажется, начинаю привыкать к здешним обычаям», — подумал он при этом.

— Иногда бывают овощи, — ответил Львиная Пасть. — Ты, наверное, заметил, что они старые, прошлогодние. Скорее всего вчера с фермы увозили отбросы. Обычно сюда складывают что попало: овощи, зелень, гнилые яблоки — как когда.

— Значит, еда для вас — не проблема! Мне думается, в вашей колонии должно быть великое множество кроликов!

— А ты сыт? — перебил его Львиная Пасть. — Если сыт, можешь попробовать поносить флейру. Эти овощи носить нетрудно! Вцепись зубами в морковь, тащи ее в нору и там складывай! Я беру обычно по две зараз, но для этого надо попрактиковаться.

Орех далеко не сразу научился держать во рту по две моркови. Ему приходилось часто класть ношу на траву и передыхать. Львиная Пасть его подбадривал, но Орех и сам твердо решил показать, на что способен умелый и находчивый вождь вновь прибывших кроликов. Все его друзья работали не щадя сил и делали все, что могли, хотя для кроликов поменьше, особенно для Горшочка, эта работа оказалась очень трудной.

— Не унывай! — сказал ему Орех. — Подумай, как приятно будет все это вечером съесть! Наверное, Пятому не легче, чем тебе!

— А разве он здесь? Я его давно не видел! — сказал Горшочек.

Орех вспомнил, что он тоже давно не видел Пятого. Слегка обеспокоенный, он сказал:

— Надеюсь, что с Пятым ничего не случилось! Я, пожалуй, пойду поищу его! Вот только отнесу эту морковь! А ты не знаешь, куда мог подеваться наш Пятый? — спросил он Львиную Пасть.

Он не дождался ответа. Львиная Пасть заговорил совсем о другом:

— Смотри-ка, галки опять подбираются к моркови! Они толкутся здесь уже несколько дней подряд!

— Не понимаю, какое отношение это имеет к Пятому? — резко оборвал его Орех.

— Ладно! Я займусь ими сам! — сказал Львиная Пасть и поскакал прочь.

Однако Орех заметил, что он даже не подошел к галкам, а схватил еще одну морковку и запрыгал назад.

Орех рассердился не на шутку, забрал Смородину и Одуванчика, и все они повернули назад. Подойдя к холму, они сразу же увидели Пятого. Тот сидел у опушки рощи, под тисом, наполовину скрытый нависшими ветвями. Положив свою морковь, Орех взобрался на откос и присел рядом с Пятым на землю под густыми, склоняющимися к земле ветвями. Пятый молчал и пристально смотрел на поле.

— Разве ты не хочешь выучиться носить, Пятый? — спросил Орех. — Это не так трудно, надо только освоиться!

— Я не стану носить, — тихо сказал Пятый. — Вы сейчас похожи на собак, несущих палочки!

— Ты хочешь меня разозлить? Учти, я все равно не собираюсь злиться! Называй меня любыми позорными кличками!

— Скорее это мне надо бы разозлиться, да я не умею, — возразил Пятый. — Кролики не верят мне! Считают, что я спятил! Но ты-то знаешь, что я в своем уме!

— Значит, тебе все еще не нравится эта колония? Мне кажется, ты не прав! Все когда-нибудь ошибаются!

— Разве настоящие кролики станут трусить рысцой по полю и носить морковь, как белки орехи?

— А разве мы перестанем быть настоящими кроликами, если перейдем мудрые привычки белок?

— Значит, ты считаешь, что этот человек приносит сюда овощи только потому, что у него доброе сердце?

— Нет, он просто вывозит отбросы. Кролики всегда сытно кормились у свалок! Разве мы раньше не ели старой репы или зацветшего салата?

Распластавшийся на голой земле Пятый казался совсем крошечным.

— Зря я начал с тобой спорить, — грустно сказал он. — Орех, дорогой мой, старина, я чувствую, как вокруг собирается что-то зловещее! Я пока не понимаю, что это такое, и не могу ничего объяснить. Знаешь, иногда бывает, что хочется укусить кору у яблони, а она опутана железной сеткой. Если я еще посижу один, может, я и додумаюсь, в чем тут дело!

— А почему бы тебе не сделать по-моему? Поешь овощей, а затем ступай в нору и отоспись. Увидишь, тебе сразу станет легче!

— Я уже говорил тебе, что не хочу иметь ничего общего с этим местом, — сказал Пятый. — Не хочу идти в их нору: там крыша из костей!

— Не говори глупостей, это корни деревьев! А как же ты проспал там целую ночь?

— Я там не спал.

— Как не спал? А где же ты был?

— Я был здесь всю ночь. Под тисом хорошее убежище!

Орех всерьез обеспокоился. Если Пятый был так напуган, что провел всю ночь под дождем и забыл даже про возможность встречи с бродячими элиями, то его нелегко будет разубедить.

После долгого молчания Орех произнес:

— Я все-таки еще за тобой зайду. Только смотри, не ешь тиса!

Не дождавшись от Пятого никакого ответа, Орех снова направился на поле. День был чудесный, и в такой день как-то не хотелось верить в дурные предчувствия.

Вечером Орех отыскал Лохмача и увел его в рощу посоветоваться, что делать с Пятым. Сначала оба они двигались с большой осторожностью, но вскоре осмелели. По-видимому, в рощу не заглядывали животные размером крупнее полевых мышей.

— Здесь ничем не пахнет и совсем нет никаких следов! — отметил Лохмач. — По-видимому, Львиная Пасть не врет! Здесь не водятся эли! А вот в том лесу, где я перепугался, следов было множество! Ну и сдрейфил я в тот раз!

— Я чувствовал себя не лучше! — признался Орех.

— Смотри-ка, однако, что это такое? — перебил его Лохмач. Он показал на куст куманики, под которым был кроличий ход. Этот ход вел прямо из колонии. Землю под кустом устилали покрытые плесенью прошлогодние листья. Однако там, куда указывал Лохмач, словно только что пронесся ураган. Гнилые листья выбросило наверх, будто взрывной волной, и они висели на кустах. На свежей листве краснели круглые плоские капли. Их было множество возле взрытой земли у самого куста куманики, где какая-то неведомая сила сорвала всю траву и пропахала почву глубокими рывтинами. В центре взрыхленного участка находилась круглая дыра шириной не более моркови, которую они сегодня таскали в нору.

Оба кролика тщательно обнюхали и осмотрели взрытую землю.

— Как странно, что здесь нет чужих запахов! — заметил Лохмач.

— Да, пахнет только кроликами, но этот запах здесь

стоит повсюду! Кроме того, пахнет человеком, но и это здесь повсюду, и, может быть, человек тут ни при чем. Хотя вот лежит белая палочка! Однако скорее всего не люди перерыли под кустом всю землю! — сказал Орех.

— А может быть, это сделали наши психованные кролики? Может быть, они здесь устраивают хороводы при лунном свете! — предположил Лохмач.

— Я не удивлюсь, если это окажется так! — сказал Орех. — Спросим об этом явлении Львиную Пасть!

— Ну уж нет! Так он тебе и ответит! Вспомни: много ли он рассказал тебе в ответ на твои вопросы? — насмешливо спросил Лохмач.

— Честно сказать, не слишком много! Львиная Пасть и Земляника не отвечают на вопросы «где?» и «куда?». Может быть, они нас боятся? Горшочек попал в самую точку, сказав, что они не похожи на храбрых вояк! — сказал Орех.

— Спустимся-ка лучше в нору. Может быть, мы сумеем заставить их разговариваться! — сказал Лохмач.

— Торопиться с этим не нужно! Однако заберем с собой Пятого. Он и так всю ночь просидел на дожде! — сказал Орех.

Пятый по-прежнему сидел под тисом. Последовала довольно бурная сцена, во время которой Лохмач не сдержался и проявил некоторую грубость. В конце концов Орех с Лохмачом силой заставили Пятого спуститься в большую нору.

После ужина никто не обнаружил желания покинуть общую залу. К вечеру все кролики, как обычно, оживились и стали собираться большими группами.

Орех заметил, что кролики его отряда уже подружились с местными жителями. Заметно было также, что обитатели колонии обходились с ним самим весьма уважительно, считая его, по-видимому, главарем вновь прибывших. Тут к Ореху подошел Львиная Пасть.

— Наши кролики не прочь послушать сказку, — сказал он. — Сначала нам хотелось бы послушать ваших рассказчиков!

Орех посоветовался с друзьями о теме будущего рассказа, и через минуту Смородина объявил:

— Мы попросим Ореха рассказать о наших приключениях по пути сюда и о том, как нам повезло, что мы с вами повстречались.

В ответ наступило неловкое молчание. Слышно было

лишь топотание и перешептывание хозяев. Сконфуженный Смородина повернулся к Ореху и Лохмачу.

— В чем дело? — спросил он шепотом. — Надеюсь, в этом нет ничего неприличного?

— Подожди, — шепотом отвечал ему Орех. — Пусть они скажут, что им не понравилось! У них здесь свои обычаи!

Однако молчание не прерывалось. Чужие кролики явно не хотели объяснить, что им оказалось не по вкусу.

Смородина наконец произнес:

— По зрелом рассуждении Орех решил, что у нас есть великолепный рассказчик — Одуванчик. Это, по-видимому, пойдет, — шепнул он Ореху.

— А какую сказку рассказывать? — осведомился Одуванчик. Орех вспомнил про камни в колодезной шахте.

— Расскажи сказку о королевском салате, — сказал он. — Они как будто ее высоко ценят.

Одуванчик начал рассказ с той же готовностью, что и ранее в лесу:

— Рассказывают, что было время, когда Эль-Эхрейре и его народу изменило счастье. Они были изгнаны из родных мест в болота Кельфазина. Я там не бывал, но говорят, что в те времена это было самое гиблое место на свете. Там приходилось есть только болотную траву и горький ситник, а норы, вырытые в сырой земле, сразу же заливала вода. Фрис-солнце был в отъезде, и вместо него принц Радуга стал господином над холмами, равнинами и самими небесами. Он запретил кроликам покидать эту проклятую страну.

Однажды Эль-Эхрейра обратился к принцу с просьбой: «Принц, мой народ страдает от голода и холода, и из-за здешней сырости мы даже не имеем нор. Пища здесь такая скверная, что с наступлением непогоды все мои подданные заболеют. Отпусти нас отсюда!» — «Эль-Эхрейра, — отвечал принц. — Ты приобрел печальную известность как отъявленный вор и обманщик. Вы не выйдете из болот до тех пор, пока не исправитесь и не начнете вести честную жизнь!» — «Значит, мы здесь останемся навсегда! — воскликнул Эль-Эхрейра. — У меня не хватает духу приказать моим подданным, чтоб они перестали жить своим умом и хитростью! — Он немного подумал. — А если я украду салат из огорода короля Дарзина, ты выпустишь нас из болот?» — спросил он принца.

А надо вам сказать, что король Дарзин правил в то

время самым богатым городом, в каком когда-либо жили животные. У него были свирепые воины, а огород, окруженный рвом, ежечасно стерегла тысяча солдат.

Поэтому в ответ на предложение Эль-Эхрейры принц весело рассмеялся и сказал: «Если тебе это удастся, я повсюду умножу твой род, так что никто отныне и до века не сумеет уберечь от вас свои огороды. Только я уверен, что случится иное: тебя убьют часовые и мир избавится от самого ловкого негодяя и мастера заговаривать зубы!»

Их разговор подслушал Йона — он собирал поблизости улиток и слизняков. Йона побежал к королю Дарзину и передал все ему.

Король призвал к себе начальника стражи и указал на грядки с салатом: «Сейчас мой салат от первого до последнего листочка в целости и сохранности. Прикажи удвоить стражу! Ни один пучок салата не должен пропасть!»

Ночью Эль-Эхрейра пробрался ко дворцу в сопровождении начальника Ауслы, преданного Рэбскеттла. Засев в кустах, они наблюдали, как стража несет дозор вокруг огорода, и убедились, что добраться до салата — нелегкое дело.

Вечером принц Радуга ехидно осведомился у Эль-Эхрейры: «Так где же твой салат, о Князь С Тысячью Врагов?»

Эль-Эхрейра ответил: «Я приказал доставить его в наши болота. Его так много, что нам его не донести».

Возле дворца короля был большой сад, куда его жены и жены его придворных приводили играть своих детей. Так как в саду нечего было украсть и некого ловить, то сад не охраняли.

Когда в сад пришли дети, Рэбскеттл пробрался за ограду и присоединился к ним. Детей было множество, так что матери и няньки не заметили, что Рэбскеттл, размерами и видом похожий на их детей, пришел без няньки. Каждая думала про него, что он — сын соседки. А Рэбскеттл был мастер на всякие игры, фокусы и проделки, и он крепко подружился с детьми королевских поданных и играл с ними во все игры, будто он и в самом деле был малышом.

Когда детей повели домой, Рэбскеттл смешался с их толпой и пробрался с ними во дворец. Там он скрылся, спрятавшись в темной норе, где и высидел целый день.

Ночью Рэбскеттл залез на королевский склад, где хранились запасы провизии для короля и его придворных. Здесь лежали трава, фрукты, овощи, орехи и ягоды. (А надо вам сказать, что в те времена у королевских подданных был доступ в леса и поля всего света.) Часовых у склада не было, так что, досыта наевшись, Рэбскеттл без помехи заградил и отравил всю пищу, которую не успел съесть.

Вечером король приказал подать на ужин несколько пучков салата. Однако на следующий день король и его приближенные, полакомившиеся салатом, тяжело захворали: у всех разболелись животы. Страдания их не прекратились и на следующий день. Тут Эль-Эхрейра переоделся так, чтобы его нельзя было узнать. Он обрезал свой белый хвост, Рэбскеттл выщипал ему шерсть покороче, покрасил его черникой и заляпал комьями грязи. Надев на голову венки из хмеля и опутавшись вьюнковыми плетями, Эль-Эхрейра прицепил к своей шкуре репьи чертополоха и чудесным образом изменил свой запах.

Эль-Эхрейра приказал Рэбскеттлу следовать за ним в отдалении и отправился в королевский дворец. Он явился к начальнику стражи. «Я лекарь,— заявил он.— Меня послал принц Радуга! Он узнал, что король болен. Веди меня к его величеству немедленно, ибо я не привык ждать!» — «А ты не врешь?» — осведомился начальник стражи. «Ах, так! Ладно! — сказал Эль-Эхрейра.— Уж не так-то меня волнуют страдания вашего презренного короля! Прощай, но я доложу принцу Радуге о том, что в королевской страже служат болваны, которые обращались со мной по-хамски, как и подобает своре деревенских олухов, заеденных блохами».

И Эль-Эхрейра сделал вид, что он собирается уйти. Испуганный начальник стражи стал просить у него прощения. Эль-Эхрейра дал себя уговорить и был препровожден в королевскую опочивальню.

Страдания притупили подозрительность его величества, и он покорно дал осмотреть себя. Эль-Эхрейра долго и внимательно изучал уши короля, его зубы, пасть, помет и только под конец спросил, чем король питается. Осмотрев королевские огород и склад, Эль-Эхрейра вернулся с очень мрачным видом и заявил: «Великий государь! Вы заболели, покушав тот самый салат, который вы изволите так высоко ценить». — «Но это — салат из

отличных семян, и его охраняли день и ночь!» — вскричал король. «Салат поражен опасным вирусом, а именно смертоносным вшивококком, — сказал Эль-Эхрейра. — Сей вирус выделяет лиловый Авваго, зреющий в серо-зеленых лесах Оки-Поки. Правильность моего диагноза нетрудно проверить! — прибавил Эль-Эхрейра. — Привести сюда первого встречного!» — приказал он часовым.

Через минуту часовые вернулись, таща за собой Рэбскеттла. Его поймали у самых ворот дворца.

«А, это кролик! — сказал Эль-Эхрейра. — Тем лучше! Презренное создание! Слопай немедленно весь этот салат, негодяй!»

Проглотив салат, Рэбскеттл стал метаться и стонать; затем, выкатив на лоб глаза, он забился в конвульсиях и стал грызть половицы. На губах у него выступила пена.

«Видимо, он сразу заразился! — сказал Эль-Эхрейра. — Болезнь протекает у кроликов в самой тяжелой форме. Порадуемся же, что ваше величество избежали подобной участи. Кстати, этот негодяй сослужил свою службу, выкиньте его вон! Я бы также посоветовал его величеству, — прибавил Эль-Эхрейра, — выполоть весь салат, иначе он может принести семена и таким образом дать дальнейшее распространение инфекции».

Случилось так, что в этот момент вбежал начальник стражи, ведя за собой ежа — йону.

«Ваше величество! — вскричал он. — Это создание ползет из Кельфазинских болот. Йона говорит, что народ Эль-Эхрейры готовится к войне. Кролики хотят напасть на огород и выкрасть королевский салат. Прикажет ли ваше величество солдатам строиться и разогнать их?» — «Эге-ге! — сказал король. — Мне пришла в голову проделка, которая мне куда более по вкусу! Значит, этот салат очень опасен для кроликов? Чудесно, чудесно! Мы дадим им столько салата, сколько их душе угодно! Прикажи собрать тысячу пучков салата и сгрузить их в болотах Кельфазина, — сказал он начальнику стражи. — Ха, ха, ха! Я уже почти поправился от одной мысли об этой проделке!» — «Ах, ах! Какая жестокая хитрость! — сказал Эль-Эхрейра. — Видимо, вы в самом деле поправляетесь. Нет, нет, не надо вознаграждения! Во дворце нет ничего, что ценилось бы у нас, за золотыми реками Фриса».

Откланявшись, Эль-Эхрейра покинул дворец.

Вечером над болотом показался покрасневший от гнева принц Радуга.

«Скажи, Эль-Эхрейра, околдовали меня, что ли?» — спросил он. «Вполне возможно, — отвечал тот. — Коварный и смертоносный вшивококк быстро распространяется из леса Оки-Поки...» — «Знаешь ли ты, что тысяча пучков салата сгружена в кучи у болот?» — «Я же говорил тебе, что приказал их сюда доставить! Неужели ты думаешь, что мой слабый и истощенный народ в состоянии притащить сюда такую гору салата? Сейчас мои подданные начнут поправляться, потому что я пропишу им салатную диету. Смею сказать, я стал теперь великим целителем!»

Тут принц Радуга понял, что Эль-Эхрейра сдержал свое слово и захватил салат короля и теперь ему тоже придется выполнить свое обещание. И вот он выпустил кроликов из Кельфазинских болот, и они размножились и распространились по всему свету. С того самого дня никакая сила на земле не отведит кроликов от огородов, потому что сам Эль-Эхрейра постоянно подсказывает им, как учинить тысячу самых лучших на свете хитрых проказ.

— Bravo! — воскликнул Орех, когда Одуванчик окончил свой рассказ.

— Одуванчик чудесно рассказывает, — сказал Серебристый. — Когда его послушаешь, на сердце становится легче!

— Ну, теперь у них увянут уши и они совсем сконфузятся, — прошептал Лохмач. — Пусть-ка они найдут такого же рассказчика!

Все наши кролики были уверены, что Одуванчик отлично рассказал свою сказку и тем самым доказал чужакам, что их новые знакомые не просто кучка безродных бродяг! Ни один разумный кролик не мог не восхититься подобным умением вести рассказ! Наши кролики ожидали выражения восхищения, но вскоре с удивлением убедились, что хозяева явно не разделяют их восторга.

— Очень мило, — промямлил Львиная Пасть. Казалось, он выбирает слова, чтобы еще что-то прибавить, но затем он просто повторил: — Очень мило, очень оригинальный рассказ!

— Но ведь этот рассказ должен быть ему отлично знаком! — прошептал Смородина на ухо Ореху.

— Не вмешивайся, Лохмач, — прошептал Орех, видя,

что Лохмач гневно сжал лапы.— Насильно мил не будешь! Посмотрим, что они сами умеют.— Вслух же он сказал:— Сменялось не одно поколение, а наши рассказы не менялись, как не изменились и мы сами. Мы живем той же жизнью, что наши родители и родители наших родителей. У вас здесь совершенно другие условия. Мы это понимаем и считаем ваши новые идеи и ваш образ жизни весьма интересным. Любопытно, о чем же вы рассказываете сказки?

— Мы не рассказываем старых сказок,— сказал Львиная Пасть.— Мы сочиняем стихи о нашей новой жизни, о современности. Сейчас многое устарело и Эль-Эхрейра утратил для нас свое значение.

— Эль-Эхрейра был мастером смелых проделок,— вмешался Крушина,— а кроликам всегда будут нужны мужество и ум!

— Это не так! — слышался незнакомый голос с другого конца залы.— Кроликам нужны кротость и умение примириться с собственной участью!

— Это Гусиная Лапка, наш известный поэт,— пояснил Львиная Пасть.— Его идеи очень популярны. Не хотите ли его послушать?

— Хотим! Хотим! — слышалось со всех сторон.— Давайте Гусиную Лапку!

— Орех,— внезапно сказал Пятый.— Я хочу получше рассмотреть этого Гусиную Лапку, но мне страшно к нему приблизиться.

— Что ты, Пятый! Чего тут бояться!

— Помогите мне Фрис! — дрожа, отвечал Пятый.— Я чувствую его запах — он приводит меня в ужас!

— Не говори глупостей! Он пахнет не хуже всех других!

— Нет, он пахнет старым ячменем, оставленным догнивать в поле, или раненым кротом, который не может спрятаться в нору!

— По мне, так он пахнет крупным, жирным кроликом с животом, набитым морковкой! Но я согласен подойти к нему поближе!

Когда они пробрались через толпу на другой конец залы, Орех с удивлением увидел, что Гусиная Лапка всего-навсего зеленый юнец. В их старой колонии кролику такого возраста не разрешали публично рассказывать истории. Такие малыши имели право развлекать лишь маленькую компанию близких друзей.

У Гусиной Лапки был отчаянный и дикий взгляд, а его уши беспрерывно подрагивали. Все время прислушиваясь к чему-то, он упорно поворачивал голову назад, ко входу в туннель. Однако его голос полон был странного, захватывающего очарования, он был похож на голос ветра и на пляску света на лужайке, так что все присутствующие, стараясь уловить ритм его стихов, вникли ему, затаив дыхание.

Ручей бежит, стремится по песку,
По веронике, лютикам, по всей
Голубизне и золоту весны.
— Куда бежишь ты, речка? — Далеко!
За поле вереска, скользить всю ночь!
— Возьми меня с собой, ручей, пусть звезды
Нам светят! Радостно я побегу с волной
И стану Кролик У Ручья И Волн!
Волна, волна зеленая, как поле,
И кролик. —
Уж осень. Листья с дерева летят,
Желтея и краснея, по канавам
Они шуршат, катятся вдоль заборов.
— Куда летите, листья? — Далеко!
Уйдем мы в землю с бурными дождями!
— Возьмите и меня с собою, листья,
В ваш мрачный путь,
И вместе с вами стану
Я — Кролик Среди Листьев И Земли!
Земля, земля, глубокая могила —
И кролик.

Видно было, что эти стихи произвели глубокое впечатление на Пятого. В то же время он, казалось, испытывал необычайный ужас. То соглашаясь с каждым словом поэта, то содрагаясь от страха, он был охвачен искренним восторгом. Однако когда Гусиная Лапка кончил декламировать, Пятый, сделав отчаянное усилие, пришел в себя. Оскалив зубы, он облизывался, как Смородина, увидевший раздавленного ежа.

Внезапно Пятый резко подскочил и стал, отчаянно толкаясь, пробивать себе дорогу к выходу. Не обращая ни на кого ни малейшего внимания, он растолкал целую толпу кроликов, которые сердито на него огрызались. Наконец Пятый спасовал перед двумя тяжелыми самцами и остановился. Тут он забился в истерике, заколотил

передними и затопал задними лапами, так что Орех, следовавший за ним по пятам, с большим трудом предотвратил начинавшуюся было драку.

— Мой брат тоже в некотором роде поэт,— объяснил Орех взъерошившимся кроликам.— Поэтому поэзия производит на него чрезвычайно сильное впечатление.

Один из кроликов не протестовал, но другой возразил Ореху:

— А, еще один поэт! В таком случае послушаем и его! Это будет компенсацией за то, что он вырвал из моего предплечья большой клоч шерсти.

Тем временем Пятый обошел их и рвался к выходу. Прилагавший все усилия к тому, чтобы подружиться с хозяевами колонии, Орех сильно рассердился на Пятого, так что, проходя мимо Лохмача, шепнул:

— Идем, поучим его уму-разуму.

Орех считал, что Пятый вполне заслужил от Лохмача хорошей взбучки.

Они пошли по туннелю и настигли Пятого у выхода.

— Я внезапно почувствовал, что Гусиная Лапка неудержимо притягивает меня к себе! Так одно облако притягивает другое! — попытался объяснить Пятый.— Но ведь он безумен! Раньше я говорил, что крыша в их зале сделана из костей! Сейчас я вижу, что это не кости — это туман; туман безумия закрывает здесь небо! Даже при свете Фриса мы не сможем ясно видеть и спокойно бегать по земле!

— Что за чушь он болтает? — обратился ошеломленный Орех к Лохмачу.

— Он говорит об этом вислоухом ничтожестве, об этом простофиле-поэте! — отвечал Лохмач.— Он почему-то считает, что мы имеем какое-то отношение к Гусиной Лапке и его бредовой болтовне. Убавь пыл, Пятый! Сейчас нас волнует только ссора, которую ты затеял. Гусиная Лапка пусть проваливает ко всем чертям.

Пятый смотрел на них огромными глазами, казавшимися, как у мухи, больше всей его головы.

— Тебе только кажется, что ты — сам по себе,— сказал он.— А на самом деле вы оба — каждый по-своему — до ушей утонули в этом тумане. И где...

Орех прервал его, и Пятый со страхом на него посмотрел.

— Не скрою, Пятый, я хотел отругать тебя. Ты поставил под удар всю нашу будущую жизнь в этой колонии.

— Под удар? Да ведь эта колония...

— Ты так расстроен, что нет смысла тебя бранить. Сейчас ты немедленно спустишься с нами в нору и заснешь. Идем, и не смей больше разговаривать!

Жизнь кроликов проще нашей жизни в одном отношении: в иных обстоятельствах они не стесняются применить силу. Не имея возможности выбирать, Пятый последовал за Орехом и Лохмачом в ту нору, где они спали накануне. Она была пустой, они улеглись и немедленно заснули.

4+1.

Западня

Было очень холодно, и крыша в самом деле была из костей... но нет, она была из переплетенных ветвей тиса! Тут и там на ней виднелись твердые сучья, жесткие, как лед, покрытые тусклыми красными ягодами.

«Идем, Орех,— сказал Львиная Пасть.— Возьмем в рот эти ягоды, отнесем в большую нору и съедем. Ведь ты хочешь жить по-нашему?» — «Не надо так жить! Нет!» — кричал Пятый.

Отводя цепкие ветви, появился Лохмач. Во рту у него были ягоды.

«Смотри, как я научился носить! — сказал Лохмач.— А я ухажу от вас! Спроси куда, спроси куда, спроси куда!»

Затем они где-то бежали, не подземными ходами, а по холодным полям, и Лохмач все ронял и ронял красные ягоды — красные, как капли крови, твердые, как скрученная железная проволока. «Не надо кусать эти ягоды,— сказал он.— Они ледяные».

Орех проснулся. Он лежал в норе и, дрожа от холода, подумал: как странно, что его не согревают тела соседей. Где же Пятый? Куда он снова ушел? Орех поднялся. По соседству ворочался Лохмач, пытаясь найти во сне теплый бок друга, чтобы прижаться к нему покрепче, но рядом никого не было. Неглубокая впадина в песчаном полу, где лежал Пятый, была еще теплой, но сам Пятый куда-то исчез.

— Пятый! — закричал Орех в темноту, уже зная, что ответа не будет.

Он сильно толкнул Лохмача носом.

— Лохмач, Пятый удрал!

Лохмач немедленно проснулся, как всегда готовый помочь и уверенный в успехе. Орех немного приободрился.

— Что случилось? — спросил Лохмач.

— Пятый опять удрал!

— Куда же?

— На сильф — куда-то наверх. Скорее всего на сильф. Вряд ли он бродит по колонии, он ее терпеть не может.

— Надоел он мне! И нору к тому же застудил! Думаешь, с ним что-нибудь случилось?

— Боюсь, что случилось! Он в страшной тревоге, а сейчас совсем темно. Что бы там ни говорил Львиная Пасть, а ночью могут появиться элилы.

— Скоро начнет светать, — сказал Лохмач, понюхав воздух. — Утром мы его легко отыщем. Пожалуй, я пойду с тобой. Клянусь королевским салатом, когда мы его поймем, я скажу ему пару теплых слов!

— Я подержу его, пока ты будешь его колотить. Только бы нам его найти!

Они вылезли из норы и присели.

— Так как наших друзей нет и никто нас не торопит, давай хорошенько осмотрим окрестность! Нет ли вблизи горностаев и сов?

Внезапно из-за соседнего леса послышалось уханье совы. Оба прижались к земле и сосчитали до четырех, пока не раздался следующий крик совы.

— Она улетаёт, — сказал Орех.

— Интересно: сколько полевок повторяет эти слова каждую ночь? Ты же знаешь, что сова нарочно обманывает своим будто бы удаляющимся криком.

— Все равно. Я не в силах больше ждать! Я должен найти Пятого!

— Идем, поищем его под тисом!

Под тисом Пятого не оказалось.

Лохмач соскочил с откоса на поле и помчался по мокрой траве.

— Вот и след Пятого! — вскричал он. — Он свежий и ведет из норы прямо к ручью.

Когда трава в каплях дождя, то в ней легко увидеть недавний след. Кролики дошли до плетня и кучи моркови. Лохмач был прав: след был свежий, и, перебравшись

через плетень, они увидели Пятого. В полном одиночестве он щипал траву. Хотя несколько морковок лежало у ручья, Пятый их не трогал, а пощипывал траву возле старой яблони. Когда Орех и Лохмач приблизились, Пятый поднял на них глаза. Не говоря ни слова, Орех тоже принялся за траву. Он уже пожалел, что привел с собой Лохмача. Ночью, не обнаружив рядом Пятого, Орех всерьез разволновался и был доволен, что Лохмач согласился помочь урезонить его. Сейчас же, увидев Пятого, такого родного и маленького, неспособного никому причинить зла и дрожавшего в мокрой траве то ли от холода, то ли от страха, Орех понял, что его раздражение рассеялось. Теперь он чувствовал к нему острую жалость и думал, что, окажись они наедине, ему бы удалось успокоить брата. Однако уже поздно было уговаривать Лохмача действовать помягче, оставалось только уповать на лучшее.

Вопреки опасениям Ореха, Лохмач тоже хранил молчание. По-видимому, он считал, что разговор должен начать Орех, и был слегка смущен.

Орех уже решил, что все окончится хорошо и что Лохмач умнее, чем он ожидал, но вдруг Пятый, усевшись на задние лапы и помыв морду передними, посмотрел Ореху прямо в глаза.

— Я ухожу от вас! — сказал он. — Мне очень грустно! Я хотел бы пожелать вам всего доброго, но от этой колонии нечего ждать добра!

— Скажи хотя бы: куда ты пойдешь?

— Далеко! К холмам, если сумею до них добраться.

— Один? Это невозможно! Ты погибнешь!

— У тебя нет ни единого шанса, старина, — сказал Лохмач. — Кто-нибудь прикончит тебя еще до ни-Фриса!

— Нет, — ответил Пятый, — ты ближе меня к могиле!

— Ах ты жалкий клочок мокричной травки! Уж не думаешь ли ты меня запугать?

— Постой, Лохмач, — вмешался Орех. — Не надо разговаривать с ним так грубо!

— Да ведь ты сам... — начал Лохмач.

— Знаю, но теперь я передумал. Не сердись, Лохмач. Я хотел уговорить его вернуться в колонию. А сейчас... Сейчас у меня не хватает духу заставить его остаться. Я верю, что по какой-то причине это место сводит его с ума. Я провожу его немного и постараюсь вернуться к ни-Фрису.

Лохмач вытаращил глаза и свирепо набросился на Пятого:

— Ах ты мерзкий черный жук! Ты никогда никого не слушаешься! «Я, я, я всех важнее!» И так все время! «Ах, у меня странное ощущение в большом пальце, и поэтому все должны немедленно встать на голову!» А теперь, когда мы устроились в чудесной колонии, ты изо всех сил стараешься всех взбаламутить! Да еще хочешь, чтобы из-за тебя рисковал жизнью наш лучший кролик. Ты побредешь по лесу, как спятившая мышь, а он отправится нянькаться с тобой! Хорошо же, я расскажу обо всем нашим, чтоб они тоже разозлились на тебя!

Лохмач повернулся и бросился в первый попавшийся проход в плетне. Внезапно по ту сторону плетня поднялась настоящая буря. Сначала взлетел в воздух какой-то сучок, затем влажный ком слежавшихся листьев, как снаряд, вылетел из-за плетня и упал на землю возле лап Ореха. Слышно было, как за плетнем кто-то бьется и колотит лапами.

Подавляя желание немедленно обратиться в бегство, Орех и Пятый переглянулись. Кто же прячется за плетнем, какой неприятель? Может быть, это кошка? Но вместо кошачьего шипения и кроличьего визга за плетнем слышался лишь треск ветвей и шелест травы, словно кто-то в отчаянии вырывал ее с корнем.

Преодолев голос инстинкта и собрав все свое мужество, Орех бросился в проход. Пятый последовал за ним.

Их глазам открылось ужасное зрелище. На земле, пропаханной глубокими бороздами, на боку лежал Лохмач. Его шею стягивала изогнутая медная проволока, тускло поблескивающая в первых лучах солнца. Проволока глубоко врезалась в мех. Острый конец ее поранил кожу, и капли крови, темно-красные, как ягоды тиса, катились по плечу Лохмача. Видно, у него перехватило дыхание. Он снова начал отчаянно метаться, безуспешно пытаясь вырваться из петли. Он бросался из стороны в сторону и то поднимался, то опять падал на землю, но наконец задохнулся и затих.

Потрясенный ужасом Орех выскочил из-за плетня и присел рядом. Глаза Лохмача были закрыты, а губы растянулись в гримасе боли. Он прикусил нижнюю губу, и из нее капала кровь.

— Тлейли,— постучав лапой о землю, сказал Орех.—

Постарайся понять меня! Ты попал в западню! Как из нее выбраться? Вспомни: чему учили вас в Аусле?

Задние лапы Лохмач слабо забились, он опустил уши и открыл ничего не видящие глаза. Наконец Лохмач с трудом проговорил хриплым голосом:

— В Аусле говорили... нет смысла кусать проволоку... Нужно... рыть вокруг колышка!

Он забился в конвульсиях и заскреб когтями землю. Земля и кровь, как маска, запеклись на его морде.

— Беги скорей в колонию, Пятый! — вскричал Орех. — Позови Смородину и Серебристого! Скорей! Он умирает!

Пятый поскакал по полю быстрее бегущего зайца.

Орех попытался уяснить себе, с чего следовало начать. Какая вещь называется колышком? Он рассмотрел коварное приспособление. Лохмач лежал на проволоке, придавив ее своим телом. Казалось, что проволока уходит прямо в землю. Орех напряженно силился понять: что ему следует вырыть? Он понял только, что нужно рыть. Он начал раскапывать рыхлую землю и рыл, пока его когти не наткнулись на что-то гладкое и твердое. Он в недоумении остановился и тут заметил, что Смородина уже прибежал и смотрит через его плечо.

— Лохмач только что еще разговаривал! Он сказал: «Выкопайте колышек». Что нам делать? — спросил Орех Смородину.

— Постой, дай подумать! — сказал Смородина.

Повернувшись, Орех посмотрел в сторону ручья. Вдали он увидел вишневое дерево, под которым они на рассвете сидели со Смородиной и Пятым. Сейчас мимо вишни неслись во весь опор Хокбит, Серебристый, Одуванчик и Горшочек. Далеко обогнав товарищей, Одуванчик кинулся к проходу в плетне и вдруг резко остановился, подергиваясь и вытаращив глаза.

— Что случилось? Что это, Орех?

— Лохмач попал в силки! Не трогай его! Пусть Смородина решит, что нам делать, — ответил Орех. — А где Львиная Пасть? Может быть, он знает, что делать?

— Он не придет, — сказал Горшочек. — Он велел Пятому заткнуться...

— Что велел? — не веря собственным ушам, спросил Орех.

Но тут заговорил Смородина, и Орех обратил все внимание на него.

— Все понятно, — сказал Смородина. — Проволока

цепляется за колышек, а колышек зарыт в землю,— вот, смотри! Мы должны его вырыть. Копай рядом!

Орех снова принялся за работу, взрывая когтями рыхлую сырую землю и скользя лапами по твердому дереву. Он сознавал, что все остальные кролики стоят в некотором отдалении и ждут. Запыхавшись, он вскоре остановился, и Серебристый сменил его. Через некоторое время Серебристого сменил Крушина. Им удалось обнажить поверхность этого гладкого, пахнувшего человеком, ненавистного колышка на длину кроличьего уха, но тот все еще крепко сидел в почве. Лохмач, весь в крови, с закрытыми глазами, неподвижно лежал на земле. Крушина поднял его голову и вытер грязь с морды.

— Внизу колышек становится уже,— сказал Крушина.— Мне кажется, его можно перегрызть, только мне не добраться до него зубами.

— Пусть попробует Горшочек,— сказал Смородина.— Он самый маленький.

Горшочек бросился в ямку, и все слышали, как дерево, треща под его зубами, превращалось в щепки.

Вскоре Горшочек вылез с поцарапанным носом.

— Щепки поранили мне нос, и там трудно дышать, но колышек почти перегрызен!

— Пятый! Спускайся в яму! — сказал Орех.

Пятый пробыл в дыре совсем недолго. Он тоже вылез с расцарапанной мордой.

— Колышек разломился надвое. Лохмач свободен! — объявил он.

Смородина потрогал носом голову Лохмача и легонько толкнул его. Голова Лохмача бессильно упала.

— Лохмач,— сказал Смородина.— Мы вытащили колышек!

Ответа не было. Лохмач по-прежнему лежал неподвижно. Смородина согнал севшую ему на нос муху, и та с жужжанием улетела в светлое небо.

— Кажется, он погиб,— сказал Смородина.— Он не дышит!

Орех опустился на землю рядом со Смородиной и прижал свой нос к носу Лохмача, но ветер мешал ему разобрать, дышит он или нет. Лапы Лохмача были вытянуты вперед, живот казался плоским и дряблым. Орех старался воскресить в памяти все, что он когда-либо слышал о западнях. Может быть, острый конец проволоки разорвал Лохмачу дыхательное горло?

— Лохмач,— прошептал Орех.— Мы тебя вытащили, ты свободен!

Лохмач не шевелился, и Орех решил, что он умер. Если это в самом деле так, то Ореху нужно скорее уводить отсюда весь отряд. Если кролики останутся у тела, то ощущение горькой потери заставит их растерять отвагу и душевно надломит каждого, и, что всего важнее, человек, поставивший ловушку, вернется за добычей. Может быть, он уже спешит сюда с ружьем за плечами, чтобы забрать бедного Лохмача!

Кроликам следовало бежать, и долг Ореха — позаботиться о том, чтобы его товарищи, а впрочем, и он сам поскорее и навсегда забыли о случившемся!

— Сердце мое стало сердцем одного из тысячи, от того что мой друг перестал сегодня бегать! — произнес Орех традиционные кроличьи слова, обращаясь к Смородине.

— Ох, лучше бы уж это случилось с кем-нибудь из нас! Не знаю, что мы будем делать без Лохмача,— сказал Смородина.

— Мы должны жить, — ответил Орех. — Друзья ждут нас. Надо любым способом заставить их отвлечься!

Отвернувшись от тела, он поискал глазами Пятого. Пятого нигде не было видно, но звать его не следовало, так как кролики могли принять это за слабость и подумать, что их главарь ищет утешения.

Тут взгляд Ореха упал на Горшочка.

— Слушай, Горшочек! Ты почему не вытер до сих пор нос? Смотри, кровь так и капает! Разве ты не знаешь, что запах крови привлекает элилей? — грозно сказал он.

— Прости меня, Орех. А как быть с Лохмачом?

— Послушай! — в отчаянии продолжал Орех, не зная, что еще придумать.— Значит, Львиная Пасть велел Пятому замолчать?

— Когда Пятый прибежал в колонию и сказал, что бедный Лохмач попал в ловушку, то Львиная Пасть, Земляника и другие здешние кролики притворились, будто они ничего не слышат. Это было очень глупо, потому что Пятый орал во весь голос. А затем, когда мы все бросились сюда и Серебристый сказал им: «Вы, конечно, идете с нами», Львиная Пасть просто повернулся к нам спиной. Тогда Пятый еще раз подошел к Львиной Пасти и тихо заговорил. Его слов я не слышал, но ясно расслышал ответ Львиной Пасти: «Клянусь холмами Ин-

ле, мне безразлично, куда вы пойдете. И немедленно заткнись!» С этими словами он ударил Пятого и ободрал ему ухо.

— Я его убью,— слышался рядом хриплый бас.

Все вскочили и увидели, что Лохмач приподнялся на передних лапах, изогнув спину. Его хвост и задние лапы по-прежнему лежали на земле, а на морде, превратившейся в ужасную маску из пены, крови и земли, жили одни глаза.

Не в силах вымолвить ни слова, кролики отскочили в испуге назад.

— Я его укокошу! — повторил Лохмач сквозь зубы, брызгая слюной и трясая перепачканными усами.— Помогите же мне, черт бы вас побрал! Снимите с меня эту вонючую проволоку!

Он попытался высвободиться, но задние ноги его расползлись. Проволока тянулась за ним, волоча за собой по траве болтавшийся на ней кол.

Все бросились на помощь, толкая и давя друг друга.

— Не троньте его! — закричал Орех.— Дайте ему отдышаться!

— Не надо отдыхать, все в порядке,— сказал Лохмач.— Все дело в задних ногах: они почему-то не идут. Какой негодяй Львиная Пасть! Я его укокошу!

— Что это за кролики! — вскричал Серебристый.— Они бросили Лохмача в беде! Они трусы! Выгоним их из колонии и останемся там сами!

— О Фрис вонючий, эмблеер Фрис! — слышался вдруг из травы пронзительный голос.

При таком чудовищном богохульстве шум немедленно стих. Кролики оглянулись, как по команде, в поисках того, кто мог испускать проклятия. Тут из-за двух пучков плауна поднялся Пятый. Глаза его сверкали, и похоже было, что он обезумел. Он что-то бормотал и рычал, как кроличий шаман.

— Они хотят вернуться! Безумные! Эта колония — могила, нора смерти! Это — кладовая элилей! Мне все теперь ясно! Слушайте же!

Однажды на опушке леса недалеко от фермы кролики заложили прекрасную колонию. И вот человек подумал: «Этих кроликов можно разводить — на мясо и на мех. Зачем возиться с клетками? Им и в лесу неплохо!» И человек стал убивать всех элилей в округе — лэндри, хомбу, сову — и свозить пищу для кроликов, оставляя ее побли-

зости от колонии. А затем человек стал ставить западни. Кролики выросли, стали здоровыми и толстыми. Они не боялись элией, их пугала только западня на тропе. По временам некоторые из них куда-то пропадали, неизвестно куда. И вот кролики начали вести себя так странно, что вскоре стали совсем не похожи на нас. Они притворились, что все в порядке, раз они получают отличную пищу. Обитатели колонии забыли жизнь диких кроликов! Они забыли про Эль-Эхрейру, потому что им больше не нужны были его хитрые проделки.

Вместо сказок они научились новому искусству — они стали танцевать и изображать на стене фигуры. Это помогало им проводить время и считать себя замечательными кроликами! Сливками кроличьей породы! Им не нужен стал Главный Кролик, который должен быть Эль-Эхрейрой для своих подданных и оберегать их от смерти. Здесь смерть разила только одним способом, с которым не справиться Главному! У этих кроликов было только одно строгое правило: никто не смел спрашивать, где тот или иной находится и куда кто-нибудь пропал. Но если задавать такие вопросы было неприлично, то говорить открыто о сверкающей проволоке строжайше запрещалось. В ответ на такие разговоры обитатели колонии бросались царапаться и убивать.

Взглянув по очереди на каждого из присутствовавших, Пятый продолжал:

— А потом вдруг появились мы, обычные дикие кролики, и они решили привести нас в свою колонию и ничего не сказали. Понимаете? Фермер расставляет не очень много ловушек, и если кто-нибудь в них попадет, то другие смогут протянуть подольше. Они не хотели слушать рассказа о наших смелых приключениях! Не очень-то хочется слушать прямую и честную речь того, кого ты низко обманываешь! Нужно ли мне говорить дальше? Все, что с нами здесь произошло, подтверждает мои слова и подходит, как хоботок пчелы к колокольчику наперстянки!

Пятый опустил на траву, а Лохмач, волоча за собой страшную проволоку с тянущимся за ней колом, подошел к Пятому и потерся носом о его нос.

— Я еще жив, и мы пока вместе! — сказал он. — Разгадав их тайну, ты раскусил еще более важную проволоку, чем та, что висит у меня на шее! Говори: что нам теперь делать?

— Нужно немедленно уходить! Я уже сказал Львиной Пасти, что мы уходим.

— А куда? — спросил Лохмач Пятого. Ему ответил Орех:

— Надо идти к холмам!

Один из холмов поднимался к югу от ручья. По его склонам тянулась тележная колея, а за ней виднелась роща.

Орех повернул на холм, и его отряд, разбившись по двое и по трое, последовал за ним.

— А что делать с проволокой, Лохмач? — спросил Серебристый. — Ведь кол за что-нибудь зацепится и снова ее затянет.

— Она висит свободно, и я бы мог стряхнуть ее, но у меня очень болит шея, — сказал Лохмач.

— Попробуй стряхнуть проволоку, иначе далеко не уйдешь, — посоветовал Серебристый.

— Орех, посмотри-ка! — внезапно сказал Вероника. — Какой-то кролик бежит в нашу сторону из колонии.

— Только один? — переспросил Лохмач. — Что ж так мало? Жаль! Хватай его, Серебристый, я не стану отбивать у тебя хлеб! Отделай его в лучшем виде!

Кролики, похожие издали на неподвижные черные точки, остановились. Направлявшийся в их сторону кролик бежал быстро, но как-то странно, будто очертя голову. Он, как слепой, налетел на ствол репейника, перевернувшись в воздухе, упал и покатился по земле. Затем поднялся и не разбирая дороги стал пробираться к ним.

— Он не смотрит, куда бежит, — сказал Крушина. — Может быть, он заболел белой слепотой?

— Нет, будь у него белая слепота — он не смог бы так быстро бежать! — сказал Орех. — Это что-то другое!

— Сохрани нас Фрис! — вскричал Смородина. — Лучше убежим!

— Это скачет Земляника! — воскликнул Одуванчик.

Земляника пробрался через дыру в плетне возле старой яблони, осмотрелся и подошел к Ореху. Вместе с самообладанием он растерял свои изысканные манеры. Уставившись на Ореха, Земляника трясся всем телом. Казалось, он убит горем. Он раболепно склонился перед Орехом, за спиной которого с угрюмым видом стоял Смородина. Орех ждал, молчаливый и суровый.

— Орех, правда ли, что вы уходите? — спросил Земляника.

Орех молчал, а Серебристый ответил:

— А тебе какое до нас дело?

— Прошу вас, возьмите меня с собой,— сказал Земляника. Ему никто не ответил.

— Мы не любим, когда нас обманывают,— сказал наконец Серебристый.— Возвращайся к Нильдрохейн. Она, наверно, проще к этому относится.

Земляника издал пронзительный захлебывающийся вопль, как будто его сильно ударили. Он переводил глаза с Серебристого на Ореха, а затем умоляюще взглянул на Пятого. Душераздирающим шепотом он произнес:

— Проклятая проволока!

Серебристый собирался ему ответить, но Орех сказал:

— Бедняга! Ни слова больше! Идем с нами!

Отряд кроликов перешел через тележную колею и исчез в роще за дорогой. Сорока, привлеченная блеском какого-то светлого предмета, заметного на голом склоне холма, подлетела поближе, чтоб его рассмотреть, но на склоне лежали только расщепленный колышек и перекрученный кусок проволоки.

4+2. Новая колония и встреча с Остралистом

К вечеру наши путники подошли к Уотершипскому холму. С вершины холма открывалась голубоватая даль, в туманной глубине которой блестели окна отдаленных коттеджей. Внизу лежали темно-зеленые леса и поля зреющей пшеницы. Здесь, под низкими ветвями бересклета, остановился на привал отряд Ореха.

До сих пор нашим путешественникам везло: все кролики, бежавшие из колонии Львиной Пасты, оставались целы и невредимы.

* * *

По пути к холмам они перешли еще две речки, но вскоре заблудились и заночевали в заброшенном амбаре. Там на них напали крысы. Лохмач предводительствовал сражением, а Серебристый и Крушина прикрывали отступление кроличьего отряда, так что все успели выбраться из амбара и спаслись бегством. Однако крысы укусили Крушину, и его передняя лапа воспалилась. Укус болел, как часто болят раны от крысиных зубов.

Полкилометра кролики прошли по пастбищу. Высоко над ними гудели линии электропередачи, но Пятый уверил их, что шум этот не опасен, и они бесстрашно шли вперед. Наконец, тревожно нюхая воздух, кролики уселись под невысокими деревцами и попытались по запаху разгадать, что за незнакомая местность простирается перед ними.

Покинув колонию с западнями, стайка наших кроликов стала осторожнее, упорней и умнее. В этом маленьком отряде каждый научился понимать соседа, и все привыкли действовать согласованно. Ссор более не затевалось. Члены кроличьего отряда сплотились тесней, оценив взаимные достоинства и понимая, что впредь нужно полагаться на самих себя.

Орех, Смородина, Горшочек и Крушина сумели вызвать Лохмача из беды. Правда, Лохмач и сам оказался молодцом. Любой другой кролик не смог бы выдержать подобной пытки и перестал бы бегать¹. Теперь никто

---

¹ То есть умер.— *Прим. авт.*

более не сомневался в силе Лохмача, уме Смородины, интуиции Пятого и авторитете Ореха.

Тяжелее всех в отряде приходилось Землянике. Он отупел от горя и стал очень неосторожен. Беднягу терзал стыд: он не мог забыть о том, какую неблагоприятную роль сыграл в колонии. Земляника боялся признаться своим новым знакомым, что ленив, избалован и привык к хорошей пище. Правда, он не жаловался, и было видно, что он твердо решил навсегда остаться с отрядом и опасался, как бы его не прогнали. При всем том он лучше наших кроликов знал лесные чащи и в лесу оказался даже полезен.

В последние дни Лохмач стал менее деспотичен. Побывав в силках, он ослабел и притих. Впервые в жизни Лохмач почувствовал, что ему нужно быть умереннее и осторожней.

Не успело солнце приблизиться к поясу облаков на горизонте, как Орех вылез из-под кустов бересклета, давших кроликам приют, и, взбравшись на пустой муравейник, попытался рассмотреть вершину холма.

Вслед за ним из укрытия вылезли Пятый и Желудь. Они сразу же принялись щипать кустики росшей поблизости посевной вики. Эту траву они видели впервые, но и без слов было ясно, что это полезное кроликам растение. Отведя в стороны высокие зеленые стебли вики, увенчанные белыми и лиловатыми цветами, Орех пробрался поближе к Пятому.

— Значит, ты советуешь взобраться на самый большой холм и построить убежище на его вершине? — спросил Орех.

— Именно! — не колеблясь, отвечал Пятый.

— Но ведь это очень далеко, и там, наверное, голо и холодно!

— В земле тепло, а почва здесь рыхлая, так что мы без труда выроем себе норы!

— Прежде чем всем отрядом взбираться на большой холм, нужно проверить, все ли безопасно! Я пойду на разведку! — решил Орех.

Все члены отряда изъявили горячее желание отправиться вместе с Орехом, но тот отобрал наименее уставших Одуванчика и Хокбита и в их сопровождении направился к вершине.

Кролики перебегали от куста к кусту, от одного пучка травы к другому, непрерывно делая небольшие остановки, для того чтобы понюхать воздух.

Они двигались посреди пронизанной солнцем травы, в которой копошились насекомые. Осторожно выглядывая из-за одиночных кустиков клевера, они пытались рассмотреть вершину облюбованного холма, но едва они взбирались на одну гору, как перед ними тотчас же вырастала другая.

Внезапно убежавший вперед Одуванчик вскарабкался на муравейник и в радостном возбуждении закричал:

— Посмотри, как отсюда далеко видно! Отсюда можно увидеть весь белый свет!

Орех взобрался на соседний муравейник и уселся в той же позе на задних лапах. Он сразу же понял, что они наконец-то достигли вершины большого холма. Сидя над морем травы, кролики увидели, что внизу простирается открытая местность.

Любой попытавшийся взобраться на холм, будь то кролик или человек, был бы тотчас же ими замечен. А там, где кончалась земля, начиналось небо. Пятый был прав: отсюда, сверху, легко было заметить приближающуюся опасность.

Ветер трепал кроличий мех и колыхал траву, пахнущую тимьяном и черноголовкой. Кругом царила необыкновенная тишина. Высота и близкое небо возбуждающе подействовали на кроликов: у них закружились головы и они радостно запрыгали под лучами вечернего солнца.

— О Фрис на холмах! — воскликнул Одуванчик. — Наверное, ты сотворил этот край специально для нас!

— Верно, но это Пятый уговорил нас идти сюда, — сказал Орех. — Ура, Пятый-ра!

— А где же Хокбит? — спросил вдруг Одуванчик. — Куда он запропастился?

На холме Хокбита не было видно. Кролики обошли соседний маленький холм, но и там увидели только полевку, грызущую семена.

— Наверное, сбежал вниз, — сказал Одуванчик.

— У нас нет времени на поиски, — сказал Орех. — Товарищи ждут, может быть, им грозит опасность.

— Какая досада! — сказал Одуванчик. — Погибнуть после того, как мы добрались до холмов Фриса в целости и сохранности! Не надо было его с собой брать,

он такой тупица! Однако странно: кто же мог его унести? Мы не видели здесь элилей.

— Скорее всего он пошел назад,— сказал Орех.— Интересно: как его там встретит Лохмач? Надеюсь, он не покусает Хокбита!

— А где мы будем ночевать? — спросил Одуванчик.

— Не знаю,— отвечал Орех.— У нас пока нет никакого убежища!

Они пошли вниз по крутому склону. Закат почти погас, но они легко узнавали дорогу по искривленным деревьям, мимо которых недавно прошли на вершину. Полдюжины кустов боярышника и две-три бузины с кремовыми соцветиями росли на обрыве, а над ним нависла меловая скала.

Приблизившись к кустам, кролики с удивлением обнаружили Хокбита, сидящего под боярышником. С довольным видом он потирал морду лапами.

— Извини, Орех,— необычно кротко сказал Ореху Хокбит.— Я осматривал эти норы! Мне показалось, что они могут нам пригодиться.

На скале, под которой он сидел, видны были три кроличьих норы, а возле его лап было еще два хода, уходящих под узловатые корни деревьев. Норы были, по-видимому, давно оставлены хозяевами.

— Ты побывал внизу? — спросил Хокбита Орех, понюхав входы.

— Я побывал уже в трех норах,— скромно ответил Хокбит.— Они неглубоки и довольно неудобны, но там не пахнет болезнью или смертью.

Над ними с криком пролетели стрижи с воплем: «Весть! Новость!»

— Вот это новость так новость! — воскликнул Орех, обернувшись к Одуванчику.— Зови наш отряд сюда, да поскорей!

Так случилось, что один из скромных рядовых кроличьего отряда сделал важное открытие, которое помогло кроликам остаться на холме и, возможно, спасло жизнь не одному из них.

Норы в самом деле оказались неудобными и недоделанными, но Лохмач сказал, что они как раз впору таким хлессилям — бродягам, не имеющим пристанища, какими теперь стали наши кролики.

Известно, что измученный путник, блуждающий по незнакомой стране, не слишком требователен и ночует

где придется. Кролики не капризничали. Во всяком случае, места в ходах хватало на дюжину кроликов и в них было сухо.

Однако наши кролики сразу же ощутили непривычную твердость скалистого грунта, а, по кроличьему обычаю, подстилок они не признавали.

Только три хода на обрыве кончались норами с хорошо утоптаным земляным полом. Туннелей между норами не было, но кролики слишком устали, чтоб об этом заботиться. Они поделили норы, так что на четверых пришлось по одной норе, забрались в них и в уютной безопасности заснули.

Орех бодрствовал дольше всех, вылизывая рану на лапе Крушины. Лапа ныла, и с ней нужно было обращаться осторожно.

Солнце уже встало, когда Орех проснулся. Его место было у самого выхода, и он сумел, никого не разбудив, выскользнуть из норы и проскакал мимо кустов боярышника на луг. Равнина у подножия холма была еще покрыта утренней росой. Кое-где вдали виднелись отдельные деревья, с которых стекали клочья тумана. Ветра не было, и пауки уже спустились в траву. День обещал быть жарким.

Впервые за все последние дни Орех чувствовал себя спокойно.

«Пятый прав: это место словно нарочно предназначено для кроликов,— подумал Орех,— но нам надо будет здесь освоиться и познакомиться с окрестностями. Чем меньше мы поначалу будем делать промашек, тем лучше».

Тут он увидел, что какой-то кролик с опаской вылез из дальней норы. Это был Смородина. Он почесался, подпрыгнул в солнечном луче, а затем пригладил уши. Орех подошел к нему и стал щипать траву поблизости, следуя за Смородиной по пятам. Они подошли к кусту молочая со стелющимися по земле листьями и маленькими голубыми, как небо, цветами, у которых верхние лепестки напоминали крылышки. Смородина понюхал незнакомое ему растение, и листва показалась ему грубой и неаппетитной.

— Как ты думаешь: что это за трава? — спросил он Ореха.

— Я сам вижу ее в первый раз! — отвечал Орех.

— Растения здесь незнакомые, запахи тоже совершен-

но чужие. Нам придется здорово поработать головой, чтоб здесь приспособиться,— сказал Смородина.

— Ну, это уже по твоей части. Это ты у нас голова! — заметил Орех.

— Зато ты не боишься рисковать жизнью и всегда идешь впереди! — восторженно воскликнул Смородина, с любовью глядя на Ореха.— Как хорошо, что место здесь, как и предсказывал Пятый, совершенно безопасное. Мы заранее увидим всякого, кто к нам сюда полезет, и так будет до тех пор, пока у нас есть обоняние, зрение и слух.

— Ну, этого-то нам не занимать!

— Но мы все-таки должны когда-то спать, и в темноте мы не видим.

— Ну и что? Ночью всегда темно, и кролики должны спать.

— Мы не можем спать под открытым небом. Нам нужно укрыться в глубокие норы для отдыха и сна. А здешние норы нам не подойдут. Легко понять, отчего их бросили хозяева. Снизу, где должен быть ход, лежит какой-то твердый белый грунт. Зимой в этих норах, наверное, ужасно холодно. Но зато тут, на вершине холма, есть лесок. Вчера, когда мы сюда пришли, я его заметил.

Он указал лапой на стоящую несколько в стороне, за старой проселочной дорогой, буковую рощу и объяснил:

— Корни деревьев, наверное, хорошо разрыхлили землю. Если мы выроем под ними норы, то проживем не хуже, чем в нашей старой колонии. Однако если Лохмач и другие не захотят работать, то с наступлением плохой погоды нам придется покинуть холмы.

За сифлеем Орех рискнул рассказать об идее Смородины только одному Пятому и, заручившись его согласием, предложил всем пойти на вершину и взглянуть, что там за лес.

Буковый лес не походил на леса у них на родине. Здесь на узком отрезке земли росла жидкая роща, вроде полезащитной полосы. Голые гладкие стволы стояли в тени крон, а кудрявые ветви располагались плоскими ярусами и купались в пятнах света.

Под деревьями не было травы, а значит, не было и укрытия. Изучив буковую рощу, кролики были озадачены. Они не понимали: почему так тихо и светло в этом странном лесу?

Мягкий, но неумолчный шелест буковой листвы не походил на шум в знакомых им лесах из серебристой березы и орешника. Бродя по роще, они вышли на северо-восточную опушку. Здесь под обрывом они увидели поросший травой откос. Внезапно Пятый, казавшийся до смешного маленьким рядом с огромным Лохмачом, радостно воскликнул:

— Ай да Смородина! Здесь чудесно! Мы должны вырыть норы именно на этом откосе. Я хотел бы немедленно приняться за работу!

Горшочек с большой готовностью присоединился к Пятому. Орех указал место работ и сам принялся рыть нору у основания откоса. Вскоре все кролики скребли рыхлую землю. Рыть было нетрудно, и хотя работающие часто прерывали свое занятие, чтобы пощипать траву или посидеть на солнце, после полудня Орех уже скрылся в глубокой яме.

Ветви деревьев могли служить кроликам хорошим укрытием от летавшей над лесом пустельги. Едва Желудь заметил, как с юга к ним приближается пустельга, он тотчас же постучал лапой о землю и пустился наутек. За ним под деревья бросились и остальные кролики. Не успели они выбраться из-под укрытия и снова начать работу, как над ними появилась новая или, может быть, та же самая пустельга. Ореху пришлось поставить Крушину часовым, и тот дважды подавал сигнал тревоги, пока остальные продолжали с грехом пополам копать землю.

Под вечер их спугнул стук копыт: какой-то всадник ехал по дороге. Больше они не видели никого крупнее голубя. После того как всадник повернул к югу от холма и исчез, Орех вылез на опушку леса и посмотрел на север, где лежали тихие поля и линия электропередачи уходила вдаль. Стало прохладнее, и солнце упало на северный склон.

— Пожалуй, мы уже достаточно поработали,— сказал Орех.— Я спущусь к подножию поискать, нет ли где травы повкуснее. Здешняя трава по-своему хороша, но суховата и тонка.

Лохмач, Одуванчик и Вероника пошли с Орехом, а остальные кролики остались щипать траву по пути к норам у боярышника.

Орех и Лохмач выбрали наиболее безопасную дорогу и отправились в путь. Они не встретили никаких преград

и скоро щипали траву на пшеничном поле в вечерних лучах солнца.

Орех прежде всего отыскал место, куда можно было бы сбежать в случае тревоги. Ему повезло: он нашел узкую канаву, края которой частично обвалились и так густо поросли дикой петрушкой и крапивой, что в ней можно было укрыться, как в подземном туннеле. Кролики попробовали, сумеют ли они быстро пробежать до канавы с поля.

— Канавка отличная! — промычал Лохмач, пережевывая клевер и обнюхивая упавшие лепестки калины. — Мы многому научились за последнее время! Дома мы за всю жизнь такого не узнали бы! А теперь мы даже рыть умеем! А вы заметили, что здесь совсем другая почва, чем у нас? Она и пахнет по-иному!

— В этой странной колонии у Льюины Пасти мне больше всего понравилась их большая нора, — сказал задумчиво Орех. — Чудесно иметь под землей такое место, где можно собираться всем вместе и рассказывать всякие истории. Как ты думаешь: сумеем мы сделать такую нору? — спросил Лохмача Орех.

— Если ты хочешь вырыть под землей такой большой пустой зал, нужно, чтоб не обрушился потолок. Значит, что-нибудь должно поддерживать крышу. А что держало крышу в колонии Льюины Пасти?

— У них были корни деревьев.

— У нас тоже есть корни. Может, они какие-то другие?

— Надо расспросить Землянику о большой норе. Только он слишком молодой, он не видел, как ее рыли.

На пшеничное поле спускалась ночная темнота. Неясная тень от ближнего плетня словно растворилась в сумерках и исчезла. Запахло прохладой и приближающейся ночью. Мимо с гудением пролетел майский жук.

— Не пора ли домой? — сказал Лохмач. — Скоро вылетят на охоту совы.

В этот момент с поля, уже окутанного тьмой, послышался стук лапой, и кроликам показалось, что сверкнул белый кончик хвоста. Лохмач и Орех бросились, не теряя ни секунды, в канаву.

Сейчас она показалась им еще уже, чем вначале. В ней и так едва можно было поместиться, а через минуту сверху на них кубарем скатились еще и Вероника с Одуванчиком.

— Вы видели, что это за зверь?— спросил Орех.

— Кто-то крадется вдоль плетня! — в страхе пропищал Вероника.— Эта тварь идет с наветренной стороны и здорово топает!

— Я тоже слышал шаги,— сказал Одуванчик.— Сюда идет зверь размерами не меньше кролика. Он движется неуклюже, но старается не показываться из укрытия. Может быть, это хомба — лиса?

— Не хомба! Нет! Уж ее-то запах мы бы учуяли! Скорее это кошка. Хой! Хой, у эмблеер хрейр! Однако будьте готовы к бегству! Вдруг нас учуют! — предупредил Лохмач.

Кролики умолкли.

Канавка сильно заросла травой, а сквозь траву была видна темно-синяя полоска неба. Скоро среди спутанной зелени над их головами появилась звездочка и затанцевала на ветерке.

— Можно пока немного и вздремнуть,— сказал Орех.

— Что это? — насторожился вдруг Одуванчик.

Сначала Орех ничего не мог разобрать. Затем его ухо уловило какие-то звуки вдалеке, словно кто-то причитал и плакал. Через минуту снова наступило молчание. Ни один охотничий клич не звучит так странно! Этот голос показался Ореху сверхъестественным, и он похолодел от ужаса.

— Во имя Фриса, кто так ужасно кричит? — спросил, дрожа, Лохмач. меховая шапка у него на голове поднялась дыбом.

— Может, это все же кошка? — спросил Вероника, широко раскрыв глаза.

— Нет, не кошка! — прохрипел Лохмач. Неестественная гримаса растянула его пасть.— Знаешь, что это такое? Разве твоя мать тебе об этом не говорила? — Он замолчал, а затем шепотом прибавил:— Нет, ты знаешь, чей это голос!

— Нет, нет! — вскричал Одуванчик.— Это какая-то птица! Или раненая крыса!

Изогнув спину и с трудом повернув голову на одревеневшей шее, Лохмач поднялся на ноги.

— Я знаю, кто это! Это Черный Кролик Инле, кролик зла и смерти! — сказал он.— Кто другой появится ночью в таком месте?

— Не надо об этом! — воскликнул Орех, чувствуя, что он и сам дрожит.

Внезапно голос слышался совсем рядом с ними. Не оставалось более сомнений: это был голос кролика, но измененный до неузнаваемости. Можно было подумать, что он доносится с самых вершин холодного темного неба, таким сверхъестественным казался этот безутешный плач. Сначала снова слышались причитания, затем кролики отчетливо разобрали слова.

— Зорн, зорн! Конец! Конец! — кричал испугавший их страшный голос. — Все погибли! Зорн!

Одуванчик захныкал. Лохмач заскреб землю лапами.

— Не шуми! — сказал Орех. — Не забрасывай меня землей и дай послушать!

В этот момент голос совершенно отчетливо произнес:

— Тлейли! О Тлейли!

При этом все кролики замерли от ужаса, а Лохмач, глядя перед собой остановившимся тусклым взглядом, стал рывками подвигаться к выходу из канавы.

— Когда зовет Черный Кролик, надо немедленно идти! — пробормотал он так глухо, что Орех едва смог разобрать слова.

Орех был страшно испуган, так что с трудом понимал, что происходит. Казалось, он видит дурной сон. Кто звал Лохмача? Ведь здесь никто не знает его имени! Однако Орех твердо понял, что Лохмача надо было любой ценой удержать в канаве!

Обогнав Лохмача, Орех припер его к откосу и вылез вместо него сам.

— Сиди в канаве! — с трудом переводя дух, сказал он. — А я проверю, что это за кролик.

Едва волоча лапы от страха, он заставил себя выйти на открытое поле. По-прежнему пахло росой и бузиным цветом. Он уткнулся носом в холодные травинки. Вблизи никого не было.

— Кто здесь? — громко спросил он.

Ответом было молчание, и он уже собирался повернуть назад, когда кто-то снова громко воскликнул:

— Зорн! О, зорн!

Кричали у плетня на краю поля. Орех повернулся в ту сторону и разглядел под кустом болиголова скрюченную фигурку кролика. Сделав несколько шагов, он спросил:

— Кто ты? — но снова не получил ответа. За спиной он услышал топот.

— Я здесь, — сказал верный Одуванчик, у которого тоже от страха перехватило дыхание.

Оба подошли поближе. Фигурка у плетня не двигалась. При слабом свете звезд они увидели настоящего кролика, не менее живого, чем они сами, но очень истощенного. Не видя ничего перед собой, кролик тем не менее тарасил глаза. Он упорно лизал свое разорванное ухо и молил Тысячу прийти и избавить его от страданий.

Кролики узнали в нем капитана сэндльфордской Ауслы Остролиста.

В старой колонии Остролист занимал заметное место. Он с большим мужеством выполнял самые трудные поручения, и Треарах всецело полагался на него.

В тот памятный вечер он по собственной инициативе явился арестовать Лохмача. Он всегда отлично выполнял свои обязанности и требовал того же от других. Остролист ни за что не покинул бы старую колонию.

Как мог он внезапно оказаться у подножия Уотершипского холма в таком плачевном состоянии? Это было просто невероятно!

Узнав в этом жалком создании капитана Остролиста, Орех и Одуванчик удивились не меньше, чем если бы им пришлось встретить ласточку в кроличьей норе или ручей, бегущий вспять.

Орех с трудом овладел собой. Как бы там ни было, им предстояло идти домой по полю в опасное ночное время. При этом от рыдающего Остролиста шел острый запах крови. Может быть, по его следам давно уже крадется горноста́й? Времени терять было нельзя.

— Скажи Лохмачу, что это не Черный Кролик, а Остролист! — попросил Орех Одуванчика. — Вероника пусть немедленно идет в колонию и передаст, чтобы никто не смел бежать нам навстречу! Помочь никто не в силах, и никому не надо подвергаться риску зря.

Едва Одуванчик скрылся за кустами, Орех услышал, что кто-то осторожно крадется вдоль плетня. Не успел он оглянуться, как из-за изгороди выбрался еще один кролик и, хромя, направился к нему.

— Нет ли здесь места, где можно укрыться? — спросил он.

Орех припомнил, что он встречал этого кролика: тот был в свите Остролиста, когда капитан пришел арестовать Лохмача. Имени его Орех не знал.

— Как ты посмел спрятаться, бросив своего капитана без защиты? — грозно спросил его Орех.

— Я не мог заставить его бежать и спрятался, только когда услышал ваши шаги, — ответил кролик. — Я подумал, что идут элилы! Не было никакого смысла в том, чтобы меня прикончили вместе с капитаном! А я сейчас не сильнее мыши!

Тем временем сзади подошел Лохмач. Вытаращив глаза, он присел и тронул капитана носом.

— Остролист, это я, Лохмач! — сказал он. — Ты звал меня? — Он обернулся и, увидев кролика, который сопровождал Остролиста, воскликнул: — Да это Колокольчик?! Фрис в ветвях!

Остролист вздрогнул.

— Это ты, Тлейли! — проговорил он. — Наконец-то мы тебя нашли! А это Орех, не правда ли? — спросил он. — А того, второго, я тоже хорошо помню, только я сейчас позабыл почти все имена.

— Это Одуванчик. Здесь опасно оставаться, — сказал Орех. — Сможешь ли ты дойти до наших нор?

— А далеко до ваших нор? — спросил Остролист.

— Не слишком, — сказал Орех. Он подумал, что Остролист вряд ли осилит путь наверх, но все-таки повел свой маленький отряд на холм.

Поднимаясь, кролики увидели спускавшегося к ним вниз по склону Горшочка.

— Это еще что? — строго спросил Орех. — Я же сказал Веронике, чтобы все оставались в норе!

— Вероника ни при чем! — сказал Горшочек. — Просто мне очень захотелось пойти поискать тебя. Я не забыл, как ты встал на мою защиту, когда меня хотели бросить у реки!

Когда ведущие Остролиста Орех и Лохмач дошли до боярышника, все жители колонии были уже в сборе и в ожидании товарищей перешептывались между собой.

— Вот Остролист и Колокольчик, — объявил Лохмач. — Им надо отдохнуть, и пусть они идут в незанятую нору. Если у вас осталась хоть капля здравого смысла, вы последуете их примеру.

Кролики безмолвно повиновались, а Лохмач повернулся к Ореху и сказал:

— Этой страшной ночью ты пошел навстречу опасности вместо меня! Я этого не забуду. Ты — смелый и верный друг!

Следующий день оказался жарким и безоблачным, но безжалостный Орех потащил всех кроликов в буковую рощу и заставил их рыть норы. Расспросив Земляника о том, как была устроена большая нора в его колонии, Орех выяснил, что потолок там удерживали не только боковые корни, но также и корни, идущие вертикально вниз.

Орех и Лохмач вместе с Земляницей спустились под землю. Пока их новая колония была всего-навсего маленькой пещерой с одним входом.

Кролики принялись за работу, стараясь расширить нору, устроить зал под корнями и сделать туннель, идущий вверх.

Вдруг Земляника бросил работу и запрыгал между корнями. Он нюхал и кусал землю и зачем-то утапывал ее передними лапами. Орех подумал, что бедняга устал и притворяется, будто занят делом, а на самом деле устроил себе передышку, но вскоре Земляника подошел к нему и сказал:

— Тут у деревьев короткие корни, и нам попало не такое удачное их расположение, как в нашей колонии, но мы сумеем прекрасно обойтись и тем, что нам досталось. Здесь есть несколько толстых корней, идущих прямо вниз. Мне кажется, надо рыть вокруг самых толстых. Их не нужно ни отгрызать, ни вытаскивать. Так можно сделать нору больших размеров.

При этих словах Орех не мог скрыть своего разочарования.

— Значит, в нашей норе всегда будут торчать эти противные стволы?

— Ну и что? — сказал Земляника. — Нора не станет от этого хуже. Стволы спокойно можно обходить, и они не мешают нам рассказывать сказки. С ними станет теплее, и они будут проводить звук с поверхности, что при случае тоже может пригодиться.

Постройка залы, которую кролики окрестили Соты, окончилась полным триумфом Земляники.

Когда день подходил к концу, пещера стала похожа на обычные кроличьи норы, но во много раз превосходила их размерами.

В северной ее части буковые корни образовали некое подобие колоннады; в центре находилась огромная зала, а далее, где корней не было, Земляника оставил часть грунта, так что получились колонны из земли, и южная

часть норы представляла собой три небольших зальца, которые вели в кроличьи спальни.

Орех был доволен. Он понял, что колония получается на славу.

Вдвоем с Серебристым они расположились у входа в туннель.

Внезапно раздался стук о землю и послышались взволнованные крики:

— Ястреб! Ястреб!

Орех выглянул. В небе парила пустельга и, опустив окаймленный черными перьями хвост, высматривала добычу.

— Неужели такая малявка осмелится на нас напасть? — спросил Орех, увидев, что птица, спустившись пониже, снова повисла в воздухе.

— Она ростом невеличка! — сказал Серебристый. — Но вряд ли тебе захочется сейчас попастьись на лужайке!

— А мне просто не терпится выйти наверх и задать перцу кому-нибудь из этих элилей, — раздался из норы голос Лохмача. — Мы уж чересчур всего боимся. Конечно, с птицей сражаться нам не под силу! Пожалуй, если она нападет сверху, то одолеет даже крупного кролика!

— Ой, смотрите, там сидит мышь! — воскликнул Серебристый. — Бедняжка!

В невысокой траве перед норой сидела полевка. Она еще не заметила над собой ястребиной тени, но внезапное исчезновение кроликов заставило ее насторожиться.

— Ну, теперь ей конец! — сказал Лохмач не без жестокости.

Какое-то неясное побуждение заставило Ореха выбежать из норы на лужайку. Мыши не понимают кроличьего языка, но существует очень простой жаргон полей и лесов, и Орех произнес на этом жаргоне:

— Беги! Сюда! Быстрей!

Мышь бросилась к нему, а пустельга, описав круг в небе, заскользила вниз. Орех отступил в нору. Внезапно мышь споткнулась о какую-то ветку, и та сверкнула на солнце серебристыми листьями. Пустельга сложила крылья и бросилась вниз. Мышь ринулась к Ореху и проскользнула между его передними лапами. В ту же секунду пустельга, как метательный снаряд, с силой пу-

щенный с вершины дерева, выпустила когти и с шумом ударилась о землю.

Птица яростно забилась, и кролики увидели ее страшные круглые глаза, когда она на минуту заглянула прямо к ним. Сила ее падения напугала их. Орех, отскочив назад, сбил с ног Серебристого.

— Значит, ты не прочь встретиться в бою с подобной особой? — спросил Серебристый Лохмача. — В таком случае я приду полюбоваться на вашу схватку!

— Орех, я знаю, что ты неглупый парень, — сказал Лохмач. — Но что нам за прок от этой мыши?

Мышь сидела неподвижно, и Орех видел, что она не спускает с них глаз.

— Может, ястреб еще здесь, — сказал он. — Оставайся у нас. Уйдешь потом!

Лохмач хотел что-то возразить, но из глубины хода появился Одуванчик.

— Орех, Остролист проснулся, он чувствует себя лучше и даже выходил на сиффлей. Он хочет рассказать о том, что произошло в нашей колонии.

4+3. Гибель старой колонии

На траве у муравейника расположились Остролист и Колокольчик. Остролист обнюхивал лиловую орхидею. Когда его нос коснулся ствола, сиреневый цветок покачился.

— Не пугай ее, капитан, а то она улетит! — в шутку сказал Колокольчик. — Не божья ли это коровка? Смотри, сколько пятнышек у нее на листьях!

— Ох, перестань, Колокольчик! — добродушно сказал Остролист. — В этой местности я не знаю половины растений! Эту-то траву есть нельзя, зато здесь много бедняка, а он кроликам всегда полезен.

Тут муха уселась на его раненое ухо, он сморщился и потряхнул головой.

Орех и Лохмач обрадовались, увидев капитана в таком хорошем состоянии, и решили отвести Остролиста в Соты. Тот сразу же заинтересовался:

— Много ли у вас кроликов?

— Хрейра,— отвечал Лохмач.

— Неужели все кролики, ушедшие вместе с Орехом, выжили?

— Все они здесь.

— Раненые есть?

— О, многие из нас были более или менее серьезно ранены! — сказал Орех.

— У нас не было ни одной скучной минутки! — добавил Лохмач.

— А это кто сюда бежит? Его не было в нашей колонии.

Из букового леса к ним скакал Земляника. Приблизившись, он стал проделывать странные танцевальные па головой и лапами. Никто ему не ответил, и Земляника, несколько сконфуженный, остановился. Чтоб не дать Лохмачу наброситься на себя с руганью, он поспешно заговорил.

— Милорд Орех,— церемонно начал он — при этом Остролист удивленно дернулся, но ничего не сказал.— Все кролики выразили желание остаться на ночь в новой большой норе и надеются, что капитан Остролист расскажет нам все, что с ним произошло.

— Я готов рассказывать,— сказал Остролист.— Только предупреждаю, у вас сердца обольются кровью!

У Остролиста был такой мрачный вид, что все замолчали. В молчании они поднялись на вершину и спустились в главную залу новой колонии.

Тут из восточного хода в Соты влез Вероника.

— Орех,— сказал он,— там этот, или эта, как ее, ну, твоя гостя мышь хочет с тобой поговорить.

Мышь сидела у самого выхода.

— Ты идешь домой? — спросил ее Орех.

— Идти сейчас, не ждать сов,— сказала мышь.— Но я хотела сказать: ты помогай мыши, а когда-нибудь мышь помогай тебе. Ты говори — она придет! — С этими словами она убежала.

— Фрис в пруду! — воскликнул Лохмач.— Того и гляди, явятся все ее сородичи. То-то наша нора будет кишеть ими!

Остролист неторопливо начал свой рассказ:

— В ту ночь, когда вы ушли из колонии, мы прошли по вашему следу до самого ручья. Треарах сказал, что нет смысла рисковать и преследовать вас. «Ушли так ушли!» — заключил он. Я немедленно прекратил поиски.

Все уже знали, что Пятый предсказал какое-то несчастье, и тут пошли всевозможные слухи. Кое-кто говорил, что эти предсказания — ерунда, но многие считали, что на колонию нападут люди с хорьками и ружьями.

«Я знавал кроликов, которым казалось, что они обладают даром ясновидения, — сказал Треарах. — Их словам не стоит придавать особого значения. Однако встречаются кролики, в действительности имеющие очень острое чутье. Такой кролик может, к примеру, предсказать наводнение или нападение хорьков. Что же произойдет, если учесть такие предсказания? Произойдет миграция колонии! Это дело трудное, и здесь не обойдется без жертв. Ушедшие сразу превратятся в толпу хлессилей, блуждающих по открытой местности вместе со своими крольчихами и крольчатами. На таких хлессилей ордами нападают элилы. Итак, все ясно: лекарство еще хуже, чем сама болезнь! Всегда лучше отсидеться в норах!»

Утром была моя очередь идти за салатом, и по какой-то причине я решил идти в одиночку.

— Обычно в поход за салатом идут трое, — заметил Лохмач.

— Знаю, но я хотел взглянуть, не готова ли ранняя морковь, и решил, что в незнакомой части огорода безопаснее охотиться одному. Около ни-Фриса я пошел домой через лес и вдруг увидел, что на дороге стоит хрудудиль. Из него вылезло множество людей и один мальчик с ружьем. Они вынули из хрудудиль какие-то непонятные длинные вещи, которые мне трудно описать, только я понял, что они очень тяжелые, потому что каждую несло два человека. Люди притащили эти вещи на поле. Я решил понаблюдать за ними со стороны, с тем чтобы, поняв их замыслы, предупредить об этом Треараха. Люди между тем снова начали разговоры и зажгли свои палочки. Люди никогда не торопятся! Затем один человек взял лопату и стал заваливать ходы в колонию. Это меня удивило. Ведь для охоты с хорьками надо выгнать кроликов из нор, а не зарывать ходы! Затем один из людей достал какую-то тонкую изогнутую вещь, очень похожую на плети куманики, — продолжал Остролист. — Взяв такую длинную плеть, каждый из пришедших надел ее на те машины, которые они поднесли к нашим норам. Послышалось шипение, и... это трудно объяснить, но воздух вдруг стал очень скверным.

На меня повеяло запахом из этих плетей, и я внезапно перестал видеть и почувствовал, что падаю. Я прыгнул и побежал, но вдруг заметил, что бегу навстречу людям! Тут я вовремя опомнился, но в голове у меня все помутилось. Я упал на землю и застыл.

Люди засунули плети в открытые норы. А затем я вдруг увидел Скабиозу. Вы, наверное, помните Скабиозу? Он вылез из норы. По нему было видно, что он нанюхался плохого воздуха. Бедняга не понимал, что делает. Когда люди его заметили, один из них показал на Скабиозу, и его застрелили из ружья. Надеюсь, что бедняга не очень страдал!

К этому времени отравленный воздух проник в наши туннели и норы. Могу себе представить, что там творилось!

— Никто не в состоянии этого себе представить! — воскликнул Колокольчик. Дальше стал рассказывать уже он:

— Суматоха поднялась еще до того, как я понюхал эту штуку. Первыми ее учуяли молодые крольчихи и стали рваться наружу. Все ходы и туннели были забиты кроликами. Они царапались и давили друг друга. Кое-кто повернул назад, но снизу из нор напирали отставшие. Вскоре у входов появились горы трупов.

Не знаю, как я спасся: у меня был один шанс из тысячи. Я находился недалеко от входа, где топтались люди. Они о чем-то долго говорили возле своей плети, и мне показалось, что она у них плохо работала. Как только я учуял этот запах, я стал искать выход. Вы, наверное, помните наш Плоский Ход? В последнее время им мало пользовались, так как он не выходит ни в одно интересное место. Наверное, сам Фрис вел меня!

Я нашел Плоский Ход и тихонько пополз по нему. Из нор доносился чудовищный шум. Я слышал вопли о помощи и писк крольчат, зовущих матерей. Офицеры пытались раздавать приказы, но никто не слушал. Проклятия и стоны мешались с шумом отчаянной борьбы.

Внезапно я увидел рядом с собой еще одного кролика. Это был Курослеп. Сразу было видно, что ему очень плохо. Он плевался и тяжело дышал, но сказал, что, если я ему помогу, он покажет мне, где выход. Он часто забывал дорогу, так что мне приходилось толкать его, и один раз я его даже укусил.

Наконец я почувал свежий воздух, и вскоре мы увидели, что выходим в лес.

Дальше рассказ снова продолжал Остролист:

— Почти всех кроликов, выбежавших на поле, застрелили. Наконец люди закончили свое страшное дело. Они вынули плети из нор и повесили трупы на палку. — Тут Остролист потерся носом о голову Ореха.

— Не рассказывай об этом! — тихо сказал Орех.

— Вскоре огромный хрудудиль, не тот, на котором приехали люди, а другой, выехал на наше поле. Этот очень шумел и был желт, как полевая горчица. Своими огромными лапами он держал перед собой большую сверкающую вещь, для описания которой мне не хватает слов! Сам он был широкий, страшный, как Инле, и очень блестел. А эта вещь — не знаю, как вам это передать, — она разорвала наше поле на части! Поля попросту не стало! Хрудудиль толкал перед собой землю, корни, кусты и то, что было под землей.

Я все-таки собрал трех спасшихся кроликов — Колокольчика, Курослепа и юного Жабрея. Жабрей служил в Аусле, и я спросил его о Треарахе, но Жабрей не мог сказать мне ни одного разумного слова. Надеюсь все же, что Треараха постигла легкая смерть.

Курослеп вскоре совсем обезумел и болтал ерунду, да и мы с Колокольчиком были не в лучшем состоянии. Почему-то мне все время вспоминался Лохмач. Я помнил, как я шел арестовывать его, и теперь мне хотелось сказать ему, что я был не прав.

Вчетвером мы пошли вниз по реке. В эту же ночь в лесу умер Жабрей.

В конце концов мы дошли до реки. Вскоре мы нашли место вашей переправы. В песке под откосом было много кроличьих следов. Они прерывались, а это значило, что вы переплыли реку. Я тоже переплыл реку, за мной последовали другие, и я снова отыскал ваши следы.

Потом нам повезло. Во всяком случае, мы так думали сначала. Ночью мы встретили хлессиля, старого жилистого кролика с царапинами и шрамами на носу. Он сказал, что невдалеке находится кроличья колония, и показал нам туда дорогу.

Мы дошли до поля, но так устали, что заснули в первой попавшейся канаве. Я не в силах был заставить моих кроликов подежурить и сам вскоре заснул. Когда я проснулся, было близко к ни-Фрису.

Все было тихо, пахло только кроликами, и все же я почувствовал что-то неладное. Я разбудил Колокольчика и собирался разбудить Курослепа, который громко бредил, как вдруг нас окружила толпа кроликов. Это были все толстые огромные парни, и они как-то странно пахли.

— Мы знаем, как они пахли,— заметил Лохмач.

— Один из этих кроликов сказал: «Я — Львиная Пасть. А кто вы и что вам здесь надо?» Я сказал им, что мы разыскиваем кроликов нашей колонии — Ореха, Пятого и Лохмача. Как только я вымолвил эти слова, он повернулся к своим и закричал: «Вот они! Держите их! Рвите их на части!» Тут все бросились на нас. Один из них порвал мне ухо, прежде чем Колокольчик сумел его оттащить. Мы схватились со всей их толпой. От удивления и неожиданности я вначале немногого стоил. Однако мне показалось странным, что такие великаны совсем не умеют драться и не знают простейших приемов боя. Колокольчик сбил с ног двоих, каждый из которых был вдвое выше его ростом. В конце концов нам пришлось бежать, потому что их было слишком много. Когда мы были уже далеко, то вспомнили, что оставили позади спящего Курослепа. И вот после того, что мы перенесли, бедный Курослеп погиб от лап кроликов!

— По-моему, это — неслыханный позор! — тут же вставил Земляника.

— Мы мчались по полям вдоль узкого ручья, и часть этих кроликов неслась за нами,— продолжал Остролист.— Тут я подумал: «Убью хоть одного из них!» Мне было стыдно, что мы удрали, спасая свои шкуры, и оставили больного Курослепа. Я увидел, что Львиная Пасть бежит впереди. Я дал ему себя догнать, а затем повернулся и сбил его с ног. Я хотел растерзать его, как вдруг он пропищал: «Не убивай меня! Я скажу, куда ушли ваши друзья». — «Скорее говори», — сказал я, уставив когти задних лап ему в живот. «Они пошли на холмы,— пробормотал он, задыхаясь.— На высокие холмы! Ваши кролики ушли вчера утром!» Поняв, что он больше ничего не знает, я только поцарапал его и отпустил. Больше мне почти нечего сказать,— продолжал Остролист.— Очень болело ухо, и я винил себя в гибели Курослепа. У меня оставалась лишь одна мысль: найти Лохмача и сказать ему, что он был прав, когда бежал из нашей колонии.

Наконец на следующий день мы пришли к холмам. Мы уже ничего не опасались и шли по открытому месту в свиное время. Близилась ночь, а кругом не было ни леса, ни укрытия. Тут все у меня в глазах стало двоиться. Ясно, как эту траву, я увидел Скабиозу и услышал его вопль, я увидел Треараха и Жабрея. Я звал Лохмача, но не надеялся его увидеть. Я помню, как отошел от плетня на поле в надежде, что придут элилы, чтобы меня прикончить, но когда я пришел в себя, то увидел, что передо мною стоит Орех.

Помолчав, он добавил:

— Теперь вы понимаете, как мы с Колокольчиком счастливы, что оказались вновь среди друзей. Дорогой Лохмач, знай, что в ту ночь не я хотел арестовать тебя, это был другой кролик, и это было давным-давно.

С того момента как Остролист в полубреду добрался к подножию Уотершипского холма, едва ли прошел один день, но он уже почти совсем исцелился. Более же легкомысленный Колокольчик, несмотря на тяжелое потрясение, и вообще чувствовал себя прекрасно. Орех и его товарищи пережили огромное горе и глубокий ужас. Во время рассказа Остролиста Горшочек плакал и дрожал, узнав о смерти Скабиозы, а Желудь и Вероника чуть не задохнулись от конвульсий, когда Колокольчик рассказал им о том, как отравляющий газ сеял смерть под землей. Чувства их ни в коей мере не были притворными или живыми.

Кролики задыхались вместе с несчастными в отравленных норах, они горели яростью, слушая о судьбе Курослепа, погибшего в канаве, — такова была их тризна по умершим! Но когда рассказ подошел к концу, аппетит взял свое.

Было бы прекрасно, если бы погибшие могли вернуться! А пока нужно было щипать траву, грызть зерно, рыть норы и спать!

Когда Остролист окончил свой рассказ, Орех стал обнюхивать его ухо. Воспаленное и нагноившееся, оно висело рваными лохмотьями.

— Колокольчик неплохо поддерживал твой дух! — сказал Орех Остролисту. — Но жаль, что он не почистил тебе рану.

Орех принялся вместе с Серебристым обрабатывать больное ухо. Кровь на нем запеклась, так что работа эта требовала большого терпения. Когда Орех вылизал длин-

ные рваные раны, они снова стали кровоточить. Хотя Остролист старался не дергаться, он рычал от боли и топтал лапами, так что Серебристый ломал себе голову, чем бы отвлечь его внимание.

— Орех,— наконец сказал он.— Ты говорил, что у тебя появилась какая-то мысль насчет этой мыши? Что ты задумал?

— Все очень просто,— отвечал Орех.— Мы живем в незнакомом месте, и нам нужны друзья. Ясно, что от элилей добра не дождешься, но есть и другие создания, не элили: птицы, мыши и йоны — ежи. Их враги — это и наши враги. Надо сделать все возможное, чтобы с ними подружиться.

— Чем они могут нам помочь? — сказал Серебристый, вытирая нос, запачканный кровью Остролиста.— Они не могут рыть, они не могут нам добывать пищу, они не могут за нас сражаться. Они будут дружелюбно к нам относиться, но этим дело и кончится. Я слышал, как эта мышь пищала: «Ты говори — она прийти». Держу пари, все они явятся! Надеюсь, ты не собираешься набить наш дом мышами и рогатыми жуками?

— Для начала мыши могут нам все рассказать об этом месте.

— Они расскажут то, что знают мыши! Кроликам нужно совсем иное!

— Всего полезнее для нас была бы птица! — задумчиво сказал Орех.— Мы летать не умеем, а птицы летают на далекие расстояния. Если кто-нибудь из вас встретит какую-нибудь птицу не из породы элилей и она попросит помощи, ради всего святого, помогите ей! Упустить такой случай — все равно что оставить морковь гнить на поле!

— Идея прекрасная, но таких случаев — единицы! — в раздумье заметил Смородина.

— Я готов помочь! — весело сказал Серебристый.— Дело стоящее! Может быть, мне удастся увидеть, как Лохмач нянчится с полевками!

Когда кролики вылезли на сильфлей и приблизились к буковой роще, навстречу им показались чем-то весьма довольные Вероника и Хокбит.

— Ребята! Мы встретили еще одну мышь! Она откуда-то узнала про историю с пустельгой и была с нами весьма любезна. Мышь показала нам одно местечко в стороне от леса. «Вы любите хорошая трава? — спросила

она нас.— Там очень хорошая». Мы отправились туда. Трава там отменная.

На широком выгоне росла в самом деле отличная трава вышиною около полуметра. Чувствуя приятное удовлетворение от того, что события подтвердили его правоту, Орех принялся жевать нежные кустики клевера. Некоторое время все тоже молча щипали клевер.

— Умный ты парень, Орех,— сказал, наконец наевшись, Остролист.— Вот и с мышью у тебя отлично получилось! Конечно, мы бы и сами в конце концов нашли этот участок, но не так быстро.

Орех был очень доволен.

— Теперь нам не надо спускаться к подножию холма каждый раз, как мы захотим поесть вкусной травы! Однако, Остролист, от тебя пахнет кровью, и это может плохо кончиться! Идемте в рощу, посидим около норы!

4+4. *Кухар*

Ранним ясным утром, выбравшись из нор на сильфлей, Лохмач и Серебристый пригладили уши, понюхали воздух и, направляясь к выгону с клевером, запрыгали наперегонки со своими длинными тенями.

Путь их шел по невысокой траве. То присаживаясь перекусить, то осматриваясь вокруг, они приблизились к неглубокой яме. Внезапно скакавший впереди Лохмач остановился, согнув спину, и стал внимательно что-то рассматривать.

Даже не успев заглянуть в яму, он понял, что там сидит какое-то крупное животное. Спрятавшись в густой траве и высунув оттуда один нос, Лохмач сумел рассмотреть только чью-то белую шею. Незвестное ему существо было размером с самого Лохмача. Замерев на месте и не дыша, Лохмач продолжал вести наблюдение. Животное не двигалось.

— У кого бывает белая спина? — спросил Лохмач у Серебристого.

Подумав, тот ответил:

— Пожалуй, только у кошки.

— Здесь не может быть кошек!

В этот момент из ямы слышалось глухое с присвистом шипение.

Единственные уцелевшие представители сэндльфордской Ауслы Лохмач и Серебристый были о себе довольно высокого мнения.

Они знали, что товарищи относятся к ним с известным почтением: нешуточная схватка с крысами в заброшенном амбаре доказала, чего они стоят. Однако если в ту ночь, когда Лохмача охватил суеверный ужас при встрече со страшным Черным Кроликом, он не побоялся откровенно признаться, что струсил, то сейчас мысль о том, что ему придется вернуться в Соты и отпрапортовать, что, встретив незнакомое существо, он удрал, была Лохмачу очень не по вкусу. Взглянув на Серебристого и заметив, что тот тоже зажегся боевым пылом, Лохмач смело подошел к яме.

В яме сидела совсем не кошка. Там пряталась большая птица. Кролики никогда не встречали таких птиц. Белое пятно, которое они издали заметили, покрывало плечи и шею, а спина птицы была светло-серая. Коричневая голова по контрасту с белой шеей выглядела черной. Казалось, что птица носит черный капюшон. Кролики заметили также, что каждая из ее перепончатых лап вооружена тремя сильными когтями. Острый клюв птицы загибался книзу. Отчаянно зашипев, птица разинула клюв и показала красную пасть. Она пыталась ударить кроликов, но почему-то не могла сдвинуться с места.

— Она, наверное, ранена,— сказал Лохмач.

— Не могу понять, где рана. Надо обойти ее с тыла,— сказал Серебристый.

— Берегись,— предупредил его Лохмач.— Она может достать тебя клювом.

Обходя яму, Серебристый слишком близко подошел к птице, и ему едва удалось вовремя отпрыгнуть, чтобы избежать сильного удара.

— Она чуть не перешибла тебе лапу,— сказал Лохмач.

Догадываясь, что птица не может выбраться из ямы, кролики уселись на краю, разглядывая ее, а она разразилась отчаянными хриплыми криками: «йарк! Йарк! Йарк!».

Озадаченные Лохмач и Серебристый повернулись и пустились наутек. Невдалеке от нор они остановились,

чтобы перевести дух и с достойным видом приблизиться к колонии.

Однако Орех, вышедший им навстречу, сразу же обратил внимание на то, что у них расширены зрачки и дрожат ноздри.

— Уж не встретили ли вы элилей? — спросил Орех.

— Будь я проклят, если сумею в этом разобраться! Там сидит большая птица! В жизни таких не видал! — сказал Лохмач.

— Вроде фазана?

— Нет, меньше ростом, — признался Лохмач. — Но крупнее голубя и гораздо свирепее.

— И она так громко кричит?

— Да, и я очень перепугался. Почему-то она не может двинуться с места.

— Значит, она умирает?

— Непохоже.

— Пойду-ка и я взглянуть на нее, — сказал Орех.

— Она очень свирепа! Ради всего святого, будь осторожен!

Вскоре все три кролика уселись поодаль от птицы, вне пределов досягаемости ее клюва.

Орех заговорил с птицей на смешанном наречии полей и лесов:

— Ты ранен? Ты не можешь летать?

Ответом ему было прерывистое бормотание на каком-то, как им показалось, иноземном языке. Наконец наши кролики сумели разобрать несколько знакомых слов:

— Вы прийти убить! Йарк! Йарк! Убить! Йарк! Думай, я — конец! Я — еще не конец! Я вас крепко ранить! Йарк!

Птица так быстро вертела головой, что голова ее моталась из стороны в сторону. Внезапно она вонзила свой клюв в землю.

— Мне кажется, она умирает с голоду, — сказал Орех. — Надо бы накормить ее. Лохмач, иди собери немного червей!

— Чего, чего?

— Собери червей!

— Это мне-то собирать червей?

— Разве вас в Аусле этому не учили?

Несколько оскорбленный таким предложением, Лохмач в конце концов присоединился к Ореху, и они вместе стали ковырять сухую землю. За последнее время дождей

было мало, а черви редко встречаются на холмах даже в дождливую погоду.

— А если нам притащить ей жуков, мокриц или еще чего-нибудь в этом роде? — предложил Лохмач.

Собрав несколько гнилых сучков, кролики принесли их к яме.

— Вот. Насекомые! — сказал Орех, с опаской протянув птице сучок.

Птица в одну минуту расщепила ветку и проглотила всех притаившихся в ней жучков. Вскоре в яме образовалась кучка мусора, а кролики тащили и тащили сюда все, из чего можно было извлечь пищу. Лохмач нашел кучку лошадиного навоза, преодолевая отвращение, собрал червей и принес их по одному к яме. Орех похвалил его, но Лохмач только пробормотал:

— Смотри, не смей говорить о моих успехах на этом попроще сорокам, а то они об этом повсюду раззвонят!

Вскоре кролики выбились из сил, а птица, поев, посмотрела на Ореха и сказала:

— Кончал есть. Зачем ты это делал?

— Ты ранен? — спросил Орех.

Птица подозрительно взглянула на него:

— Нет, не ранен! Много еще сил для боя! Пока — остаться здесь!

— Плохое это место, — сказал Орех. — Остаться здесь — конец! Придет хомба, придет ястреб!

— Всех к черту! Убью!

— В самом деле, она будет здорово драться! Готов биться об заклад! — сказал Лохмач, восхищенно глядя на двухвершковый клюв птицы и ее толстую шею.

— Погибнешь, если останешься здесь! — заметил Орех. — Но мы, может быть, сумеем тебе помочь.

— Не болтай!

— Идем, — сказал Орех приятелям. — Пусть сама отбивается от элилей.

К вечеру Орех снова направился к яме в лесу. Птица сидела на месте, но, казалось, устала и порядком ослабела.

— Ну как? Сражалась ли ты с ястребом? — спросил Орех.

— Не бороться, не сражаться! Наблюдать, наблюдать надо! Плохо!

— Ты голодная?

Птица не отвечала.

— Знай, кролики не едят птиц! Мы тебе поможем!

— Зачем?

— Это неважно. Мы тебя укроем. В большой яме. Там есть еда!

Птица задумалась.

— Ноги здоровы. Крыло плохо, совсем плохо крыло!

— Идем со мной! Шагай лапами!

— Если ты меня ранить, я тебя ранить к чертям!

Орех отвернулся, но птица снова подала голос:

— Далеко ли ваша яма?

— Яма близко!

— Тогда идти!

Птица с большим трудом поднялась, качаясь на сильных кроваво-красных лапах, и открыла крылья, так что Орех, испуганный их огромным размахом, едва успел отскочить подальше.

Однако через минуту птица с гримасой боли сложила крылья.

— Крыло плохо! Иду!

Их появление в колонии вызвало большое беспокойство, но Орех заставил всех замолчать и грозно сказал Одуванчику и Крушине:

— Не сидите без дела! Птица ранена, и надо дать ей убежище. Желудь и ты, Пятый, очнитесь! Нам понадобится широкая, но неглубокая нора с плоским полом.

— Но ведь мы и так рыли весь день, Орех!

— Я знаю, но я тоже помогу вам копать!

Авторитет Ореха явно подвергался опасности. Удивленные и усталые кролики повиновались ему с угрюмым ворчанием.

Лишь Лохмач пленила смелость и сила неожиданной гостьи, и он с восторгом руководил устройством ее жилья.

Попав в буковый лес, птица почувствовала себя в относительной безопасности и, прыгая на лапах, стала сама добывать себе пропитание.

К утру подозрительное отношение черноголовой чайки (а это была именно она) к кроликам изменилось, инстинктивное желание быть вместе со стаей взяло верх над ее опасениями — и тут Лохмач стал ей верным товарищем. Он и слышать не хотел о том, чтобы она сама добывала себе пищу, и к ни-Фрису кролики нанесли в нору кучу жуков, так что птица едва успевала глотать. Лохмач остался сидеть возле птицы, часами слушая ее

рассказы. На вечернем сильфлее он подошел к Ореху и Серебристому.

— Нашей птице сейчас гораздо лучше! Она очень мужественная! Фрис великий! Что у нее за жизнь! Вы сами не знаете, что теряете, не слушая рассказов о ее приключениях!

— А она не сказала, кто ее так изувечил?

— Птица села на двор усадьбы, и тут на нее бросилась кошка. Одно крыло у птицы повреждено, но, по-видимому, и кошке крепко досталось! Подумать только! Птица, а сражается с кошкой! А почему бы и кролику не напасть на кошку? Нет, по-видимому, моя карьера еще только начинается!

— А что это за птица? — перебил разошедшегося Лохмача Орех.

— Мне это не совсем ясно, — ответил Лохмач. — Если я не ошибаюсь, там, откуда она прилетела, их хрейры! Воздух кажется белым от их крыльев, а гнезд там больше, чем листьев в лесу...

— А где это? Мы никогда такого не видели!

— Птица говорит, что это там, где земля кончается, где ее уже больше нет.

— Разумеется, земля где-то кончается. А что там, за концом земли?

— А там вода!

— Река, ты хочешь сказать?

— Нет, там вода, огромная вода! Другого конца воды не видно. Может быть, у нее и нет конца? Признаться, я здесь чего-то не понимаю!

— Может, эта птица врет?

— Нет, этого не может быть! — сказал с уверенностью Лохмач. — Птица рассказывает, что эта вода все время движется и бьется о берег. Вода производит какой-то особый шум, и когда птица не слышит этого шума, она очень по нему скучает. Кстати, это — самец и зовут его Кихар. Так же они называют и шум этой огромной воды.

Заходящее солнце падало на самую вершину холма, от травы ложились длинные тени, а прохладный воздух благоухал тимьяном и цветущим шиповником.

Окинув собравшихся взглядом, Орех заметил, что все они выглядят сильнее, здоровее и счастливей, чем в те дни, когда пришли сюда.

Что бы ни случилось в будущем, сейчас время оправдывало все усилия Ореха!

— Если я не ошибаюсь,— начал Орех,— нам живется здесь неплохо! Мы уже больше не кучка хлесси́лей! И все же меня тревожит один вопрос. Мы должны найти на него ответ, иначе наша колония, несмотря на все наши старания, погибнет!

— Как это? В чем же дело, Орех? — спросил Лохмач.

— Помните ли вы Нильдрохейн? — ответил Орех вопросом на вопрос.

— Она перестала богаты! Нам очень жалко Землянику, но при чем тут она? — спросил Лохмач.

— У нас нет ни одной крольчихи, а раз нет крольчих, значит, нет и крольчат, а без них через несколько лет нашей колонии конец! — заявил Орех.

В ответ кролики промолчали, но Орех понял, что его слова попали в цель.

Солнце нырнуло еще ниже. Наконец Смородина спросил:

— Что ж нам, опять куда-то идти?

— Мне бы хотелось привести откуда-нибудь крольчих,— сказал Орех.

— На холмах нет кроликов, кроме нас! Где их найти?

— У нас есть птица! Она может разведать округу и принести нам нужные сведения!

— Это блестящая идея, Орех-ра! — воскликнул Смородина.— Птица за один день разузнает столько, сколько нам не разузнать и за тысячу дней! А как ты думаешь: сумеем мы ее уговорить?

— Не знаю,— отвечал Орех.— Пока надо ее хорошо кормить и уповать на будущее. Попытайся все же объяснить ей, как это для нас важно, раз уж ты с ней подружился, Лохмач! Ей достаточно будет только облететь разок холмы и сообщить нам все, что она увидит.

— Я беру это на себя! — объявил Лохмач.

Орех, как это и подобает Главному Кролику, оказался выразителем всех тайных чаяний, зреющих в колонии и ставших после его слов явными. Его мысль использовать для разведки чайку привела всех без исключения в восторг. Некоторые решили, что даже Смородина вряд ли бы до этого додумался.

Однажды Лохмач разбудил Ореха и заявил, что Кихар хочет с ним поговорить. Орех пробрался в Кихарову нору и поздоровался. Он был крайне удивлен, когда

Кихар с некоторой запинкой ответил ему на языке кроликов. Очевидно, Кихар приготовил свою речь заранее.

— Мистер Рех! Ваши кролики много для меня работают — и вот я не умер! Скоро я здоров! — начал Кихар.

— Очень рад это слышать! — отвечал ему Орех.

Тем временем Кихар перешел на смешанный язык полей и леса:

— Мистер Лохмач, он очень хороший парень! Он говорит — у вас нет мамаш! Для вас это очень плохо!

— Это верно! Поблизости нигде нет будущих матерей колонии! — ответил Орех.

— Сейчас я уже летаю. Крыло, оно лучше. Ветер кончится — я лететь. Лететь теперь для вас! Найду вам мамаш, скажу, где они! — гордо объявил Кихар.

На следующий день ветер стих, и Кихар смог сделать пару пробных полетов.

Через три дня он был уже в состоянии вылететь на поиски.

Раскинув веером свои широкие крылья, так что они аркой поднялись над головой Лохмача, Кихар взмахнул ими и покачал в виде прощального приветствия перед самым носом своего приятеля.

Прижимая уши в потоке поднятого Кихаром ветра, Лохмач не отрываясь следил за тем, как чайка с усилием, тяжело поднялась в воздух. Набрав высоту, Кихар описал над лужайкой полукруг и исчез за краем откоса в северной стороне.

Он провел в полете несколько дней, так что Орех уже начал сомневаться, что он вернется. Орех подумал, что Кихар улетел на Большую Воду, в шумную хриплоголовую колонию птиц, о которой он с таким восторгом рассказывал. Однако Пятый успокоил Ореха.

— Кихар непременно вернется, — сказал Пятый без колебания.

Когда Орех и Пятый ушли в нору и залегли спать, Пятый, уже задремывая, внезапно прибавил:

— Все дары Эль-Эхрейры принесет эта птица: хитрые проделки, большие опасности и благоденствие нашей колонии!

Был ранний вечер. С севера дул легкий ветерок, доносивший запах сена, когда в Сотах появился запыхавшийся Лохмач и с торжеством объявил, что Кихар возвратился.

— Я очень рад, что ты прилетел, Кихар,— сказал Орех, когда чайка села на землю.— Не очень ли ты устал?

— Крыло устает! Лететь понемногу, сидеть понемногу.

— Ты не голоден? Не хочешь ли ты насекомых?

— Я знаю, вы отличные ребята. Хочу жуков! (Всех насекомых Кихар называл жуками.)

По-видимому, ему не хватало заботливого внимания кроликов и он был рад своему возвращению в колонию. Хотя он и сам мог бы добыть себе ужин, он, видимо, полагал, что вполне заслуживает ласки и ухода. Посланные Лохмачом фуражиры работали до самого захода солнца, чтоб принести ему провиант. Поев, Кихар хитровато взглянул на Пятого и спросил:

— Знаешь ли, мистер Малыш, что я разведаль?

— Откуда мне это знать,— сухо ответил Пятый.

— Я облетел весь этот холм туда-сюда, откуда встает солнце и дотуда, где оно ложится. Нет, здесь нет ничего!

Он остановился. Орех с беспокойством взглянул на Пятого.

— Тогда я лететь вниз, вниз до самой равнины! Я найди ферму с деревьями вокруг. А там кролики! Они живут в ящике, живут вместе с людьми.

— Как это так — живут вместе с людьми?

— Да, да, живут под навесом, в клетке. Люди им носят еду.

— Я знаю, что это бывает. Вернее, я слышал об этом,— сказал Орех.— Спасибо, Кихар! Только вряд ли это нам пригодится!

— А там крольчихи. В большом ящике. А так нигде нет кроликов, ни в лесах, ни в полях!

— Очень жаль!

— Слушай дальше! Я лететь туда, где солнце стоит в середине дня. Знаешь, в ту сторону, где лежит Большая Вода! Только это место гораздо ближе! Но там тоже есть река!

— Мы так далеко еще не бывали.

— По пути туда широкие поля. За ними город кроликов, огромный город! А потом железная дорога, и за ней уже река!

Выслушав это сообщение, Орех уяснил себе, что где-то на юге Кихар отыскал большую колонию кроликов и, что бы там ни значили слова «железная дорога»,

кроличья колония находилась по эту сторону реки и железной дороги.

— А можно ли добраться до города кроликов, не переходя реку и эту «железную дорогу», Кихар? — спросил Орех.

— Да, да. Не идти через железную дорогу! Город кроликов в кустах! На холме. Там много мамаш!

— А долго ли надо идти до этой колонии?

— Длинный путь! Не меньше два-три дня.

Вернувшись в большую нору, Орех объявил кроликам о добытых Кихаром сведениях. Началось всеобщее продолжительное и беспорядочное обсуждение новостей. Орех дал своим кроликам всласть наговориться, пока все не устали и не разошлись по норам.

На другой день их жизнь пошла обычным ходом: они кормились, кормили Кихара, играли и рыли землю. Однако за играми и забавами кролики не забывали о рассказе птицы, и постепенно все прониклись необходимостью действовать решительно.

На следующий день Орех доподлинно знал, чего хотят кролики его колонии.

— Колония, которую нашел Кихар, очень велика, — однажды вечером начал разговор Орех.

— Значит, мы не можем захватить ее силой, — вставил Лохмач.

— Но мне также совсем не улыбается мысль присоединиться к ним, — продолжал Орех.

— Вот еще! Ни один из нас ни за что не согласится бросить наш чудесный холм! — воскликнул Одуванчик.

— Хорошо бы получить несколько крольчих и привести их сюда, — сказал Орех. — Как вы думаете: не слишком ли это трудное дело?

— Я не считаю, что это трудно! — сказал Остролист. — Большие колонии часто бывают перенаселены, так что кроликам в них не хватает пищи. Молодые крольчихи становятся беспокойными, и поэтому у многих не появляются крольчата.

— Значит, ты думаешь, что крольчих могут отпустить? — спросил Орех. — Пошлем туда экспедицию, раз есть надежда, что дело обойдется без борьбы. Как вы считаете: следует ли отправиться туда всей колонией?

— Ни в коем случае! Все трудности будет гораздо легче преодолеть группе из трех или четырех кроликов, чем всей хрейре, — вмешался Смородина. — Четверо могут

передвигаться гораздо быстрее и меньше привлекают к себе внимания.

— Смородина прав,— сказал Орех.— Пошлем четырех кроликов!

— Мне ясно одно: Орех-ра ни в коем случае не должен идти! — сказал Одуванчик.— Мы не можем рисковать нашим Главным Кроликом!

Орех уже давно понял, что ему не придется возглавить посольство. Он был несколько огорчен, но согласился, что это неизбежно. Конечно, кролики чужой колонии с презрением отнесутся к такому Главному, который сам бегаёт по своим поручениям. Кроме того, Орех считал, что ему не хватает внушительности и он не умеет красиво говорить.

— Мне кажется, что Остролист словно создан для этого предприятия. Он умеет передвигаться по открытой местности и весьма убедительно рассуждает! — сказал Орех.

Кандидатура Остролиста ни у кого не вызвала сомнений. Зато выбрать ему товарищей оказалось довольно трудным делом.

Кандидатуру Лохмача немедленно отвергли на том основании, что он мог затеять в чужой колонии ссору. Лохмач сначала надулся, но затем примирился с неудачей, вспомнив, что с ним остается Кихар.

Остролист предложил было Колокольчика, но Смородина сказал, что одна его шуточка насчет Главного Кролика чужой колонии может погубить все дело. В конце концов послами выбрали Остролиста, Серебристого, Крушину и Землянику.

Земляника молчал, но было ясно, что он польщен. Земляника всегда старался доказать своим новым друзьям, что он не робкого десятка, и сейчас с удовлетворением понял, что его оценили по заслугам.

Отряд Остролиста выступил в поход на другое утро, едва рассеялись серые предрассветные сумерки. Кихар собирался вылететь за ними позднее, чтоб удостовериться, идут ли они в правильном направлении, и принести в колонию сведения о их продвижении. Орех и Лохмач, проводив радостно скакавших в траве разведчиков, повернули назад.

— Как будто все продумано! — сказал Орех.— Остальное в их руках, да поможет им Эль-Эхрейра! Я надеюсь, что их ждет удача!

— Если так, значит, в моей норе появится славная крольчиха и целый выводок крольчат! Вот подымется шум и беспорядок! Трепещи, Орех! — захохотал в ответ Лохмач.

4+4+1. Посход на ферму

Наступила уже середина лета, и темнеть стало раньше. Странная сумеречность вызывала у Ореха бессонницу. В радостном возбуждении он вспомнил тот день, когда они переплыли реку и попали на бобовое поле. Сейчас его снова одолевало такое же веселое озорство. Он жаждал приключений и был уверен в их счастливом исходе. Ему хотелось сделать что-нибудь такое, о чем стоило бы рассказать Остролисту и Серебристому, когда они вернутся. Он должен был совершить какой-то значительный поступок, чтобы его можно было рассказывать следующим поколениям кроликов. Нет, он совсем не думал переплюнуть своих друзей — просто ему хотелось доказать, что их Главному Кролику не занимать смывлености и он способен на то же, на что способны его подданные. Прыгая по откосу и выскивая кустик салатного бедренца, он не спеша обдумывал положение.

Какая же проделка произведет на кроликов глубокое впечатление?

Интересно: что бы сказали Остролист и Серебристый, увидев здесь по возвращении парочку крольчих? Орех вспомнил, что Кихар уверял их, что на ближайшей ферме есть клетка с кроликами. Что это за кролики? На ферму нужно явиться рано утром, пока собаки сидят на цепи, люди еще спят и ночной дозор ведет только кошка. На открытой местности кролик бежит быстрее кошки, и она не страшна ему, если он первым сумеет ее заметить. Самое главное, чтоб Ореха не застигли врасплох!

Идти ли ему туда в одиночку? Конечно, безопаснее и приятнее идти с товарищем.

Но кто лучше других подходит для этой операции? Лохмач? Одуванчик?

Подумав, Орех отверг обе эти кандидатуры. Здесь был

нужен кто-то, кто будет беспрекословно выполнять его приказание. Орех вспомнил о Горшочке. Горшочек пойдет за ним, ничего не спрашивая, и сделает все, что он прикажет. Решено: с ним пойдет Горшочек!

Ореху повезло: он сразу же нашел Горшочка у выхода из норы. Орех увел его на откос, не потревожив других кроликов. Горшочек робко и удивленно посматривал вокруг, будто опасался чего-то.

— Бояться нечего, Хлао! — сказал Орех. — Я хочу вместе с тобой спуститься с холма к ферме!

— А зачем нам идти на ферму? Разве это не опасно? Там есть собаки и кошки...

— Нет, это не опасно. Мы будем вместе. Я хочу, чтобы пошел именно ты, и никто другой.

Последние слова произвели на Горшочка надлежащее впечатление. Его не пришлось более убеждать. Они поскакали вперед, пересекли заросшую травой дорогу и направились вниз по склону. Вскоре они вышли на поле, где в ту страшную ночь встретили Остролиста. Здесь Орех остановился, понюхал струю воздуха и прислушался.

Ночь показалась Ореху тихой, и, чувствуя себя в безопасности, он самоуверенно подумал, что либо услышит, либо учует любого четвероногого охотника. Легким шагом Орех двинулся вперед, за ним затрусил Горшочек. Они бесшумно пробрались через изгородь, проскакали под слабо гудящими проводами и через несколько минут достигли дороги на ферму.

Бывают дни, когда мы заранее знаем, что все будет удачно. В это утро Ореха охватило такое же радостное чувство. Вокруг было светло от ярких звезд, и лишь на востоке чуть забрезжил бледный рассвет. Орех чувствовал, что ему под силу обойти тысячу дворов и тысячу ферм одну за другой! Сидя рядом с Горшочком на откосе у пахнувшей асфальтом дороги, он не удивился, увидев, что какая-то молодая крыса выскочила из-за плетня и исчезла за кустом отцветшего купыря. Он знал, что сегодня ему непременно встретится проводник! Заметив, что крыса сидит у канавы и роет землю носом, он подошел к ней.

— Укажи нам дорогу на ферму! — попросил он.

Тряся усами, крыса пристально на него посмотрела. У нее не было особенных оснований быть с ним любезной, но что-то в его облике заставило ее вежливо ответить:

— Ферма Вязовая Роща — через дорогу. По тропинке вверх!

Небо светлело. Не дожидаясь Горшочка, Орех двинулся вперед, и тот догнал его у живой изгороди, бегущей по обе стороны тропинки. Прислушиваясь, они стали подниматься к ферме.

Когда Орех и Горшочек достигли вершины холма, ферма и окружающие ее строения уже ясно вырисовывались под утренним солнцем. Орех остановился и присел, чтобы удобнее было понюхать воздух. Резкий запах коровьего навоза и соломы смешивался здесь с ароматом вязов. Кроме того, всюду стоял запах табака и вдобавок сильно пахло кошкой и несколько меньше — собакой. Внезапно на него резко и отчетливо повеяло запахом кроликов.

Взглянув на Горшочка, Орех понял, что тот тоже учуял знакомый запах. Вдыхая эти смешанные запахи, кролики в то же время чутко прислушивались.

Они нигде не видели кошки, но у дома стояла собачья конура с плоской крышей.

Они увидели, что собака еще спит. Это был огромный гладкошерстный черный пес. Он лежал, положив на лапы голову. Цепи нигде не было, но Орех заметил тонкую веревку, выходящую из дверцы и привязанную к верху конуры.

«Видно, собака беспокойная и веревка привязана затем, чтобы она не гремела по ночам цепью», — подумал Орех.

Обойдя конуру, кролики пустились на разведку. Сначала, сидя в укрытии в траве, они попытались оглядеться: нет ли поблизости кошек. Не увидев вблизи ни одной, они настолько осмелели, что перешли открытое место и даже остановились пощипать одуванчиков. Руководствуясь чутьем, Орех направился к сараю с навесом и покатой крышей. Дверь была полуоткрыта, и, не задерживаясь на кирпичном пороге, он вошел внутрь сарая.

Здесь на широкой деревянной полке стояла клетка с дверцей, затянутой проволочной сеткой. Через сетку он увидел коричневую миску, пучок зелени и уши двух или трех кроликов. Рядом с полкой стоял сноп соломы. Вспрыгнув на него, Орех легко перебрался на полку, старые и вытертые доски которой были покрыты мякиной и пылью. Горшочек уселся у порога, ожидая приказаний.

— Хлао-ру,— сказал ему Орех.— У тебя одна задача: наблюдай за кошками в оба глаза, а то мы можем попасть в беду!

— Слушаюсь, Орех-ра,— отвечал Горшочек.

Орех подошел к клетке. В одной из боковых стенок была дырка от сучка, и он увидел, как внутри морщится и двигается чей-то нос.

— Меня зовут Орех,— представился он.

Последовал ответ на немного странном, но вполне понятном кроликам языке:

— Меня зовут Самшит. Откуда ты пришел?

— С холмов. Я и мои друзья живем там как хотим, без людей. Мы едим траву и греемся на солнце.

— А нас здесь четверо. Два кролика и две крольчихи.

— А вас когда-нибудь отсюда выпускают?

— Очень редко! Девочка пускает нас в маленький загончик на траву.

— Наши кролики хотят, чтобы вы убежали с фермы и пришли к нам жить,— объявил Орех.

— Сзади у клетки есть дверь,— сказал Самшит.— Подойди сюда, здесь лучше разговаривать.

Дверь была сделана из проволоки и натянута на деревянную раму.

По ту сторону проволочной сетки стояли четыре кролика, прижимая к ней носы.

Орех попытался рассказать им о привольной и веселой жизни их диких собратьев на холмах и о той свободе, которой они пользуются.

Казалось, его рассказ одновременно очаровал и испугал домашних кроликов. Белая Кашка, сильная и энергичная ангорская крольчиха, была в восхищении от рассказа Ореха и без конца расспрашивала его о колонии. Очевидно, кролики в клетке считали свою жизнь на ферме скучной, но безопасной. Откуда-то они многое узнали про элилей и считали, что у диких кроликов жизнь недолгая.

Вскоре Орех с горечью убедился, что домашние кролики не способны ни принять какое-либо решение, ни выполнить его. Им никогда не приходилось действовать для того, чтобы обеспечить себе обед, или для того, чтобы сохранить свою жизнь, и они колебались.

Полизав отруби, рассыпанные на полке, Орех с минуту посидел, а затем сказал:

— Я уйду домой! Мы еще вернемся и не хуже вашего фермера откроем клетку.

Тут от дверей послышался взволнованный голос Горшочка:

— Орех, на двор выбежала кошка!

— Мы не боимся кошек, если встречаем их на поле! — гордо сказал Орех. Стараясь показать, что он не особенно торопится, он перешел сначала на сноп, а затем прыгнул на пол. В эту минуту Горшочек выглянул в щель. У него был очень испуганный вид.

— Боюсь, что она нас учуяла, Орех, — прошептал он.

— Тогда не стой на месте, — сказал Орех. — Иди за мной и, как только я рванусь с места, бросайся бежать во всю прыть!

Орех выбрался из сарая и застыл на пороге. Полосатая кошка с белой грудкой уверенно прогуливалась вдоль поленницы.

Заметив Ореха, она раздраженно забила о землю хвостом. Двор заливало солнце. Сильно пахло нагретой соломой и пылью.

— Уж не проголодались ли вы, — дерзко обратился Орех к кошке. — Неужели крысы стали умнее и не падаются вам в лапы?

Солнечный свет бил Ореху в глаза, и он присел, морщась. Кошка вытянула шею и прижалась к земле. За спиной Ореха нервничал Горшочек, и, не спуская с кошки глаз, Орех чувствовал, как тот дрожит.

— Не бойся, Хлао-ру, — прошептал Орех. — Пусть она первая на нас бросится. Сиди смирно! Я ее раздражаю!

Кошка яростно ударила по земле хвостом.

— Вы никуда не спешите? — дерзко и бесстрашно спросил ее Орех. — А ведь здесь чудесный ход на кухню, ваше лупоглазие, госпожа кухонная подлипала!

Внезапно одним прыжком кошка перескочила через двор, но кролики увернулись и ударились бежать, высоко выбрасывая задние лапы и сильно отталкиваясь ими от земли. Кошка неслась за ними с огромной скоростью, и хотя кролики хорошо подготовились к старту, они едва-едва успели выскочить за ограду.

Несясь вдоль длинного амбара, они слышали возбужденный лай собаки, метавшейся по двору, до отказа натянув веревку.

Орех и Горшочек промчались по тропинке к полю, спрятались под цветущей изгородью и посмотрели назад.

Кошка внезапно резко остановилась и принялась вылизывать лапу с подчеркнуто безразличным видом.

— Кошки страх как не любят оставаться в дураках! — пояснил Орех. — Теперь она за нами больше не побежит. Почему-то от кошек не следует убегать, а надо ждать, когда они на тебя бросятся. Хорошо, что ты ее вовремя заметил, Хлао-ру.

Орех и Горшочек вернулись в Соты только под вечер. Когда они остановились пощипать на поле траву, пошел дождь и поднялся холодный ветер. Им пришлось залечь в одном из амбаров, стоявших у дороги. Прислушиваясь, нет ли в нем крыс, они зарылись в кучу соломы и скоро заснули.

Проснувшись, Орех решил, что теперь некуда спешить. Возвращаться домой по мокрой траве было противно, и вдобавок он считал, что ни один уважающий себя кролик не покинет амбара, не попользовавшись тем, что в нем лежит. Надолго задержавшись возле кучи свеклы, Орех и Горшочек отправились домой только тогда, когда уже начало темнеть. Они не слишком спешили и пришли домой засветло, не испытав более никаких затруднений.

Попросив Горшочка хранить их приключения в тайне, Орех спустился в свою нору. Там никого не было, он улегся и через минуту заснул.

Проснувшись, он увидел рядом с собой Пятого. Земляной пол показался Ореху очень приятным, уютным и сухим, и он хотел было снова задремать, как вдруг услышал слова Пятого:

— Ты совсем промок, Орех!

— Ну и что? Разве для тебя новость, что трава мокрая?

— Нет, ты промок не на сильфлее. Ты вымок до костей! Где ты пропадал вчера целый день?

— Я ходил за продовольствием на ферму!

— Да, ты ходил полакомиться свеклой! Твои лапы пахнут двором усадьбы — отрубями и куриным пометом. Но тут еще что-то, чего мне пока не понять. Что случилось, скажи?

— Ну, у меня произошла стычка с кошкой.

— Ты от меня еще что-то скрываешь! Что-то очень опасное!

— Сейчас в опасности Остролист, а не я! Чего же беспокоиться обо мне?

— Остролист и его отряд уже вчера вечером прибыл в чужую колонию. Кихар принес об этом сведения. Разве ты этого не знаешь? — с удивлением спросил Пятый.

Орех почувствовал, что попался.

— Зато сейчас я об этом узнал, — ответил он. — И очень рад! Но больше я не стану от тебя ничего скрывать, дорогой Пятый! Мы с Горшочком ходили вчера в ту усадьбу, о которой нам рассказывал Кихар. Там есть кролики! Они сидят в клетке. Я их разыскал и побеседовал с ними. Мне хочется пойти туда еще раз и выпустить их на волю!

— Зачем?

— Там две крольчихи, вот зачем!

— К чему нам они? Если Остролист сумеет выполнить свое задание, скоро у нас будет много крольчих. Домашние кролики не привыкнут к жизни на свободе. Помоему, ты просто сейчас изо всех сил стараешься прыгнуть выше головы и стать умнее всех!

— Умнее всех? Да ты что?

— Нельзя рисковать жизнью друзей ради такой ерунды! — сказал Пятый. — Конечно, наши кролики всюду за тобой пойдут. Ты — Главный! Предполагается, что тебе доподлинно известно, что полезно для колонии!

— Ох, замолчи! Мне ужасно хочется спать! — прервал Пятого Орех.

На следующее утро во время снэппа Орех рассказал товарищам о своем походе на ферму. Лохмач пылко приветствовал предложение совершить дерзкий налет и освободить сидевших в клетке бедняг.

— Мне кажется, это дело не может сорваться! — сказал он. — Я, конечно, не умею открывать клетки, но Смородина уж что-нибудь придумает! Пока меня злит только одно — что ты удрал от кошки! Стоящий кролик должен в любое время справиться с кошкой! Однажды моя мать напала на кошку, и той кошке есть что припомнить: мать порвала ей шкуру, так что шерсть летела, как пух кипрейных семян! Беру на свое попечение всех кошек с этой фермы!

В отличие от Лохмача Смородину пришлось долго уговаривать. В конце концов он, в глубине души обиженный тем, что его не взяли в отряд Остролиста, согласился пойти вместе со всеми и подал целый ряд разумных советов.

— Разве непременно нужно идти на ферму большой компанией? — спросил он. — Ведь собака на привязи, и в усадьбе держат не больше трех кошек. Если кроликов будет много, то и хлопот будет немало: кто-нибудь непременно потеряется в темноте и придется тратить время на поиски.

— Что ж, в таком случае возьмем Одуванчика, Веронику и Хокбита, — сказал Лохмач. — Устроим наш налетик завтра, Орех?

— Чем раньше, тем лучше, — сказал Орех. — Жаль, что по вечерам уже темно, а то мы могли бы взять с собой Кихара. Вот бы он позабавился!

Под вечер Пятый снова завел речь о предстоящем налете.

— По-видимому, не стоит тебя отговаривать от этой экспедиции, — сказал он Ореху.

— Уж нет ли у тебя какого-нибудь скверного предчувствия? — обеспокоенно спросил Орех. — Если это так, говори начистоту!

— По правде говоря, что-то меня ужасно тревожит, и это касается тебя одного, Орех, только тебя, а не других. Мне кажется, что сейчас ты — совсем один, как сухой сук на фоне неба.

— Ну, если ты думаешь, что неприятности грозят одному мне, а не нашим товарищам, так скажи им, пусть они решают, что делать. Но учти, Пятый, я при этом много потеряю. Все подумают, что я струсил!

— Почему бы тебе не дожидаться возвращения Остролиста! Я прошу немногого: подожди пару дней!

— Ну уж нет! Пусть меня задавят силки, если я буду дожидаться Остролиста! Неужели ты не понимаешь, что мне хочется привести сюда крольчих именно до его прихода? Ну, хорошо! Я обещаю быть очень осторожным! Я не ступлю лапой даже на двор, а буду сидеть на тропинке перед фермой. Уж если ты даже теперь скажешь, что я не иду тебе навстречу, то я не знаю, что и делать!

Следующий день выдался на редкость сухим и солнечным. Задул свежий ветер и разогнал вчерашний туман. Орех увел Лохмача и Смородину на откос. Отсюда они могли осмотреть стоявшую на невысоком холме усадьбу. Он описал им подходы к ферме и сказал, где искать клетку с кроликами.

Лохмач был в восторге. Перспектива пережить инте-

ресные приключения и бодрящий ветер действовали на него возбуждающе.

В предвидении опасности он заставил Одуванчика, Хокбита и Веронику потренироваться и организовал учебный «бой с кошкой». Лохмач взял на себя роль кошки, а друзья должны были нападать на него. Игра в высокой траве развеселила даже Ореха, так что в конце концов он присоединился к компании и сначала сыграл роль атакующего кролика, а затем роль кошки, причем сверкал глазами и трепетал точь-в-точь как его полосатая знакомая с фермы Вязовая Роща.

— Если мы после всего этого не встретимся с кошкой, я буду горько разочарован, — заявил Одуванчик. Он поджидал своей очереди и готовился броситься на сухой буковый сук, изображавший кошку. — Я чувствую, что стал до жути опасным животным!

— Эх, мистер Одуван! Чем трепать языком, ты бы сперва повидал кошек! — вмешался Кихар, охотившийся поблизости на улиток. — Мистер Лохмач изволит шутить, бодрости ради. А кошка не шутка! Ее не видишь, ее не слышишь, и вдруг — прыг! — и она тут как тут!

— Но мы не собираемся разлечься на травке и устроить пикник! Мы будем настороже! — возразил Лохмач.

Орех и Лохмач решили, что налет должен начаться с наступлением темноты, когда на ферме все затихнет.

— Домашним кроликам будет мучительно трудно добираться до холма. Придется уж нам быть с ними бесконечно терпеливыми, — предупредил друзей Орех. — Нужно забрать их и немедленно идти в колонию, пока не рассвело, не робея перед элиями.

— Если нам придется совсем скверно, мы всегда можем бросить домашних кроликов и удрать. Элилы всегда хватают отставших, — сказал Лохмач. — Это, ясное дело, свинство, но в первую очередь будем спасать своих!

В сумерки кролики добрались до амбаров.

Две крысы, занявшие позиции у кучи свеклы, попробовали было на них оскалиться, но передумали и оставили в покое. Подкрепившись, кролики уютно устроились в соломе и просидели в амбаре до тех пор, пока закат не погас.

Кролики не знают названий звезд, но Орех знал, где восходит звезда, которую мы знаем как Капеллу. Он решил подождать до тех пор, пока она не засверкает

в северо-восточной части неба, справа от крыши дома. Когда Капелла дошла до намеченной им точки, Орех заставил товарищей подняться и повел их вверх по склону, по направлению к вязам, окружавшим усадьбу. У вершины он проскочил через изгородь и вывел всех на тропинку к ферме.

Далее Лохмач стал во главе отряда, а Орех спрятался под упавший сук, наблюдая за тем, как все прошли вслед за Лохмачом в глубину двора, и приготовился к долгому ожиданию. Ночь была темной, так что вскоре десантники исчезли из виду.

Одолевшая Лохмача охота действовать вскоре нашла себе применение. Повернув за угол, он нос к носу столкнулся с кошкой.

Это была, однако, не полосатая знакомая Ореха, а трехцветная особа женского пола, тощая подвижная кошка, из тех, что любят сидеть на подоконнике в дождливую погоду. Кошка обогнула амбар, увидела кроликов и застыла.

Лохмач яростно бросился ей наперерез, как если бы это была не кошка, а буковый сучок, на котором они повсюду проводили тренировку. Однако его опередил Одуванчик. Выскочив навстречу, он оцарапал кошку когтями и отпрыгнул назад. Когда кошка отскочила, Лохмач бросился на нее с другой стороны и придавил ее к земле всей тяжестью своего тела. Кусаясь, они сцепились и покатались по дорожке. Остальные кролики слышали, как Лохмач шипел не хуже самой кошки, пытаясь найти опору и встать на ноги. Затем они увидели, что его задняя лапа уперлась в бок кошке и нанесла несколько сильных ударов. Знатоки кошачьих повадок уверяют, что кошки не выдерживают прямого и решительного нападения.

Стремительность и ярость атаки ошеломили кошку. Она отнюдь не была слабосильной, но в лице Лохмача столкнулась с прирожденным бойцом. Едва ей удалось оторваться от Лохмача, как Вероника ударил ее передней лапой по морде. Раненая кошка обратилась в позорное бегство, проскочила двор и исчезла под забором.

Из трех длинных параллельных царапин на лапе Лохмача потекла кровь. Десантники принялись было на все лады расхваливать его, но он сердито оборвал их, оглядел темный двор и попытался установить, где они находятся.

— Где же сарай с клеткой? — спросил он. — Надо не зевать, пока собака спит!

Хокбит вскоре обнаружил стоявший в закоулке сарай. Вопреки всем опасениям Лохмача, дверь сарая оказалась открытой, и кролики один за другим проскользнули внутрь. В темноте клетки не было видно, но из угла шел запах кроликов и слышалась их возня.

— Пусть Смородина откроет клетку, а вы трое — глаз не спускать со двора! — приказал Лохмач.

Отыскав сноп соломы, Лохмач и Смородина взобрались по нему к клетке.

— Это ты пришел, Орех-ра? — окликнул их один из кроликов.

— Он нас прислал. Кто из вас хочет идти с нами? — спросил Лохмач.

Наступило молчание, затем в сене послышалась возня, и Белая Кашка закричала:

— Я хочу с вами! Выпустите меня!

Смородина подошел к проволочной двери. Обнюхав раму, он сделал несколько безуспешных попыток перегрызть кожаные петли у дверцы, а затем растерянно присел.

— Боюсь, что я не сумею открыть эту дверь! — огорченно сказал он. — Может быть, к ним можно по-другому подобраться?

В этот момент, став на задние лапы, Самшит положил передние на проволочную дверцу. При этом часть двери выступила наружу и верхняя кожаная петля растянулась. Смородина заметил, что петля слегка отошла от дерева.

— Попробуй-ка погрызть эту петлю! — сказал он Лохмачу.

Зацепив зубами кожаную петлю, Лохмач изо всех сил рванул ее, и кожа слегка треснула.

— Фрисом клянусь, получается! — сказал страшно довольный Смородина.

Петля была прибита на совесть и никак не поддавалась, так что кроликам пришлось основательно повозиться. Одуванчик нервничал и дважды подавал сигнал тревоги зря. Лохмач понял, что часовые тревожились за отсутствием настоящего дела. Поэтому он поменялся с Одуванчиком местами и велел Веронике сменить Смородину. Однако, несмотря на все усилия, кролики еще были далеки от успеха. Верхнюю петлю им удалось перегрызть,

зато нижняя упорно не поддавалась. Отдуваясь и тряся от нетерпения усами, Лохмач снова привел к клетке Смородину.

— Что делать? — спросил он. — Давай придумывай свои чудеса!

Смородина внимательно разглядел дверцу.

— Толкни-ка дверь с нашей стороны, Лохмач, да покрепче!

Лохмач, поднявшись на задних лапах, толкнул верхнюю часть дверцы, и рама легко повернулась. Лохмач едва не свалился внутрь клетки; испугавшись, он, фыркая, отскочил.

— Ты как будто требовал чудес! Вот тебе и чудо! — с удовлетворением сказал Смородина. — А ну, еще раз толкни, да не зевай: если дверь внезапно сдаст, ты упадешь.

Через минуту дверь висела уже на одном крючке. Белая Кашка толкнула ее изнутри и вылезла наружу, за ней выпрыгнул Самшит. Другие два обитателя клетки — Лавр и Копна Сена с опаской последовали за ними.

— Где Орех-ра? — спросил Лавр, тревожно оглядываясь.

— Он поджидает нас на тропинке, — сказал Смородина.

— А что такое тропинка?

— Как, вы и этого не знаете? — удивился Смородина, но одернул себя и замолчал, поняв, что кролики не знают не только тропинки, но даже и своего двора.

— Время не ждет! За мной! — принял на себя командование Лохмач.

— А куда? — робко осведомился Самшит.

— Конечно, прочь отсюда! — нетерпеливо и резко ответил Лохмач.

Домашние кролики испуганно переглянулись. Они боялись огромного сердитого кролика со странной копной меха на голове. Их встревожило, что от него пахло свежей кровью. Не зная, что от них требуется, они растерялись.

Когда Смородина понял, что они беспомощнее новорожденных крольчат, у него упало сердце. «Что делать? — подумал он. — Если предоставить их самим себе, они будут скакать по двору до тех пор, пока их не разорвут кошки. В одиночку они скорее долетят до Луны,

чем доберутся до холмов». Необходимо было заставить их думать о чем-то обыденном, что могло бы успокоить. Он повернулся к крольчихе по имени Белая Кашка.

— Не думаю, чтобы тебе когда-нибудь приходилось щипать ночью траву,— сказал он.— А ночью она гораздо вкуснее! Пойдем за травой.

— Я бы не прочь, если это безопасно! Но тут кошки!

«Ну, хоть в этом есть какая-то доля здравого смысла»,— подумал Смородина. Вслух же он сказал:

— Наш большой кролик с легкостью одолеет любую кошку!

— Но он больше не расположен драться с кошками! — весело прибавил Лохмач.— Но если вы в самом деле хотите поесть травы при лунном свете, идемте!

Ведя свой отряд по двору, Лохмач заметил у поленницы неясный силуэт побитой им кошки. Ее, как и всякую кошку, неотразимо притягивал вид кроликов, но, повидимому, у нее не хватало смелости для нового сражения, и она дала им спокойно перейти двор.

Лохмачу казалось, что они идут чудовищно медленно. Самшит и Кашка поняли, что нужно торопиться, и старались не отставать, но два других кролика, выпрыгнув во двор, уселись на землю и бессмысленно осматривались по сторонам. Они то моргали, то выкатывали глаза, не слушая ни уговоров Смородины, ни грозных окриков Лохмача.

В этот миг другая кошка, полосатая знакомая Ореха, обошла сарай за углом и бросилась к ним. Когда они проходили мимо конуры, внезапно проснулся пес, высунул морду, тоже увидел кроликов, кинулся вперед и громко залаял.

— Нечего рассиживать! — крикнул Лохмач.— Все за мной, вверх по тропинке!

Смородина, Вероника и Хокбит, подтолкнув Самшита и Кашку, пустились бежать в надежде спрятаться под амбар, а Одуванчик остался возле Копны Сена. Он умолял ее поторопиться, с тревогой ожидая, что его спина вот-вот ощутит остроту кошачьих когтей.

Лохмач подскочил к нему:

— Если не хочешь, чтоб тебя ухлопали, выбирайся один!

Лай собаки был пугающе громким, и сам Лохмач почувствовал, что его вот-вот охватит паника. Одуванчик, поколебавшись, оставил Копну Сена на дворе и помчался

по тропинке рядом с Лохмачом. Все остальные участники рейда уже собрались вокруг Ореха. Самшит и Кашка дрожали и, казалось, совсем выбились из сил. Орех попытался их успокоить, но, увидев появившегося из темноты Лохмача, замолчал.

— Все налицо! — сказал Лохмач. — Идем, что ли?

— А ведь в клетке было четыре кролика! — сказал Орех. — Где же остальные?

— Мы не могли с ними ничего поделывать! Там страшно залаяла собака, — сконфуженно сказал Смородина.

— Так вы их выпустили на свободу?

— Скоро они совсем освободятся, — сердито сказал Лохмач. — Там бегают две кошки!

— Зачем же вы их бросили?

— Они не хотели двигаться с места! Все у нас пошло шиворот-навыворот.

— А собака на привязи? — осведомился Орех.

— Собака-то на привязи! Но разве кролик может не растеряться, оказавшись в двух шагах от разъяренной собаки, хотя бы она и была на привязи!

Орех внезапно принял решение:

— Надеюсь, что в компании с Вероникой и Хокбитом ты сумеешь довести этих кроликов до колонии, Лохмач? На это уйдет почти вся ночь. А Одуванчик пойдет со мной! — объявил он.

— Куда же, Орех-ра? — спросил Одуванчик.

— Надо забрать и тех двоих! — сказал Орех. — Ты быстрее всех бегаешь, Одуванчик, так что не подвергаешься особой опасности. Лохмач, будь другом! Веди отряд в колонию!

Не успел Лохмач ответить, как Орех скрылся под вязами. Одуванчик остался на месте, неуверенно поглядывая на Лохмача.

— Будешь ты наконец слушаться? — грозно спросил его Лохмач.

— А ты сам чего не слушаешься? — дерзко ответил Одуванчик.

Лохмач понял, что если он не выполнит приказания Ореха, то наступит полная неразбериха. Пробормотав что-то о том, что Орех стал в последнее время слишком умен, Лохмач дал по физиономии Хокбиту, который не вовремя принялся жевать листья лопуха, и повел своих пятерых кроликов вниз по склону. Одуванчик же бросился за Орехом во двор усадьбы.

Продвигаясь вдоль амбара, он услышал, как Орех уговаривает Копну Сена. Она и Лавр сидели, замерев, на том же самом месте. Собака вернулась в свою конуру, но была настороже. Одуванчик осторожно вылез из тени на свет и подошел к Ореху.

— Я тут беседую с Копной Сена,— сказал Орех.— Пытаюсь объяснить ей, что идти недалеко. Не попробуешь ли ты уговорить Лавра?

Он говорил веселым голосом, но Одуванчик заметил, что у него слегка дрожат передние лапы.

Внезапно Одуванчик увидел что-то страшное. В темном ночном воздухе появился сияющий свет. Где-то вдалеке пронесся странный дрожащий звук. Он оглянулся, ища глазами кошек, и увидел, что обе они сидят, изогнув спины, перед домом. Помня удары Лохмача, они не собирались приближаться, но, однако, и не уходили прочь. Глядя на них, Одуванчик почувствовал, что его охватывает ужас.

— Орех! Здесь кошки! Великий Фрис! У них глаза светятся зеленым светом! — прошептал он.

Тем временем странный вибрирующий звук, постепенно нарастая, заглушил собой шелест ночного ветра. Все четыре кролика застыли в резком ослепляющем свете, пролившемся на них золотым ливнем. Этот пугающий свет приглушил все их природные инстинкты. Одуванчик попытался было бежать, но не смог. Ужасный свет проникал, казалось, в самый его мозг!

Автомобиль с зажженными фарами появился на дорожке, проехал еще несколько метров и остановился.

— Смотри, кролики нашей Люси удрали!

Человеческие голоса шли откуда-то из-за источника чудовищно яркого света. Они привели Ореха в чувство. Он ничего не видел, но осознал, что ни слух, ни обоняние ему пока не изменили. Он закрыл глаза и сразу же понял, где находится.

— Одуванчик, Копна Сена! Закройте глаза и бегом за мной! — скомандовал он, пустившись бежать в сторону амбара. Через минуту его нос учуял запах лишайников и холодную влагу камней.

Кролики были уже под амбаром: Одуванчик — совсем рядом, а немного подальше — Копна Сена. Возле амбара раздался скрип подошв.

— Вот он! Заходи сзади!

Орех придвинулся к Копне Сена:

СМОТРИ-КА,
КРОЛИКИ
НАШЕЙ ЛЮСИ
УДРАЛИ!

ЗАКРОЙТЕ
ГЛАЗА И БЕГОМ
ЗА МНОЙ!

— Боюсь, что нам придется бросить Лавра. За мной!

Пробираясь под высоким настилом пола, они поползли к месту, где росли вязы. Голоса людей остались позади. Выйдя в траву у тропинки, куда не попадал свет фар, кролики учуяли удушливый запах отработанного газа. Копна Сена снова уселась на землю и не поддавалась уговорам двинуться в путь.

— Может быть, все-таки оставим ее, Орех-ра? — спросил Одуванчик. — Люди не причинят ей вреда! Они поймали Лавра и не обидели его, а отнесли обратно в клетку!

— Если бы это был кролик, я бы не спорил! — сказал Орех. — Но это крольчиха!

Вскоре кролики почувствовали запах горящих белых палочек и услышали голоса обоих возвратившихся во двор мужчин. Люди, нагнувшись, начали копать в машине. Послышался резкий звук металла. Это, казалось, пробудило Копну Сена.

— Я не хочу назад в клетку! — сказала она.

— Правда? — спросил Одуванчик. Она прижалась к его плечу носом.

Одуванчик двинулся в сторону изгороди и перелез ее, но, добравшись до лежащей за изгородью канавы, понял, что находится не на той тропинке, по которой они пришли. Это была совершенно незнакомая канава! Однако, казалось, нечего было тревожиться, канава шла вниз по склону и вела к колонии. Ожидая, что Орех к ним вскоре присоединится, Одуванчик медленно затрусил по канаве.

Вдруг Орех услышал, как люди отошли от хрудудилия. Вслед за Одуванчиком он прыгнул в канаву. Тут на него упал свет фонарика, и люди увидели его красные глаза и белый хвост.

— Ой, смотри, вон там дикий кролик!

— Ага, значит, и наши недалеко!

Орех нагнал Одуванчика и Копну Сена в канаве под кустом куманики.

— Выбирайтесь как можно скорее! Люди идут за нами! — шепнул он.

— Мы не можем выбраться! Дальше канава зарыта!

Орех понюхал землю. Сразу за кустами куманики канава была заброшена землей и мусором. Из нее не было выхода!

Тем временем люди уже подошли так близко, что по живой изгороди бегали зайчики электрического фона-

рика. В нескольких метрах от того места, где укрылись кролики, затряслась под тяжелыми шагами земля. Орех повернулся к Одуванчику.

— Слушай и повинуйся! Я сейчас побегу через поле! Пусть люди на меня полюбуются! Они попытаются ослепить меня своим светом. Тем временем вы с Копной выбираетесь из этой канавы! Затем несетесь прямо к амбару со свеклой! Прячьтесь там и ждите меня!

Для споров времени не было. Орех выскочил из канавы и помчался через поле.

— Вон он! Ату его!

— Ослепи его!

Одуванчик и Копна Сена вползли на гребень канавы и прыгнули на тропинку. Гонимый неумолимым лучом света, Орех почти добежал до поля, но внезапно почувствовал сильный удар по задней лапе и острую боль в боку. Сделав длинный прыжок, он упал в куст жгучей крапивы на дне канавы. Жаль, что он не догадался, что у людей было ружье! Он прополз по зарослям крапивы, волоча за собой раненую лапу. Через минуту рядом с ним появятся люди с фонарями и заберут его! Чувствуя, что кровь заливает лапу, он споткнулся о какую-то стенку. Одной стороны его носа коснулось дыхание ветра, и до него донесся запах земли и гниющих листьев. Возле самого его уха раздалось глухое эхо падающей воды. Значит, он дополз до отверстия какого-то водостока! Перед ним открылся гладкий холодный туннель, немногим более узкий, чем кроличий ход, но все же достаточно широкий. Опустив уши и прижавшись животом к мокрой кирпичной поверхности, он пролез в отверстие, толкая перед собой небольшую кучку жидкой грязи. Услышав, что топающие шаги приближаются, он замер и затаил дыхание.

— Уж не промазал ли ты, Джон!

— Я врезал ему как надо. Будь спокоен! Гляди, сколько кровищи!

— Это еще ничего не значит. Он, хоть и ранен, может, уже до самого леса допер!

— Нет, он в крапиве! Хотя... что за черт! Куда он подевался?

— К дьяволу его! Не шляться же нам за ним всю ночь! Не надо было соваться с выстрелами, Джон! Теперь кролики перетрухнули и упрятались. Раненого пощем завтра!

Снова наступила тишина, а Орех все лежал и лежал

в холодном туннеле, слушая нескончаемый шепот воды. Ледяная усталость сковала его, и, чувствуя, что раненую лапу сводит судорога, он впал в дремотное оцепенение. Через некоторое время из отверстия водостока показалась струйка крови, тяжелыми каплями закапавшая в пустую канаву, на дне которой четко отпечатались глубокие следы грубых сапог.

* * *

Когда поблизости прозвучал выстрел, Лохмач, лежащий на соломе, подпрыгнул и приготовился бежать, но сразу же одернул себя и набросился на подчиненных:

— Не бежать! Здесь нет ни ходов, ни нор!

— Надо бежать подалее от ружья! — проговорил Смородина, у которого выкатились от страха глаза.

— Стойте! — сказал Лохмач, прислушиваясь. — Кто-то из наших бежит вниз по дорожке! Слышите?

— Я слышу, что бегут два кролика, — сказал Смородина, помолчав, — при этом у одного силы на исходе.

Все переглянулись и затихли. Лохмач снова встал.

— Оставайтесь на месте, я приведу их!

На откосе он встретил Одуванчика. Тот уговаривал прихрамывающую Копну Сена.

— Ради Фриса! — вскричал Лохмач. — Где Орех?

— Люди застрелили его! — простонал Одуванчик.

Лохмач привел Одуванчика и Копну Сена в сарай, и Одуванчик повторил:

— Люди застрелили Ореха! Они схватили Лавра и сунули его назад в клетку, а затем пришли за нами. Мы забрели в канаву, из которой не было выхода. Орех выбежал наверх, чтобы отвлечь от нас внимание людей и дать нам уйти! Никто из нас не догадывался, что у людей есть ружье!

— А ты уверен, что Орех убит? — спросил Вероника.

— Я не видел, чтобы в него попали, но в него стреляли!

— Надо все-таки его подождать! — решил Лохмач.

Они долго ждали. Наконец Одуванчик и Лохмач осторожно вылезли на тропинку. Они дошли до канавы, увидели, что земля на ее дне растоптана сапогами и залита кровью, и вернулись.

Путь домой занял несколько тяжелых часов. Три домашних кролика едва ползли и тяжело хромали. Все участники похода отупели от волнения и горя. Когда они наконец добрались до подножия холма, Лохмач

велел Смородине, Веронике и Хокбиту идти в колонию и остался с тремя домашними кроликами на поле, чтобы дать им передохнуть. Ведя свой маленький отряд, Смородина с первыми лучами зари приблизился к лесу, и вдруг какой-то кролик бросился им навстречу по мокрой траве. Это был Пятый. Смородина остановился, а остальные в молчании пошли дальше.

— Пятый,— сказал Смородина.— У нас плохие вести. Беда!

— Я знаю,— перебил Пятый.— Я все знаю!

— Откуда ты это знаешь? — спросил удивленный Смородина.

— Когда вы шли сюда по траве, я увидел, что за вами идет еще один кролик,— тихо сказал Пятый.— Он хромал и с ног до головы был покрыт кровью. Я подбежал, чтобы узнать, кто это, и тут оказалось, что вас только трое и вы идете одной шеренгой.

Он остановился и посмотрел вниз на поле, как будто все еще искал глазами истекающего кровью кролика, растаявшего в утреннем тумане.

Новых кроликов ожидала грустная встреча! Даже Колокольчик не вымолвил ни одного веселого слова. Одуванчик был безутешен, вспоминая, что он не сумел удержать Ореха. Собрание закончилось мрачным молчанием.

В тот же день охромевший Остролист во главе своего отряда вернулся в колонию. Из его товарищей только Серебристый не был ранен и держался бодро. У Крушины была рана на морде, а Земляника весь дрожал и был предельно истощен. Послы не привели с собой ни одной крольчихи.

* * *

Пятый неподвижно лежал на земляном полу своей норы, а снаружи на холмах царил жаркий и светлый полдень. Промокшие от росы паутинки быстро высохли, и веселые зяблики рано замолкли. Жаркий воздух, казалось, колыхался над пустынными просторами, поросшими жесткой, как проволока, травой. Слышалось только неумолчное стрекотание кузнечиков, да сильно пахло разогретым тимьяном.

Пятый задремал, но проснулся в жаркий полдень от мучительных сновидений. Вся влага в норе испарилась, и струйки сухой земли падали на него с потолка. Про-

сыпаясь, он вспомнил, что Орех погиб, и снова увидел, как призрачная тень хромого кролика исчезает в первых лучах утреннего солнца. Где же сейчас этот кролик? Пятый попытался мысленно последовать за ним в утонувшее в предрассветном тумане поле...

* * *

Туман клубился вокруг Пятого, но он упорно пробирался сквозь заросли крапивы и чертополоха. Вдруг шедший впереди кролик исчез. Пятый остался один. Он испугался, но тотчас же услышал знакомые с детства полевые запахи и звуки. В этих краях он появился на свет! Бурное цветение лета уже отошло, и Пятый шел под голыми ветками ясеня. Пятый перешел ручей и двинулся по дорожке вверх, туда, где они с Орехом видели доску с объявлением. «Здесь ли еще она?» — подумал он. Он робко поднял глаза. За туманом ничего не было видно. Вдруг Пятый заметил на холме человека, державшего в руках лопату, веревку и что-то еще, меньшее по размерам, назначение чего было ему непонятно. Доска с объявлением лежала на земле, но она, казалось, стала гораздо меньше, чем это помнилось Пятому, и к ней сейчас была прибита длинная четырехгранная палка. Белая поверхность была покрыта острыми черными палочками. Пятый взобрался на холм и остановился у самых ног человека. Тот, нагнувшись, заглядывал в глубину темной узкой ямы. Человек повернул к Пятому голову.

«Что я делаю, как ты думаешь, а?» — спросил он. «Что вы делаете?» — дрожа от страха, переспросил Пятый. «Я собираюсь поставить здесь эту доску, — сказал человек. — Ты, конечно, не прочь узнать, что это?» — «Да», — прошептал Пятый. «А это для вашего чертова Ореха, — объяснил человек. — Нам нужно вывесить о нем объявление. А что в этом объявлении говорится, как ты думаешь?» — «Не знаю! Разве доски могут говорить?» — спросил Пятый. «А что, нет? То-то и выходит, что мы знаем больше вашего. Вот мы и убиваем вас, когда нам придет охота. Ну-ка, глянь на эту доску, может, и впрямь будешь знать побольше!»

Пятый смотрел и смотрел на доску, расплывающуюся перед его глазами в туманных сумерках, и вдруг черные палочки на ее поверхности заплясали, подняв острые клиновидные головки. Они затрещали на разные голоса, как сидящие в гнезде молодые ласки. Их издевательский

хохот доносился до него издалека, как будто его уши вдруг забило песком. А палочки кричали: «В память об Орехе-ра! В память об Орехе-ра! Ха-ха-ха!»

«Ну, теперь ты понял? — спросил Пятого человек. — Надо только вбить этот кол в землю, и я повешу на нем твоего Ореха! Как вешают дохлую сороку или старого горностая!» — «Не делайте этого! Не надо!» — закричал Пятый. «Все бы ладно, да вот нет его у меня, — перебил его человек. — Он забрался в эту чертову дыру! Забрался, когда я уже все подготовил!»

Пятый подполз к самым сапогам и заглянул в дыру или, может быть, яму. Она была совсем круглой! Это был цилиндр из кирпичей, уходящий в глубь земли. Пятый позвал: «Орех!» Где-то в глубине что-то зашевелилось! Он хотел было закричать, но человек ударил его по голове, прямо между ушами!..

Проснувшись, Пятый забарахтался в густой куче рыхлой, как пудра, земли. Он услышал чей-то голос:

— Стоп, Пятый, не бейся!

Он уселся на землю. Глаза, уши и ноздри его были так сильно забиты песком, что он потерял на время обоняние. Он отряхнулся и спросил:

— Кто тут?

— Это я, Смородина! На тебя упала часть кровли, вот и все. Сегодня по всей колонии падает с потолка земля, это от ужасной жары! У тебя, наверное, был кошмар. Ты бился и звал Ореха! Горе наше велико, но надо постараться перенести его!

— Скажи: уже вечер? — спросил Пятый.

— Пока еще до него не близко, но уже далеко после ни-Фриса. Отряд Остролиста вернулся! Земляника пришел чуть живой, и они не привели ни одной крольчихи!

— Скажи, Смородина, ты помнишь то место, где застрелили Ореха?

— Помню, конечно! Мы с Лохмачом перед уходом еще раз осмотрели эту канаву!

— Не мог бы ты меня туда проводить?

— Да ведь это далеко, Пятый! Сейчас такая жара! Потом, ты почувствуешь себя еще более несчастным.

— Орех жив! — уверенно сказал Пятый.

— Ошибаешься! Я видел кровь в канаве.

— Но ты не видел его мертвым! Ты должен выполнить мою просьбу, Смородина!

— Ты слишком многого просишь!

— В таком случае я пойду один!

Смородина без особой охоты поддался на уговоры Пятого, и они пошли вниз по склону. Пятый скакал с такой скоростью, как будто несся в укрытие. Под сверкающими лучами солнца поля были совершенно пустыни, и все живое размером крупнее мухи попряталось от жары. Когда они дошли до амбаров, Пятый сказал:

— Здесь, кажется, нужно подняться на маленький холм! Ты покажи мне эту канаву!

Смородина привел Пятого туда, где склонились полумертвые и потоптанные кусты крапивы, и Пятый уселся в канаве, нюхая воздух и молчаливо осматриваясь. Смородина с безутешным видом, сочувственно глядя на Пятого, уселся рядом. По полю пробежал легкий ветерок, запел черный дрозд на вершине вяза. Наконец Пятый поднялся и поскакал по дну канавы. Насекомые роями вились вокруг его ушей, но он уверенно двигался вперед и вдруг увидел перед собой облачко мух, поднявшихся с выступающего из земли камня. Нет, это был не камень, слишком гладок и правилен он был! Это был край кирпичной трубы! На красно-коричневом отверстии водостока была отчетливо видна тонкая струйка подсохшей крови — и это была кровь кролика.

— Чертова дыра! — прошептал Пятый. — Вот она!

Он заглянул в темное отверстие. В глубине лежал кролик! Пятый сразу определил это по запаху. Он услышал слабое биение кроличьего сердца — в пустой трубе водостока его усиливало гулкое эхо.

— Орех, это ты? — крикнул Пятый. — Орех жив! Он тут! В трубе!

4+4+2. *Рассказ Остролиста и спасение Ореха*

Лохмач и Остролист созвали в Сотах собрание. Уже стало очевидно, что Орех не зря рисковал своей жизнью. (Может быть, он даже пожертвовал ею, кто знает!) Налет на ферму оказался отнюдь не глупой шуткой. Все-таки Орех добыл двух крольчих! Разумеется, они

неловко чувствовали себя в новых для них условиях и им было неуютно. На собрании не было Главного Кролика, Земляника был болен, а Смородину и Пятого нигде не смогли найти.

— Оставим их в покое,— сказал Лохмач.— Бедняга Пятый, ему лучше всего побыть сейчас одному!

— А в норе его тоже нет,— добавил Желудь.

— Не беда! — сказал вслух Лохмач. Однако мысль о том, куда подевались Смородина и Пятый, не давала ему покоя. Неужели они в самом деле ушли из колонии, ни с кем не посоветовавшись?

Тут Остролист начал свой рассказ, и Лохмач прислушался.

— Я расскажу вам, как получилось, что мы четверо вернулись домой без крольчих,— начал Остролист.— В то утро, когда мы пустились в путь, дорога привела нас к полоске жидкого леса. Странные леса на этих холмистых равнинах! Этот лес был не гуще нашей буковой рощи, и в нем все было видно на далекое расстояние. В нем проделаны совершенно прямые длинные ходы. Не люблю я этих ходов: их делают люди! Кихар вскоре заметил нас и посоветовал слегка изменить направление. Он сказал, что мы уже прошли половину расстояния. Идти по сырой траве было нелегко, но я рассчитал, что к вечеру мы должны уже быть на месте. Я осматривал дорогу, когда ко мне подошел какой-то заяц. Я спросил его, не знает ли он, где тут находится большая колония кроликов.

«Эфрафа? — спросил он.— Неужели вы идете в Эфрафу?» — «Может быть, если она так зовется», — сказал я. «А вы знаете, что это за колония?» — «Нет, не знаем, но хотим знать, где она!» — «В таком случае мой совет вам: берите ноги в руки — и давайте драла!» — сказал заяц и убежал.

Я раздумывал, что бы это могло значить, когда вдруг на откосе перед нами выросли три кролика в боевом строю. Один из них сказал: «Покажите ваши метки!» — «Какие метки? Я ничего не понимаю», — сказал я. «Значит, вы не из Эфрафы?» — «Мы не из Эфрафы, но мы туда идем». — «Следуйте за нами», — приказал он. Заметьте, он не спросил, издалека ли мы идем, не промокли ли мы, или что-нибудь в этом роде, как спросил бы любой нормальный кролик. Чужие солдаты повели нас вниз по склону, и вскоре мы пришли в Эфрафу. Это

огромная колония, гораздо больше нашей прежней. Все норы замаскированы, и солдаты Ауслы командуют всеми кроликами. В их колонии никто не может распоряжаться собственной жизнью. Взамен они получают относительную безопасность и охрану, если только стоит за них платить такой страшной ценой. Кроме Ауслы у них имеется так называемый Сенат, и каждый член Сената имеет свои обязанности. Один отвечает за корм, другой — за маскировку, третий — за производство потомства.

Рядовые кролики не имеют права находиться вне нор в неположенное время. Пастись наверху одновременно всему стаду не разрешается, и все кормятся по очереди. Едва только рождается кролик, на нем ставят метку! Я их видел: это шрамы от глубокого укуса! Их ставят под подбородком, на бедре и на передней лапе. Кролики имеют право водить компанию только с кроликами этой же метки.

— А кто же им может помешать дружить с кем вздумается? — прорычал Лохмач.

— Стража Ауслы — вот кто! Вы и представить себе не можете, какие там строгости! Главным у них кролик по имени Зверобой. Они зовут его генералом. Он руководит капитанами, каждому из которых поручена группа кроликов с определенной меткой. Если солдаты встречают наверху кого-нибудь в неположенное время, они требуют, чтобы нарушитель предъявил свою метку. Фрис один ведает, что происходит, если бедняга не может объяснить, почему он оказался наверху.

У них кролики по целым дням не видят света Фриса! Если почему-нибудь группа какой-либо метки не может пойти на сельфлей, ну, например, если поблизости работает человек, — это ужасно, но они не смеют выйти на пастбище и сидят без пищи! Бедняги не могут ничего сделать без приказа. Солдаты Ауслы у них чрезвычайно сильны и свирепы. Они по очереди несут дежурство в Большом Патруле — так у них называется обход окрестностей дозором. Патруль имеет двойное назначение: он занимается осмотром окрестностей и в то же время часовые Ауслы проходят в отряде школу выносливости, ловкости и хитрости. Если они при обходе встречают хлессилей, то они обязаны захватить их и привести в Эфрафу. Тех, кто оказывает им сопротивление, убивают!

— Значит, патруль прозевал вас, когда вы шли вблизи колонии? — спросил Колокольчик.

— Ни в коей мере! Едва заметив нас, капитан Большого Патруля Горицвет послал гонца-скарахода с известием о том, что они нас обнаружили. Захватив нас, этот Горицвет привел нас к канаве, в которой была развалившаяся кирпичная труба,— это и есть вход в их колонию. Здесь Горицвет передал нас другому офицеру, Кервелю. Нас отвели в большую нору и велели устраиваться. В норе было множество кроликов. Слушая их и задавая им вопросы, я многое разузнал. Мне удалось подружиться с одной крольчихой по имени Хайзентли — Блеск Росы. Она рассказала нам об Эфрафе страшные вещи. Кролики у них иногда доживают до глубокой старости, если их раньше не убьют солдаты Ауслы. В колонии такое множество жителей, что она не в состоянии всех вместить. Тем не менее новые норы рыть запрещено. Большую часть жизни эфрафаны проводят под землей, а это очень вредно. Почему-то у них много крольчих и мало кроликов. Из-за скученности и скверных условий крольчихи не приносят новых выводков, однако им не разрешают также и уйти! Когда несколько дней тому назад Хайзентли с подругами обратилась к Сенату с просьбой разрешить им основать новую колонию в отдаленном месте, Сенат даже не пожелал их выслушать. Затем Хайзентли испугалась, что наш разговор могут подслушать, и замолчала.

Вскоре нас привели на заседание Сената. Пока там разбирали какое-то дело, нас оставили дожидаться у входа. Тут я понял, что мы были для них не почетными послами, а просто задержанными неизвестными! С нами вместе ждал своей очереди еще один кролик, которого сторожили полицейские. Полицию они называют Ауслафа. Казалось, несчастный узник с ума сойдет от страха! Я осведомился, в чем его вина, и один из полицейских сказал, что этот Блэкавар пытался бежать из колонии. Вскоре его ввели в нору Сената, и мы слышали, как он пытается объяснить что-то, а потом рыдает и молит о пощаде. Однако, видимо, его мольбы не помогли ему, потому что, когда его оттуда вывели, оба его уха были разорваны в клочки. Мы были потрясены ужасным наказанием и сочувственно его обнюхали, а полицейский сказал: «Нечего с ним нянчиться! Ему повезло, что его оставили в живых!»

Не успели мы еще всего этого переварить, как нас вызвали в нору Сената и подвели к генералу Зверобою.

Надо вам сказать, что это собеседник, с которым жутко иметь дело! Вряд ли даже ты, Лохмач, сумеешь с ним справиться. Он величиной почти с зайца, и в нем есть что-то дикое, внушающее ужас. Видно, что кровь, сражения и убийства для него будничная работа! Я думал, что он начнет нас расспрашивать, откуда мы и с каким делом пришли в Эфрафу, но он сказал: «Я познакомлю вас с правилами поведения в нашей колонии. Слушать меня внимательно! Нарушивший эти правила будет строго наказан».

Я было возразил, что здесь произошла какая-то ошибка: мы представляем собой посольство дружественной колонии и просим разрешения уговорить часть крольчих отправиться с нами. Генерал заявил, что об этом не может быть и речи. Я сказал, что мы хотели бы остаться у них на пару дней, чтобы подождать, не переменят ли они свое решение. Я прибавил, чтоб они не забывали, что мы их гости и являемся представителями другой, хотя и более маленькой, колонии, но внезапно с ужасом понял, что мы для них только арестанты, пленники или еще что-нибудь в этом роде, как бы они это ни называли.

Генерал Зверобой объявил, что наш капитан — Бурачник и что мы причислены к группе «Метки на правом боку», и стража увела нас. Наверное, в тот день капитан Бурачник был очень занят, да и я старался не попадаться ему на глаза, боясь, что он начнет нас сразу метить. По нашим нормам все их норы переполнены, и у них легко остаться незамеченным, так как их кролики очень мало знают друг друга. Мы нашли себе место в одной из нор и попытались уснуть, но ночью нас разбудили и выгнали на сильфлей. Я надеялся, что нам представится возможность убежать, но куда бы я ни пошел, повсюду встречал часовых.

Мы держались в стороне, и нас никто не знал в лицо. У меня вдруг зародился план спасения. Он был довольно рискованным, но мог легко удалиться по той простой причине, что в Эфрафе любой кролик привык повиноваться и не смеет задавать вопросов.

Я понаблюдал за капитаном Бурачником. Он показался мне славным парнем, добросовестным, но слабохарактерным и страшно замученным бременем непосильных дел.

Следующей ночью, когда нас снова выгнали на сильфлей, было так темно, что хоть глаза выколи, и шел дождь, но такие мелочи в Эфрафе мало кого волнуют.

Всякий рад тому, что можно выползти наверх и немного попасться. Все кролики строем вышли наружу, а мы остались позади. Капитан Бурачник стоял на откосе с двумя часовыми. Серебристый и другие мои кролики пошли вперед, а я подбежал к Бурачнику, задыхаясь, как будто бы прибежал издалека, и спросил: «Вы — капитан Бурачник? Вас немедленно требуют в Сенат!» — «Зачем?» — спросил он. «Там вам скажут! — отвечал я. — На вашем месте я не заставлял бы членов Сената ждать». — «Но ты не скороход Сената! Кто ты? Какой метки?» — спросил он. «Я не обязан отвечать на ваши вопросы, — заявил я. — Значит, мне доложить, что вы отказываетесь явиться в Сенат?»

Он заколебался, а я сделал вид, что ухожу. Тогда он вдруг поспешно закричал: «Хорошо, я иду! Иду!» И у него, бедняги, был ужасно испуганный вид. «Но кто примет на себя команду во время моей отлучки?» — «Командовать буду я! Таков приказ!»

Он поспешно ускакал, а я обернулся к часовым и сказал: «Стойте здесь, да смотрите у меня, не зевать! Я обойду всех часовых!»

Тут мы все четверо скрылись в темноте и, конечно, через малое время налетели на двух патрульных, которые пытались было нас остановить, но мы все разом бросились на них. Нас было вдвое больше, но они дрались как сумасшедшие, и один из них порвал Крушине нос. В конце концов мы от них отбились и стрелой помчались через поле. Была такая тьма и шел такой дождь, что мы не видели, куда бежим.

Погоня за нами задержалась оттого, что бедняги Бурачника не было на месте и некому было подавать команду. Однако вскоре за спиной у нас послышался топот преследователей. Могу вам сказать, что Аусла в Эфрафе — нешуточная вещь. Туда берут за рост и силу. Аусла отлично владеет искусством передвигаться в темноте и под дождем. Они так боятся своего Сената, что больше не страшатся уже ничего на свете.

Вскоре я понял, что мы попались. Посланные за нами патрульные уже наступали нам на пятки. Я собирался отдать приказ повернуться и принять бой, как внезапно у нас перед глазами вырос крутой откос. Он был круче нашего холма и выше рябинового дерева. Его наверняка сделали люди. Мы полезли вверх по откосу. Забравшись наверх, мы заметили, что вершина откоса покрыта песком

ГОСПОДИН ФРИС
ПРИСЛАЛ НА ПОМОЩЬ СВОЕГО
ВЕЛИКОГО ПОСЛА, И ОН
СПАС НАС!

и гравием, рассыпавшимся при каждом нашем прыжке. Затем под лапами у нас заскрипели широкие плоские куски дерева с накрепко прикрепленными к ним длинными металлическими стержнями. Эти стержни гудели! Не успел я мысленно сказать себе: «Вот уж это точно дело рук человека», как свалился по другую сторону откоса. В темноте я не разобрал, что на вершине была только узкая полоса земли! Я несколько раз перевернулся через голову и влетел в куст бузины, где и застрял.

Остролист замолчал, как будто припоминая все, что с ними случилось. Затем он сказал:

— Очень трудно описать, что произошло потом, но я расскажу вам чистую правду: господин Фрис прислал на помощь своего Великого Посла и он спас нас! Мы все четверо упали невдалеке друг от друга. Дальше всех укатился Крушина. Его ослепила кровь, заливавшая глаза. Я с трудом поднялся на ноги, чтобы встретить патрульных лицом к лицу. И тогда какая-то тень (не знаю, как вам ее описать, размером она больше тысячи хрудудилей) с огромной скоростью выскочила из темноты! От нее шел дым, и огонь, и свет, и она так редела, колотя по металлическим стержням, что земля вокруг тряслась. Она пролетела между нами и патрульными, как тысяча ураганов вместе с молниями. Не знаю, что случилось с кроликами из Эфрафы. Либо они бежали, либо это чудовище их раздавило! И вдруг вмиг эта тень исчезла, и мы слышали, как она постепенно удаляется и — тук-тук-тук, тук-тук-тук — исчезает вдаль.

Мы долго не могли сдвинуться с места от страха. Затем мы обнаружили у подножия откоса туннель; он прорезал насыпь насквозь. Мы пошли по туннелю и вскоре вылезли в том месте, где полчаса назад поднялись на откос. Затем мы долго прыгали по полям, и я наконец понял, что мы далеко ушли от Эфрафы.

Идти пришлось без отдыха. Подходя к холмам, я хромал и был почти в полубреду. Но даже мне легче, чем бедному Землянике. Хотя он не жалуется, нам обоим понадобится длительный отдых, а Крушина получил уже вторую серьезную рану. Но хуже всего то, что мы потеряли Ореха!

На вечернем сльфе, медленно щипля траву, кролики тихо продвигались по освещенному солнцем лугу. Невдалеке от стада Лохмач упорно всматривался в даль, и Остролист тоже поглядывал в ту сторону.

— Что ты там высматриваешь? — спросил он.

— Ну вот, Смородина возвращается! — со вздохом облегчения сказал Лохмач.

Смородина большими скачками спустился с холма от линии горизонта. Видно было, что он устал, но, заметив кроликов, поскакал быстрее. Он подошел к Лохмачу.

— Где же ты был? И где Пятый? — спросил Лохмач.

— Пятый с Орехом, и Орех жив! — воскликнул Смородина, радуясь произведенному эффекту. — Орех ранен — не знаю, насколько тяжело, но знаю, что он не умрет!

— Ты не надуваешь нас? — взволнованно спросил Лохмач.

— Нисколько! — ответил Смородина. — Орех лежит сейчас у подножия холма, в канаве, там, где вы сидели в ту ночь, когда встретили Остролиста!

— Вот самая чудная новость, которую я когда-либо слышал! — вскричал Остролист. — А нет ли тут ошибки, Смородина?

— Никакой ошибки! Ореха отыскал Пятый! Мы с ним прошли почти до самой фермы. Он нашел Ореха под землей в водосточной трубе. Нам пришлось его оттуда вытаскивать за здоровую заднюю лапу.

— Но как же Пятый догадался, что Орех еще жив?

— Спросите у него самого! Когда мы вытащили Ореха, Пятый осмотрел его раны. У Ореха скверная рана на задней лапе, хотя кость цела. Бок у него весь разорван. Мы, как сумели, вылизали раны и потащили его домой. Можете себе представить наше положение: яркий день, полная тишина и с нами хромым кролик, от которого на целую милю разит свежей кровью! Я страшно нервничал, но Пятый был спокоен, как бабочка на камушке! Он терпеливо сидел на траве и поглаживал себе уши. С этого дня я бы поверил ему, утверждай он даже, что мы способны охотиться на лисиц! К сожалению, Орех не может взобраться на холм!

Наступило молчание. Лохмач и Остролист долго переваривали новость. Наконец Лохмач спросил:

— Пятый с Орехом собираются заночевать в старой канаве?

— Пока Орех не окрепнет, ему не осилить подъема, — заметил Смородина.

— В таком случае я иду вниз! — заявил Лохмач.

Я помогу им поудобнее устроиться, а кто-нибудь другой поможет Пятому ухаживать за Орехом.

— Тогда поторопись, скоро пойдет солнце! — сказал Смородина.

— Ха! Если мне попадется навстречу горностаи, пусть глядит в оба! Завтра я принесу тебе его шкуру! Вот так! — Лохмач поскакал вперед и исчез за откосом.

У Ореха так болела лапа, что три четверти километра, которые они прошли по палящей жаре от Вязовой Роши до подножия холма, показались ему самой трудной дорогой в его жизни. Он, несомненно, умер бы в водосточной трубе, не отыщи его Пятый. Когда, преодолев бредовую тьму и горячее оцепенение, голос Пятого дошел до сознания Ореха, тот сначала не хотел откликаться. Гораздо легче было оставаться на месте, по ту сторону перенесенного страдания! Рана в его разорванном боку горячо пульсировала, а боль в лапе была невыносимой. У него кружилась голова, он почти оглох и потерял обоняние. Он понимал, что Смородина и Пятый с риском для собственной жизни пришли на ферму с единственной целью спасти его. Когда Орех заковылял к дому, у него сразу потемнело в глазах. Если бы Пятый его не тормозил, то Орех просто улегся бы на землю и умер. Он вспомнил, что у подножия холма есть заросшая канава, и заставил себя до нее добраться. Здесь он свалился и заснул в полном изнеможении.

Когда незадолго до сумерек прибежал Лохмач, он увидел, что Пятый кормится на скорую руку посреди высокой травы. Они побоялись рыть нору, чтобы не беспокоить раненого, и провели ночь, скорчившись рядом с Орехом в узкой канаве.

На рассвете Лохмач увидел Кихара, добывающего себе корм у корней бузины. Лохмач топнул лапой, чтобы привлечь его внимание, и, взмахнув крылом, Кихар оказался рядом с ним.

— Мистер Лохмач! Нашелся-таки мистер Орех! Не умер?

— Нет, он жив! Люди на ферме стреляли в него из ружья.

— Вынули из раны черные камушки?

— Что за камушки?

— Черные камушки от ружья! Выньте камушки, станет легче. Пусть выйдет сюда!

С огромным трудом Орех вытащил из канавы на поле свое внезапно ставшее тяжелым тело.

— Проклятое ружье! — сказал Кихар. — Дай посмотри твою рану!

Орех улегся на траву, и голова Кихара замелькала над ним, поворачиваясь с огромной скоростью.казалось, что в коричневом мехе Ореха он разыскивает улиток. Он пристально изучил разорванный дробью бок.

— Здесь нет камушков, — наконец сказал он. — Они вышли, как только вошли. Покажи теперь лапу. Может, будет больно, но недолго.

Оказалось, что две дробинки застряли у Ореха в мышце бедра. Кихар учуял их по запаху и вытащил без всяких усилий, как он вытаскивал из щелей жуков. Орех не успел даже дернуться, как пара дробинок уже лежала на земле, и Лохмач бросился их обнюхивать.

— Теперь пойдет кровь! Затем — полежать два-три дня. Потом — отлично, как прежде. А ваши кролики все ждут, ждут мистера Ореха. Полечу, скажу им — он придет. — И Кихар улетел.

Орех провел у подножия холма три дня. Жара не спадала, и он почти все время лежал под кустами бузины, чувствуя, как к нему понемногу возвращаются силы, и иногда задремывая на земле, как одинокий хлессишь. Пятый не отходил от него ни на шаг. Он зализывал раны Ореха и следил за его выздоровлением. Часто они лежали в горячей жесткой траве и целыми часами молчали, следя, как тени перемещаются на запад и как местный дрозд, растопорщив хвост, с криком «так, так» садится на свое гнездо.

Остролист и Смородина навестили Ореха и поведали ему о бегстве посольства из Эфрафы и неожиданной враждебности, проявленной эфрафанцами.

— Итак, мы нисколько не приблизились к решению нашей основной задачи, — грустно сказал Орех. — Мой налет на ферму оказался глупой шуткой, которая мне дорого обошлась. И вот нам снова осталось начать и кончить рыть настоящую нору!

— Хоть ты и шутил, да шутя добыл двух крольчих! — заметил Остролист.

— Нам все равно не хватит двух крольчих! — сказал Орех. — Надо вернуться в Эфрафу и забрать крольчих эфрафанцев!

— С тем же успехом можно попытаться добыть их

с того света — из Инле! Наверное, я не сумел дать тебе верного представления об этой Эфрафе, Орех-ра!

— Нет, ты вполне в этом преуспел! Я сам до ужаса боюсь этой колонии, но нам надо перехитрить эфранцев!

— Поверь мне, их не перехитришь. Их очень много, во много раз больше, чем нас. У них все очень здорово устроено!

— Пусть Смородина что-нибудь придумает. Так вот, Смородина, в нашей хитрой проделке должны быть соблюдены три условия.— Смородина слушал Ореха, не проронив ни слова.— Во-первых, надо вывести из Эфрафы крольчих, во-вторых, надо помешать эфранцам нас преследовать, так как, разумеется, они помчатся за нами в погоню и мы не можем надеяться на то, что нас спасет какое-то чудо. Но и это еще не все. Если мы от них убежим, надо, чтобы они не сумели нас разыскать!

— Да, чтобы все прошло удачно, надо выполнить все эти три условия,— с сомнением пробормотал Смородина. Он задумался.

— Я знаю, как выполнить первое условие, или, по крайней мере, мне кажется, что я знаю это,— наконец сказал Смородина.— Правда, это опасно. Насчет двух других задач могу сказать, что я пока ничего не придумал, но мне хотелось бы обговорить это дело с Пятым!

На рассвете все кролики колонии собрались на сильфлее в сильном возбуждении. Все с минуты на минуту ждали возвращения Ореха. Смородину не один раз заставили рассказывать о том, как они с Пятым отправились на ферму и нашли Ореха в водосточной трубе. Некоторые предполагали, что Ореха нашел Кихар, но Кихар отрицал это, и когда слушатели настаивали, он загадочно говорил, что ему не долететь туда, где бывает Пятый. Одуванчик бесконечно в разных вариантах развивал тему о том, что Орех героически выскочил навстречу фермерам. Никто не бранил Ореха за неосторожность. Ведь несмотря ни на что, он добыл пару крольчих, и сейчас вместе с ними к колонии снова должна была вернуться удача!

Когда солнце вышло из-за горизонта, Горшочек и Вероника увидели, что в высокой траве у подножия холма появился Пятый, а за ним следом двигался Орех, который сильно хромал. Видно было, что ему трудно идти. Все кролики сгрудились вокруг него: всем хотелось его по-

трогать. Его нюхали, валили и катали по траве, так что ему показалось, что на него напали всерьез. В результате ему пришлось отбиваться от грубоватых приветствий и ласк.

«Интересно, что произойдет, если я свалюсь и больше не встану,— подумал он,— скорее всего меня просто вышвырнут вон. Вряд ли кому-нибудь нужен Главный Кролик — калека. Без сомнения, они этого не сознают, но все их приветствия все же наполовину экзамен. Ладно, пока я не умер, покажу-ка я им, почему фунт лиха!»

Одним толчком он скинул с себя Веронику и Крушину, забравшихся ему на спину, и бросился бежать к норам.

После полудня он созвал всех кроликов в Соты.

— Я многое обдумал,— сказал он.— Мне не довелось погибнуть в Вязовой Роще, и я решил на этот раз отправиться немного подальше! И вот иду в Эфрафу. Ручаюсь, что оттуда мы приведем столько крольчих, сколько нужно нашей колонии.

По толпе пробежал удивленный шепот, а Вероника спросил:

— А как их оттуда забрать?

— У нас со Смородиной появился план, но я не хочу его открывать, и вот по какой причине: предприятие наше будет опасным и, если кого-нибудь схватят, его заставят отвечать. Если же вы не будете ничего знать, то вам будет не о чем и говорить. Я расскажу все в самый последний момент.

— Однако из того, что здесь говорилось об Эфрафе, следует, что нас слишком мало, чтобы сражаться с эфрафанцами,— заметил Одуванчик.

— Я надеюсь, что дело обойдется без сражения, но, конечно, эта возможность не исключена,— заметил Орех.

— А нам надо будет проникнуть в самую Эфрафу? — робко осведомился Горшочек.

Тут в разговор вмешался Остролист:

— Вот уж не думал, не гадал, что мне когда-нибудь придется выступать против мнения Ореха! Я утверждаю, что в Эфрафе нас ждет полное поражение! Я понимаю, на что ты рассчитываешь, Орех: на то, что у Зверобоя не найдется ни одной такой умной головы, как у наших Пятого и Смородины. Это так, у них мудрецов нет. Но факт остается фактом: крольчих оттуда не увести. Я провел всю свою жизнь, отслеживая врагов и делая обходы

вокруг колонии, однако должен признать, что кролики эфранской Ауслы делают это лучше меня. Они пойдут по нашим следам, загонят нас и убьют. Великий Фрис! Умоляю тебя, Орех, откажись от этого плана! Поверь, от такого места, как Эфрафа, надо держаться подальше!

После этого все заговорили разом:

— Это верно! Не хотим, чтоб нас прикончили!

— А этот кролик, которого пытали, у которого разорвали уши...

— Но Орех-ра хорошо знает, что делает!

Кто-то спросил:

— А что думает по этому поводу Пятый?

— Я непременно пойду в Эфрафу! План Ореха безупречен. Обещаю, что, если у меня появятся какие-нибудь сомнения, я поделюсь с вами! — заявил Пятый.

После некоторого молчания встал Лохмач.

— Знайте, я тоже иду в Эфрафу, — сказал он, — и, если захотите, с нами полетит Кихар.

Послышалось удивленное перешептывание.

— Конечно, кому-то придется остаться в колонии, — сказал Орех. — Нечего думать, чтобы с нами пошли кролики с фермы и те, кто побывал уже в Эфрафе.

— А я все же пойду, — сказал Серебристый. — Я от всей души ненавижу генерала Зверобоя и его Сенат и не хочу прозевать того момента, когда мы сумеем их одурачить! Возьмите меня с собой, ведь вам все равно нужен проводник!

— И я пойду, — сказал Горшочек. — Орех-ра меня однажды спас. То есть он знает, что я... — Он совсем смутился. — Как бы то ни было, я иду, — повторил он дрожащим голосом.

Из туннеля, выходящего в лес, послышалось топанье.

— Кто там? — спросил Орех.

— Это я, Смородина. Я разговаривал с Кихаром по поводу нашего плана, и он внес в него несколько важных изменений. Если я не ошибаюсь, генерал Зверобой останется в круглых дураках.

— Ну что ж, в таком случае идемте в эту самую Эфрафу! Идем

Туда, где трава зеленеет,
Где грядка салата растет,
Где кролик свободного нрава
С ободранным носом живет! —

весело пропел Колокольчик.— Я пойду, хотя бы из любопытства. Я, как птенчик, все время разевал рот, ожидая, что в него положат этот ваш знаменитый план. Но не тут-то было! Все набрали воды в рот и молчат как рыбы. Наверное, Лохмач на этот раз переоденется хрудудилем и увезет всех крольчих напрямиком через поле.

Орех строго прикрикнул на него, но Колокольчик в ответ присел на задних лапах и пропищал:

— Пожалуйста, сэр, генерал Зверобой, я просто маленький хрудудильчик и пролил свой бензин на травку. Так что милости прошу, откушайте этой травки, а я тем временем с ветерком прокачу вашу даму!

— Не звени, Колокольчик! — строго сказал Орех.

— Прости, Орех-ра! Я просто пытаюсь развеселить присутствующих, чтоб не так страшно было идти в это проклятое место!

— Собрание закончено, — заявил Орех. — Пусть теперь у каждого созреет решение. Это должно быть сделано истинно по-кроличьи, то есть по доброму согласию! Сейчас я пойду поговорю с Кихаром.

Орех нашел Кихара в лесу. Тот терзал своим длинным клювом скверно пахнущий кусок коричневого мяса, который едва держался на ажурно-тонких костях. Противный запах разнесся по всей буковой роще, притягивая муравьев и навозных мух. Орех сморщил от отвращения нос.

— Черт возьми! Откуда такой чудовищный запах? — не выдержал наконец Орех.

— Ты не знаешь? Это рыба, рыба с Большой Воды! Хороший!

— С Большой Воды? Тьфу! И ты летал за ней так далеко?

— Нет, нет! Она была у человека, на ферме, в большой куче отбросов. Там всегда всего много! Я иду туда за едой, беру рыбу, снова пахнет Большой Водой. Забираю, ем и вот вспоминаю Большую Воду.

Орех чуть не задохнулся от запаха тухлой селедки, но совладал с собой.

— Кихар, ты обещал Лохмэчу помочь нам достать для нашей колонии матерей, — преодолевая отвращение, пробормотал он.

— Да, да, иду с вами! Мистер Лохмач сказал — я нужен, хотя и не кролик. Надо? Иду!

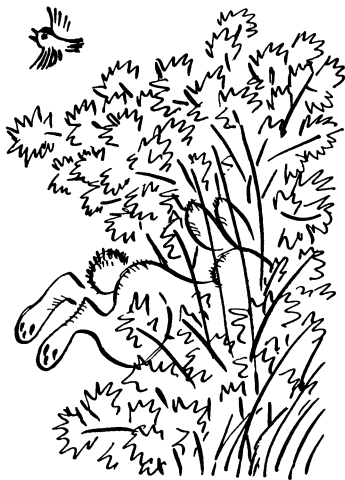
— Ты настоящий друг, Кихар!

— Да, да, помогу вам достать мамаш! Но вот что, мистер Орех! Я теперь все время хочу лететь к Большой Воде. Когда вы достанете крольчих, я вас оставлю и улечу! А прилечу я осенью!

— А когда ты снова прилетишь, у нас будет отличная колония и много матерей!

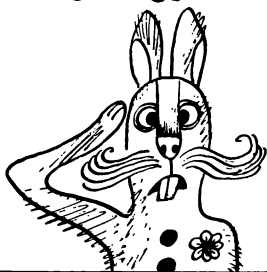
— Так и будет! А когда вы пойдете, мистер Орех? Я не хочу долго ждать! Хочу к Большой Воде!

— Мы выступаем завтра утром, — сказал Орех. — Пока нас не будет, Остролист позаботится о колонии, а Крушина, Земляника и кролики с фермы останутся с ним.

ЭФРАФА

Новое путешествие

Ранним утром отряд в походном строю выступил из буковой рощи.

Опасаясь помешать Ореху, Остролист не промолвил на собрании больше ни слова, будто воды в рот набрал. Однако, провожая отряд до опушки буковой рощи, он едва мог скрыть свою тревогу. Потихоньку от других участников рейда он попросил Ореха правильно оценить размеры грозящей опасности.

Шагая влед за Серебристым, поведшим отряд по холмистой местности, и чувствуя, что пути к отступлению у них отрезаны, все участники рейда испытывали тревогу и беспокойство. Про Эфрафу говорили такие жуткие вещи, что от этого могло дрогнуть самое отважное сердце! К тому же до прибытия в Эфрафу кроликам предстояло провести два-три дня на незнакомой равнине, и на пути им могли встретиться лисицы, горностан и ласки!

Рассыпавшись по полю и часто передыхая, отряд шел вперед медленно и неторопливо. Наконец для более успешного продвижения Орех поделил свое войско на три отдельных отряда. Двумя руководили Серебристый и Лохмач, а командование третьим он взял на себя. Однако кролики все-таки продвигались вперед со скоростью черепахи, по очереди, гуськом переходя открытые пространства, как скалолазы проходят грозящие обвалом скалы.

По пути им попадались отличные кроличьи места! Июнь подходил к концу, близился июль, середина лета. Зеленые изгороди и луга были покрыты пышной и буйной растительностью.

Кролики могли укрыться в пронизанных солнцем тускло-зеленых пещерках из травы, дикого майорана и сныти. Здесь нетрудно было вести наблюдение из-за густых пятнистых листьев и волосистых стволов бурачника с красно-синими соцветиями. Когда незадолго до ни-Фриса стало очень жарко, Серебристый остановился у зарослей боярышника. Ветер утих, и воздух был напоен сладким, напоминающим запах диких хризантем ароматом цветущего нагорья, поросшего ромашкой, тысячелистником и пижмой.

Орех и Пятый прилегли на землю рядом с Серебристым. Внезапно тот протянул лапу вперед:

— Вон тот самый лес, который так не понравился Остролисту!

Узкая и длинная полоса леса, известная у людей под названием Цезарев Пояс, была залита вечерним солнцем. В тишине стрекотали кузнечики.

Орех долго и внимательно изучал простирившийся перед ними Цезарев Пояс, наострив уши и ловя носом воздух.

— Я не вижу здесь ничего страшного! А что ты скажешь, Пятый? — обратился он к брату.

— Это — лес людей, потому-то Остролист и счел его странным. По-видимому, сейчас людей здесь нет, но проверить лишний раз не мешает! Не отправиться ли мне на разведку? — осведомился Пятый.

Пока Орех издали рассматривал раскинувшийся перед ним лес, подошел отряд Лохмача. Участники рейда расположились на отдых в светло-зеленой тени боярышника. Кто, опустив уши, принялся за ужин, а кто просто нежился на солнце.

Весь этот день Лохмач вел себя странно и необычно. Погруженный в тайные думы, он хранил глубокое молчание. Если бы кто-нибудь осмелился усомниться в его храбрости, то он мог бы подумать, что Лохмач нервничает и трусит.

Орех подозревал Лохмача, и тот без проволочек выбрался из гущи цветущих репейников и подошел к боярышнику.

— Что там еще стряслось? — недовольно пробурчал он.

— Повелитель и гроза кошек Пфеффа-ра! — шутливо обратился к нему Орех. — Разведай, нет ли под деревьями кошек! И если ты их обнаружишь, немедленно разгони всех!

Проводив уходящего Лохмача глазами, Орех обратился к Серебристому:

— Скажи: ходит ли по этим местам Большой Патруль?

— Пожалуй, они могут сюда добраться... — отвечал Серебристый. — Если начальник отряда решителен и предприимчив, он может завести своих солдат довольно далеко!

— Если мы с ними встретимся, ни один солдат не должен вернуться в Эфрафу! Для верности спрячемся в лесу! Если этот лес не понравился нашему Остролисту,

то вряд ли и эфрафанцы питают к нему большую симпатию. Но нет ли у тебя на примете более укромного местечка, Серебристый?

— Укромного местечка вблизи Эфрафы не может быть! — отвечал Серебристый. — Я не знаю, где здесь спрятаться и можно ли вообще укрыться от патрульных. Хитрости им не занимать! Возможно, они уже заметили нас и отправились с рапортом в Эфрафу!

Лохмач обошел лес и бежал навстречу.

— Все спокойно? — осведомился Орех. — Раз так, то веди нас в лес, Серебристый! Мы должны пройти его насквозь. В полдень Кихар будет нас ждать на опушке.

Пройдя около получаса в западном направлении, путешественники дошли до рощицы, сливавшейся с основной массой Цезарева Пояса. На западе высились голые и пустынные холмы, поросшие сорняками и жесткими кочками пожухлой травы.

Вскоре Кихар обнаружил отряд и спустился на землю. Усталые участники рейда отдыхали в зарослях крапивы. Кихар присел возле Ореха.

— Остролист боится — никто не вернется назад! — сообщил он. — Что делать?

— Нужно где-нибудь спрятаться! Найди безопасное местечко поближе к Эфрафе, — попросил Орех.

— Близко к Эфрафе? — переспросил Кихар.

— Не ближе, чем ферма Вязовая Роща отстоит от наших Сот.

— Знаю такое место! Нужно перейти на ту сторону реки!

— Значит, придется переплывать реку?

— Нет, кроликам не переплыть! Река большая, бежит быстро! Но там есть мост!

— А лучшего места ты не знаешь?

— Там много деревьев! Чужие кролики вас не найдут!

— Ну, что ты на это скажешь? — с сомнением обратился Орех к Пятому.

— Дело обстоит лучше, чем я ожидал! — с довольным видом сказал Пятый. — За рекой мы сможем сделать привал. Здесь же, на холмах, мы все время в опасности.

— В таком случае — приказ всем подкрепиться и отдохнуть! Назначаю выступление фу-Инле, когда на небо выйдет луна! — решил Орех.

— Ох, как я теперь возненавидел слова «выступление» и «фу-Инле», — горестно вздохнул Смородина.

Когда солнце пошло на закат, Орех собрал кроликов в укрытии, чтобы все могли подкрепиться. Предводитель кроликов старался не показывать виду, что его мучает беспокойство. Вид у него был веселый и уверенный. Оглядев свой отряд, он с радостью заметил, что пока еще никто не выбился из сил! Кролики Ореха стали сейчас кучкой крепких и выносливых хлессилей! Видно было, что им под силу очистить любой огород! Все были в отличной форме, свежи и похожи друг на друга, как одна травинка на другую.

Вдруг из-за зарослей бедренца появился встревоженный Горшочек. За ним шел Пятый.

— По оврагу бежит лиса! Что делать, Орех-ра?

4+4+4. *Встреча* *с лисой*

Ни сам Орех, ни его кролики ни разу не видели лисы, тем не менее они знали, что если лису обнаружили, то она уже не представляет особой опасности¹. Однако Орех почувствовал, что был чересчур беспечен, позволив кроликам сбиться в кучу и не выставить часового. Ветер дул с северо-востока, и, подойдя с запада по ущелью, лиса могла внезапно напасть на них. Хорошо, что Горшочек с Пятым вылезли на поле и ее заметили. Орех быстро оценил обстановку.

Если лиса еще далеко, кроликам следовало немедленно спастись бегством. Поблизости простирался лес, в котором можно было скрыться и, не теряя друг друга из виду, продолжать путь. Орех раздвинул стволы репейника и выглянул.

— Близко ли лиса? — спросил он.

— Вот она! — раздался голос Пятого, лежавшего под кустом шиповника. Услышав шаги Ореха, Пятый не повернул головы, а только слегка повел взглядом вниз.

Орех посмотрел в указанную Пятым сторону.

От того места, где они сидели, неровная поверхность ущелья, заросшая сорной травой, резко шла вниз. Захо-

¹ Некоторые полагают, что кролики проводят большую часть своей жизни, спасаясь от лисиц. Это неверно.—Прим. авт.

дящее солнце, проникая сквозь листву деревьев, освещало обрыв. Лиса бежала по обрыву и пока была от них далеко. Хотя она шла с подветренной стороны и могла бы учуять кроликов, непохоже было, чтобы она ими особенно интересовалась. Она упрямо бежала по оврагу, ступая твердо, как собака, опустив вниз белый кончик хвоста. Сверху кролики могли хорошо рассмотреть ее песчано-бурую шубку, темные лапы и острые уши. Лиса показалась нашим путешественникам такой хищной и коварной, что бедные наблюдатели затрепетали. Лишь когда, обогнув одиночный куст репейника, лиса исчезла из виду, Орех и Пятый осмелились подняться и присоединиться к своим друзьям.

— Идем отсюда, — сказал Орех. — Вперед!

Вдруг какой-то кролик, грубо оттолкнув Ореха плечом, проскакал мимо Пятого и исчез в ущелье. Орех удивленно осмотрелся.

— Какой болван побежал навстречу лисе?

— Лохмач! — ответил не менее удивленный Пятый.

Оба бросились к наблюдательному посту под кустом шиповника и посмотрели вниз. Они с волнением увидели, что Лохмач скачет по обрыву, дерзко направляясь в сторону лисы.

Он мчался лисе наперерез, но она почему-то не замечала Лохмача.

— Позволь, я поскачу к Лохмачу на помощь! — прошептал Серебристый.

— Все ни с места! — скомандовал Орех. — И молчите, ради Фриса!

Лиса заметила приближающегося к ней Лохмача, только когда между ними оставалось не более тридцати метров. Она на минуту остановилась было, но затем собачьей рысью побежала дальше.

Перед самым лисьим носом Лохмач внезапно повернулся и, заметно хромя, начал взбираться на склон обрыва. Лиса снова постояла, минуту поколебалась и наконец, словно нехотя, направилась вслед за ним.

— Что у него на уме? — прошептал Серебристый.

— Наверное, хочет увести лису подальше от отряда! — сказал Пятый.

— Это совершенно излишне! Мы и так от нее далеко! — вскричал Серебристый.

— Проклятый дурень! — воскликнул Орех. — Он себя погубит!

Тем временем лиса ускорила шаг. По-видимому, она нагоняла Лохмача. Солнце село, и в быстро спускающихся сумерках трудно было понять, что происходит. У опушки леса Лохмач исчез за кустами, и вслед за ним скрылась и лиса.

Наступила тишина, а затем предсмертный вопль кролика огласил пустынный темнеющий холм.

— О Фрис и Инле! — топнув, воскликнул Смородина. Горшочек повернулся, чтобы бежать.

— Что ж, надо собираться, Орех! — сказал Серебристый. — Лохмач погиб! Ему уже не поможешь!

Не успел он это проговорить, как из гущи леса внезапно вынырнул Лохмач.

Он неся стрелой. Прежде чем до кроликов дошло, что он остался цел и невредим, он одним прыжком преодолел откос и оказался среди них.

— Скорей, бежим отсюда прочь! — крикнул Лохмач не своим голосом.

— А разве ты не ранен? — удивленно спросил Колокольчик.

— Никогда не чувствовал себя лучше! Бежим! — повторил Лохмач.

— Подождешь! Сейчас я с тобой поговорю! — ледяным тоном произнес Орех. Он был сильно рассержен. — Ты вел себя, как круглый идиот! — Он повернулся и притворился, будто наблюдает за ущельем, хотя уже совершенно стемнело. Кролики за его спиной беспокойно зашевелились. Долгий день, проведенный в открытом поле, голый, поросший сорняками овраг, внезапное появление лисы, потрясение, вызванное отчаянно смелым поступком Лохмача, — все это привело их в такое состояние, как будто они объелись дурмана.

— Уводи их отсюда поскорее, а то как бы у них не начался тсарн, — прошептал Пятый.

— Нам пора идти, — без промедления отреагировал на его совет Орех. — Умоляю вас, ребята, держитесь вместе! Если в темноте кто-нибудь потеряется, он пропал. В том случае, если навстречу попадутся чужие кролики, без рассуждений нападайте! Задавать вопросы будете потом!

Они пошли по южной окраине леса и по одному и по двое пересекли пустынную дорогу. Понемногу в головах у кроликов прояснилось. Они увидели, что находятся на открытых полях. С запада, с вечерней стороны, до них

донесли привычный шум и запах, которые обычно идут от населенных усадеб, и идти стало легче. Их путь пролегал через широкие пастбища, окруженные глубокими канавами, заросшими бузиной и бересклетом.

Здесь лежало подлинно кроличье царство, показавшееся им волшебным и упоительным после редкого леса Цезарева Пояса и поросших лохматыми сорняками оврагов.

Когда отряд прошел довольно большое расстояние, не забывая по временам приюхиваться и делая перебежки от укрытия к укрытию, Орех подумал, что можно разрешить привал. Выставив часовых, он отвел Лохмача в сторону.

— Я очень на тебя сердит, — сказал он. — Ты единственный кролик, без которого мы сейчас обойтись не можем. Зачем ты так глупо рисковал?

— Конечно, я сглупил! — сказал Лохмач. — Я ужасно нервничал, думая о том, что ждет меня в Эфрафе. В таких случаях мне всегда хочется действовать — мне необходимо или подражаться с кем-нибудь, или рискнуть головой. Мне показалось, что если я сумею оставить эту лису в дураках, то перестану беспокоиться о том, другом, деле.

— Значит, ты подражал Эль-Эхрейре! Но ведь ты мог зазря погибнуть! Однако все-таки скажи: что же произошло с тобой в лесу? Почему ты так кричал, если с тобой ничего не случилось?

— Это кричал не я, — отвечал Лохмач. — Произошло что-то очень странное, и боюсь, это не к добру! Я собирался увести лису в лес и затем вернуться к вам. Добежав до кустов, я сразу перестал хромать и помчался во весь дух. И тут я внезапно лицом к лицу столкнулся с чужим кроличьим отрядом. Чужие кролики шли прямо на меня! Я не успел их хорошенько разглядеть, но все они показались мне необычно рослыми ребятами. «Берегись, спасайся бегством!» — только и успел я крикнуть, но они ни с того ни с сего попытались меня схватить. Один заорал: «Стоять!» — или что-то в этом роде да как бросится мне наперерез! Я сбил его с ног и стрелой пролетел мимо. Затем я услышал этот страшный визг. Конечно, я прибавил ходу, выскочил из лесу и прибежал к вам.

— Значит, хомба схватила того, другого, кролика?

— Должно быть! Сам того не желая, я навел ее прямо на их отряд.

В это время к ним подошел Серебристый.

— Орех,— сказал он.— Мы совсем близко от Эфрафы! Надо как можно скорее уходить!

Кролики снова двинулись в путь. Этой ночью у них больше не было никаких приключений, и вместо эфранских патрулей, появления которых они ждали с минуты на минуту, им повстречались только мыши да парочка ежей, искавшая слизняков в придорожной канаве.

Когда в небо поднялись первые жаворонки, Орех, выбившийся из сил, спросил Серебристого:

— Где же эта железная дорога? Остролист говорил, что там почти отвесный, заросший кустами откос. Здесь ничего похожего нет!

— Дорога рядом, разве ты не чувствуешь запаха? — спросил Серебристый.

Орех потянул ноздрями воздух. В сыром воздухе он отчетливо почувствовал резкие запахи металла, угольного дыма и машинного масла. Вскоре кролики увидели край железнодорожной насыпи, терявшейся посреди кустов и высокой травы. Кругом все было тихо, только шумная стайка воробьев уселась на полотно и принялась что-то клевать на шпалах. Эта мирная картина всех успокоила.

— Всем приказ перейти дорогу! Пусть она ляжет между нами и Эфрафой! За ней мы сделаем привал! — сказал Орех.

С некоторым опасением отряд взобрался на насыпь, ожидая, что огненный посланец Фриса, рассыпая громы и молнии, вот-вот появится из темноты. Однако все было тихо, и вскоре все участники рейда собрались на лугу за железной дорогой. Они так устали, что думали только о том, чтобы дать отдых натертым лапам и пищу — желудку, и совсем не заботились о том, чтобы спрятаться.

В это время в небе появился Кихар.

— Вы с ума сошли, мистер Орех? Здесь оставаться — беда! — прокричал он.

— Нам необходим отдых!

— Здесь нет отдыха! Придут чужие кролики!

— Ну, не сразу же они придут!

— Да, да! Уже идут! Близко!

— Черт бы побрал эти проклятые патрули! Идемте, ребята, с поля в лес. Торопись, Вероника, если не желаешь, чтобы тебе в Эфрафе отгрызли уши!

Кролики заковыляли по полю к растущему впереди ельнику и вскоре без сил свалились под деревьями.

4+4+4+1. Большая река

Хотя посреди елей царил полумрак, все поле перед лесом было залито вечерним солнцем. К смолистому еловому запаху в лесу примешивался еще другой запах, резкий и душистый. Это был аромат каких-то неизвестных Ореху цветов. Он принялся искать источник аромата и на опушке обнаружил несколько кустиков цветущей мыльнянки. Часть растений стояла еще в бутонах, закрученных в белые и желто-розовые спиральки, но многие уже развернули свои похожие на звездочки цветы, издававшие сильный запах. Вокруг мыльнянки роились ночные бабочки. На них охотились летучие мыши.

Орех принялся щипать траву. Он очень огорчился, почувствовав, что рана на его задней лапе дает о себе знать. По-видимому, форсированный марш по холмам оказался не под силу недавно сросшейся мышце.

— Орех-ра! Что случилось? Твоя нога как-то странно волочится! — бросился к нему Горшочек, огибая кустик мыльнянки.

— Нога побаливает! Найди-ка мне Кихара, Горшочек!

— А Кихар улетел! Лохмач и Серебристый послали его проверить, не приближается ли патруль!

Орех почувствовал легкое раздражение. Всякое промедление казалось ему крайне опасным. Он понимал, что Лохмач нечаянно натолкнулся на Большой Патруль, который шел по следу их отряда. По всей вероятности, другой патруль движется им навстречу. Может быть, опасения Серебристого вполне реальны и патруль уже доложил о них эфрафанскому начальству? Может быть, у генерала Зверобоя есть свой Кихар? А вдруг ему передает сведения одна из кружившихся здесь летучих мышей?

При этой мысли трава сразу показалась Ореху горькой, а солнечные лучи — ледяными, и он уныло сгорбил под елью, полный всевозможных мрачных предчувствий. У него зачесались от нетерпения лапы. Он уже готовился собрать свой отряд и идти вперед, когда над ними в небе появился Кихар.

— Мистер Орех! Чужих кроликов нет! — доложил он. — Может, они не любят эту железную дорогу!

— А далеко ли отсюда до реки? — спросил Орех.
— Нет, нет! Рядом!

Едва успев пройти по лесу несколько шагов, кролики почувствовали, что река близко. Почва стала сырее и мягче, запахло осокой и водой. Тревожно переглядываясь, кролики стали выбираться из леса. Реки еще не было видно, но на листьях деревьев уже засверкали блики отраженного света, и вскоре Орех, ковылявший впереди, оказался на узкой дорожке, бегущей вдоль берега.

Выглянув предосторожности ради из-за куста, участники рейда увидели гладкую поверхность сверкающей реки, такой широкой и быстрой, что знакомая им речка Энборн не могла с ней идти ни в какое сравнение.

Внезапно над ними раздался хриплый голос Кихара:

— Мистер Орех, чего ждете? Вперед! Мост близко!

Мост стоял ниже по течению. Хотя Орех часто слышал из уст Кихара слово «мост», он стеснялся расспрашивать его об этом. Мост не вызвал у Ореха никакого опасения. Он увидел всего лишь ряд столбиков и перил с обеих сторон дороги. Орех без всякого удивления обнаружил, что их путь пересекает реку, но его испугало отсутствие укрытия на этой гладкой дороге, по краям которой росли лишь низкие кустарники чахлой травы.

— Как ты думаешь, Пятый, попробуем рискнуть? — спросил он.

— Чего ты беспокоишься? Какой тут риск? — отвечал Пятый. — Идем, а то все подумают, что мы боимся!

Одним прыжком Пятый выскочил на дорогу. Оглянувшись, он бросился на мост, а по краю дороги, ближе к перилам, за ним поскакал Орех. В середине моста Пятый безмятежно присел и не торопясь подождал Ореха и увязавшегося с ним Горшочка.

— Притворимся, будто мы видим что-то интересное, — и все наши кролики сразу побегут за нами!

У моста не было бортика, так что при первом же неверном движении кролики упали бы в воду. Однако, высунув носы из-под нижней перекладины перил, они осмелились посмотреть вниз. Внезапно, лениво взмахнув хвостом, из-под моста выплыла серая рыба величиной с хорошего кролика. Сверху можно было отлично разглядеть пестрые пятна у нее на боках. Держась на воде, она поворачивалась то влево, то вправо. Гибкие движения ее туловища напоминали Ореху кошку с фермы Вязовая Роща, а когда она подняла над водой тупую морду, кролики

отчетливо увидели широко разинутую белую пасть. Не торопясь и ритмично двигая хвостом, рыбина втянула в себя плывущего по поверхности водомера и снова погрузилась в воду.

— Эта рыба похожа на водяного ястреба! — воскликнул Пятый. — Фрис великий! В воде тоже охотятся и поедает друг друга! Смотри не упави в реку, Хлао-ру!

— Ты думаешь, она может меня сожрать? — спросил Горшочек.

— В воде могут оказаться и другие, которым это по зубам, — сказал Орех.

Пятый торопливо соскочил в траву. К самому берегу здесь подходила роща конских каштанов, окруженная густым кустарником. В ней можно было хорошо спрятаться. Пятый и Горшочек начали рыть нору, а Орех принялся жевать жвачку, стараясь дать отдых больной ноге. Вскоре к ним присоединились Серебристый и Одуванчик, а кролики послабее духом остались сидеть в высокой траве и ни за что не соглашались ступить на мост. В сумерках Пятый вернулся за ними и уговорил перейти через реку. Ко всеобщему удивлению, Лохмач дольше всех упорствовал. Он перешел реку последним. Перейдя мост, кролики прошли по течению до того места, где река поворачивала на запад. Тут они увидели широкий, но неглубокий водопад. Стоял тихий вечер, и форель начала косяком подниматься вверх для вечерней охоты на мух. Через реку здесь был переброшен дощатый мостик для пешеходов. Кихар покрутился над озерком, образовавшимся под водопадом, и уселся на перила мостика.

— Надо перейти и этот мост! — объявил Смородина.

— Пусть первым идет Пятый! Он у нас обожает переходить мосты! Ты иди за ним, а мы с Лохмачом и Колокольчиком пойдем сзади.

Пятеро кроликов осторожно поскакали по доскам. В их чутких ушах раздавался шум падающей воды. Орех, неуверенно ступая своей больной лапой, несколько раз останавливался. Добравшись наконец до конца моста, он увидел, что Пятый и Смородина, спустившись к реке, разглядывают какой-то лежащий на воде крупный предмет. Сначала Орех принял его за древесный ствол, но, подойдя поближе, заметил, что он не круглый, а плоский, с приподнятыми краями: это была вещь человека. Орех вспомнил, что однажды, обнюхивая вместе с Пятым кучу мусора возле фермы, он нашел похожий предмет — боль-

шой, гладкий и плоский (то была старая дверь, выброшенная на свалку).

Один конец этой вещи лежал на берегу, а другой держался на воде.

Подойдя поближе, Орех заметил, что Смородина уже взобрался на удививший его предмет.

— Что ты там нюхаешь, Смородина? — строго спросил Орех.

— Тут пища, флейра! Разве ты не догадался по запаху?

Кихар уселся рядом на доску и принялся клевать что-то белое. Смородина перебрался поближе к Кихару и вгрызся в какую-то зелень. Наконец и Орех взобрался на доску и уселся на освещенном месте, следя за тем, как мухи отражаются в блестящей, словно лакированной, воде.

— Для чего такие вещи человеку? — спросил он. — Они нам не опасны?

— От них никакого вреда! — ответил Кихар. — Это лодка! На Большой Воде много! Люди ходят в них по воде.

Лодка оказалась маленькой плоскодонкой. Даже сейчас, когда в ней не было хозяина, в лодке было мало места, а перекладина для сидения была очень короткой.

— Знаете, что мне напоминает эта штука, на которую вы уселись? Ту деревянную вещь, на которую посадили нас с Горшочком, чтобы переправить через реку. Помните, у того леса, где носилась спущенная с цепи собака! — крикнул им бегающий по берегу Пятый.

— Не понимаю, почему эта лодка не уплывает вниз, — сказал Смородина, — все остальные вещи плывут по реке очень быстро. — Он посмотрел на палку, которую течение стремительно несло вниз. — Что же мешает нашей вещи тоже уплыть?

Смородина не был в числе любимцев Кихара, который предпочитал ребят попроще, вроде Лохмача и Серебристого.

— Ее держит канат! Перекуси его, и вы все покати-тесь вниз ко всем чертям! — прокричал Кихар.

— Понятно! Канат — это то, что завязано вокруг круглой металлической штуки, а другой конец каната укреплен на берегу. Он похож на стебель гигантского листа. Значит, его можно перегрызть и лист, или как ее, лодка, оторвется от берега!

— Что ж, идемте назад, — уныло сказал вновь за-

грустивший Орех.— Боюсь, что здесь нет того, что мы искали, Кихар!

— Жаль, что мы уходим! — воскликнул Колокольчик.— А то я уже собирался превратиться в водяного кролика!

— Чего, чего? — переспросил Лохмач.

— В водяного кролика! Ведь есть же водяные крысы и водяные жуки, а Горшочек видел даже водяного ястреба. Почему бы и мне не стать водяным кроликом? Тогда я весело поплыву вниз по течению...

— Велик наш златой Фрис над холмами! — воскликнул вдруг Смородина.— Ведь это как раз то, что нужно! Мы станем водяными кроликами и поплывем вниз по реке!

Выскочив на берег, Смородина радостно заскакал, шлепая Пятого по бокам обеими передними лапами.

— Понимаешь, Пятый! Мы перегрызем канат и уплывем под самым носом у Зверобоя!

Пятый задумался.

— Кажется, я начинаю что-то понимать! — наконец сказал он.

— Но мы с Лохмачом — обычные кролики, и мы ничего не понимаем. Объясни: что ты придумал? — попросил Орех.

Невзирая на то что черные мошки уселись на носы всем собеседникам, Смородина охотно начал свое объяснение. Все слушали его в глубоком молчании.

— Попробуй, сумеешь ли ты перегрызть этот канат, Орех-ра,— сказал Смородина.— Не слишком ли он толстый?

Исследовав канат, Орех сказал:

— Его можно перекусить!

— Делайте все побыстрее! Сюда прийти человек и угнать лодку,— сказал Кихар.

— Час настал! — сказал Орех.— Теперь, Лохмач, за тобой дело! Помни, что с этой минуты ты — наш главнокомандующий! Передавай нам свои приказания через Кихара! Да хранит тебя Эль-Эхрейра!

Позднее все присутствующие вспоминали, с каким самообладанием Лохмач выслушал этот приказ. У него слово не расходилось с делом. После мгновенного колебания он заглянул Ореху в глаза.

— Я рад, что наконец пришел мой черед,— сказал он.— Я не люблю ждать! Пока!

Лохмач тронул своим носом нос Ореха и ускакал в высокую траву. Через минуту он уже бежал по открытому полю, направляясь к кирпичной арке в заросшей сорняками железнодорожной насыпи.

4+4+4+2.   *Генерал*
    Зверобой

Над Эфрафой собирались сумерки. В медленно сгущающейся темноте генерал Зверобой наблюдал за тем, как отряд «Метки на задней левой лапе» вышел на сільфлей на луг возле железной дороги. Большая часть кроликов осталась пастись у выходов из норы. В дальнем конце луга стояли часовые Ауслы, следя за тем, чтобы ни один кролик не забрел слишком далеко.

Капитан Кервель, командир «Метки на задней левой лапе», обошел часовых. Внезапно он увидел, что к ним направляется генерал. Кервель быстро осмотрелся. Все ли у него в порядке? На первый взгляд все было в порядке, и он принялся грызть кустик сладкой травы, пытаясь как можно достовернее изобразить спокойствие и независимость.

Генерал Зверобой был кроликом необыкновенным. Родившись около трех лет тому назад возле огородов в Колль Хенли, он оказался самым сильным в выводке из пяти крольчат. Его отец был беззаботным и легкомысленным созданием. Он не боялся жить бок о бок с людьми. Это давало ему возможность рано поутру обирать их огороды. За свое легкомыслие он вскоре поплатился. Хозяин огорода подстерег отца Зверобоя и застрелил его, когда тот на рассвете пробирался по делянке картофеля. Затем фермер раскопал нору, в которой укрылась крольчиха с подраставшими крольчатами. Крольчиха помчалась к холмам. Ей удалось уйти от фермера, но почти все крольчата погибли. Спасся один Зверобой. Вскоре какой-то горноста́й пошел по их следам. Укрывшийся в траве крольчонок видел, как горноста́й растерзал его мать.

В то утро добрый старый учитель из Овертона совершал прогулку по полям. Он-то и нашел Зверобоя. Увидев, что крольчонок с писком толкает носом застывшее тело

матери, он решил забрать его домой. Зверобоя держали на кухне и кормили молоком из пипетки. Несмотря на любовное к себе отношение, он вырос диким и злобным. Вскоре он сорвал проволоку с дверцы клетки и убежал на свободу. Не имея опыта жизни на воле, большинство кроликов в его положении становится жертвой элилей, но не таков был Зверобой, и судьба его сложилась иначе. Проблуждав несколько дней, он набрел на небольшую колонию и, рыча и действуя когтями, силой принудил ее жителей пустить его в нору. Здесь он убил Главного Кролика и был провозглашен начальником колонии.

Его подданные вскоре почувствовали, что у них появился настоящий вожак. Однажды, когда поблизости охотился щенок абердинской породы, Зверобой напал на него и выгнал из леса. Он не боялся хитрых и ловких куниц и втайне лелеял надежду убить если не горноста, то по крайней мере ласку. Вскоре Зверобой решил расширить свои владения и повел своих кроликов на поиски места, где можно было бы хорошо замаскироваться от людей.

Эфрафа была выстроена на перекрестке двух заросших травой проселочных дорог. На одной из них деревья и кустарники стояли так тесно, что она напоминала зеленый туннель. Под руководством Зверобоя переселенцы вырыли под кустарниками и вдоль канав глубокие норы. Зверобой следил за всем с неутомимым рвением и дрался с крысами, белками, сороками и один раз даже с вороной. Когда у крольчих появились выводки, он стал отбирать самых сильных из них для армии и сам обучил их военному искусству. Он запретил кроликам покидать колонию. В дальнейшем Зверобой старался сосредоточить в своих руках всю власть. Он изобрел систему меток и приказал кроликам пастись небольшими группами, под надзором офицеров. Вечерние и утренние часы, считающиеся наиболее благоприятными для выпаса и поэтому особенно завидные, распределялись поочередно между всеми группами. Все следы обитания кроликов, все, что свидетельствовало о их присутствии, было тщательно замаскировано.

В отношении свободы передвижения и выхода на сильфлей солдаты и офицеры Ауслы пользовались в его колонии известными преимуществами. Всякое проявление небрежности по службе грозило им понижением в долж-

ности и лишением всех привилегий. Наказания, которым подвергали обычных кроликов, были гораздо суровее.

Когда оказалось, что ему в одиночку со всем не справиться, Зверобой учредил Сенат. Кое-кто из членов Сената вышел из Ауслы, другие были избраны за преданность генералу, а некоторые — потому что слыли мудрецами.

По совету старого мудрого Подснежника Зверобой запретил рыть новые норы. Вскоре он ввел в действие закон о создании Большого Патруля. Вначале роль Большого Патруля ограничивалась набегами в пределах окружающей местности. С четырьмя или пятью солдатами Зверобой обходил окрестности и проверял, все ли в порядке. В первый их обход им посчастливилось отыскать и прикончить больную сову, проглотившую мышь, которая, в свою очередь, съела отравленное посевное зерно. Во второй раз они набрали на двух хлесси́лей, которых схватили и принудили присоединиться к Эфрафе.

Один из дозоров под командой капитана Мальвы обнаружил кроличью колонию в окрестностях роши Натли. Генерал стал во главе направленной туда армии, захватил пленных и увел их в Эфрафу.

Время шло, и патрулирование стало проводиться регулярно. Вскоре вокруг Эфрафы не осталось никаких других кроличьих колоний, а заплутавшие в ее окрестностях кролики становились пленниками Зверобоя.

Однако патрули часто несли тяжелые потери, потому что их маршрут стал известен окрестным элиям. Иногда командиру патруля приходилось действовать с величайшей отвагой, чтобы выполнить задание и привести своих солдат обратно в колонию. Последнее время потери в живой силе были очень велики: в трудные месяцы погибало по пять-шесть кроликов.

В этот вечер, выбравшись из-под густой листвы ясеня для того, чтобы поговорить с капитаном Кервелем, генерал Зверобой испытывал серьезное беспокойство. Кроликов в колонии стало очень много, невзирая на то что крольчихи нечасто приносили выводок. Крольчихи стали беспокойными, и ими было нелегко управлять. Недавно молодые крольчихи ворвались в Сенат и попросили, чтоб их отпустили из колонии. В конце концов они проявили такую строптивость, что Сенату пришлось прибегнуть к крайним мерам. Общее недовольство по поводу суровых репрессий до сих пор еще не рассеялось. Кроме того,

уважение, которое рядовые кролики питали к Аусле, было в последнее время несколько подорвано. На днях Аусла схватила четырех бродячих кроликов, выдавших себя за посланников какой-то колонии. При помощи весьма нехитрой уловки бродягам удалось надуть начальника их метки, напасть на часовых и скрыться под покровом ночи!

Разумеется, генерал разжаловал командира метки капитана Бурачника, но зато поставил себя в затруднительное положение: Эфрафа испытывала острую нехватку в умелых и опытных офицерах. За месяц генерал потерял трех лучших помощников. Находчивый и храбрый Горчица, возглавивший погоню за четырьмя беглецами, попал под поезд, а две ночи тому назад солдаты дозора, обходившего владения колонии, вернулись с ужасным известием о том, что капитана Мальву растерзала лиса! Мальва был опытным, всеми уважаемым офицером. Случай с Мальвой показался генералу весьма странным. Незадолго до схватки с лисой Мальва напал на след кроличьего отряда, направлявшегося в сторону Эфрафы. Мальва пошел по следу отряда, но не успел он догнать незнакомцев, как внезапно какой-то чужой кролик бросился наперерез патрульным. Капитан попытался схватить его, но тут рыжая лиса выскочила из ущелья и в одну минуту прикончила беднягу Мальву! Из-за этого происшествия патруль отправился обратно в колонию, и второй офицер, Крестовник, привел дозорных домой. Однако чужой кролик словно в воду канул, а бессмысленная гибель Мальвы испугала всех солдат Ауслы.

На поиски чужого отряда были немедленно высланы новые дозоры, но они сумели только установить, что незнакомцы перешли железную дорогу и исчезли.

Мысль о том, что чужаки посмели беспрепятственно пройти столь близко от Эфрафы и не были схвачены, была для генерала не только обидной, но просто непереносимой! Этих кроликов можно было бы догнать и арестовать, будь во главе поисков находчивый и предприимчивый офицер. Это мог бы сделать кролик с инициативой и опытом вроде капитана Горичвета. На худой конец генерал мог бы отправиться туда собственной персоной, но это было рискованно: кроликов вряд ли можно было оставлять без генеральского надзора. Нет, как это ни сердило генерала, но приходилось волей-неволей позабыть про нарушителей границы!

Прежде всего нужно было восполнить потери в Аусле и выбрать для этого кроликов, которые сумели бы безжалостно подавить могущее вспыхнуть недовольство. Что ж! Придется повысить в звании тех, кто получше!

Продолжая мысленно рассматривать эту проблему с разных точек зрения, генерал рассеянно ответил на приветствие капитана Кервеля.

— Какие у тебя часовые, Кервель? — наконец спросил он.

— У меня неплохие ребята, сэр! — ответил Кервель. — Вы, наверное, помните Майорана? Он был скороходом в вашем патруле. Вы, наверное, знаете также и Вербейника!

— Знаю, но из них не получится офицеров, — сказал Зверобой. — А нам нужны офицеры на посты Мальвы и Горчицы!

— Это дело трудное, сэр, — сказал Кервель. — Такие кролики ни с того ни с сего не выскочат из травы!

Зверобой и Кервель прошли несколько шагов. Навстречу им двинулся тот самый Горицвет, о котором недавно вспоминал генерал. Горицвет был отличным следопытом, и ничто не могло укрыться от его внимательного взгляда: ни появление следов трактора, ни ястребиный помет. Это был один из немногих кроликов, к которым генерал питал подлинное уважение.

— Разрешите доложить, сэр, — обратился он к генералу. — Мы захватили хлессиля.

— А чем он занимался, когда его схватили? — спросил Зверобой.

— Сэр, он заявил, что идет издалека с целью присоединиться к Эфрафе! Я решил, что лучше вам поговорить с ним самому.

— Он сказал, что добровольно хочет к нам присоединиться? — удивленно спросил генерал.

— Он это утверждает, сэр!

— Может быть, завтра вызвать его в Сенат?

— Как вам угодно, сэр! Только он мне показался необычным кроликом. Я бы сказал, он может оказаться чрезвычайно полезным, — продолжал Горицвет. — Сейчас он возле Криксы, сэр. — Криксой кролики называли укромное место под деревьями, где пересекались две полуразрушенные дороги. — При нем двое часовых.

Зверобой неспешно направился к Криксе. Крикса лежала в зеленой тени, и лишь редкие красноватые лучи

пробирались сквозь непрерывно шелестящую листву. На дальней стороне дороги под кустами бузины стояли два полицейских. Между ними сидел незнакомый кролик.

Незнакомец был крупным самцом, тяжелым, но энергичным, с суровым и непреклонным взглядом и внешностью закаленного воина. Он смотрел на Зверобоя с такой отвагой и независимостью, каких генерал давно уже не встречал.

— Как твое имя? — спросил его Зверобой.

— Меня зовут Тлейли, — отвечал чужой кролик.

— Тлейли, сэр, — поправил его Горицвет, но чужой кролик не обратил на это внимания.

— Мне сказали, что тебя задержал патруль. Зачем ты сюда явился?

— Я пришел, чтобы присоединиться к Эфрафе.

— Присоединиться к нашей колонии?

— Что странного в том, что кто-то хочет к вам присоединиться? — спросил чужой кролик.

Зверобой был ошеломлен. Он не был дураком и не мог не понимать, что добровольный приход в Эфрафу был событием чрезвычайным.

— Что ты умеешь делать? — спросил он.

— Умею бегать, драться и не испорчу сказку, коли начну ее рассказывать. Я был офицером Ауслы.

— Умеешь драться? А сможешь ли ты подраться с ним? — спросил генерал, указывая на Горицвета.

— Конечно, если вам это угодно. — Чужой кролик привстал на задних лапах и нацелил тяжелый удар Горицвету в голову. Тот едва успел увернуться.

— Не дури! — сказал Зверобой. — В какой колонии ты был офицером?

— Далеко отсюда! Нашу колонию разрушили люди, но мне удалось спастись. Я скитался по лесам. Ничего удивительного, что я услышал про Эфрафу. Я думаю, что сумею здесь пригодиться.

Зверобой задумался. Похоже на то, что этот кролик и в самом деле был офицером Ауслы. Такого богатыря охотно приняла бы в свои ряды Аусла любой колонии. Если все, что он наговорил, правда, то он сметлив, раз он сумел избежать гибели при разрушении колонии и выдержал долгие скитания по полям и лесам. Вблизи в самом деле не было других колоний. Это было доподлинно известно патрульным. Значит, чужак не лгал и действительно шел издалека.

— Хорошо, — вымолвил наконец генерал. — Полагаю, что мы сумеем тебя пристроить! Сегодня о тебе позаботится Горлицет, а завтра ты предстанешь перед Сенатом. Пока же смотри, не вздумай драться!

На другой день Сенат приступил к обсуждению потерь в офицерском составе Ауслы. Генерал Зверобой предложил назначить офицером «Метки на задней левой лапе» вновь поступившего в колонию кролика. Познакомившись с кандидатом, кролики Сената ответили на это предложение согласием. К ни-Фрису Тлейли приступил к исполнению своих новых обязанностей. Ранка из метки на его левой лапе еще кровоточила. Командиром его был капитан Кервель.

* * *

— Скажи: часто ли ваши кролики пытаются удрать? — спросил Лохмач Кервеля.

Днем он вместе с Кервелем и Гравилатом, вторым офицером метки, обошел битком набитые норы и подземные ходы. Кролики произвели на него удручающее впечатление: он никогда не видел такого унылого и забитого стада!

— Мне кажется, что с ними нетрудно справиться! — добавил он задумчиво.

— Как правило, они не причиняют нам беспокойства, — сказал Кервель. — Однако никогда не скажешь, откуда вдруг берутся неприятности! Возьмем, к примеру, «Метку правого бока»! Казалось, не было в Эфрафе более мирной и спокойной группы! И вдруг, когда в нее вошли четыре хлессиля, на другой же день эти бродяги одурачили капитана Бурачника и смылись! Бурачник не раскусил их вовремя — его разжаловали, и с ним раз и навсегда покончено! Такие события нельзя предугадать. Это — как удар молнии и действует заразительно, подобно горячке или тсарну... Бывает, что внезапно один из них ни с того ни с сего бросается бежать! Его надо тут же сбить с ног, не то за ним тотчас бросятся остальные... Если не хочешь неприятностей, нужно ни минуты не зевать! Отдыхать приходится урывками, когда сумеешь. Надо тебе также сказать, что у нас приказано зарывать помет. Если генерал обнаружит на поле незарытый помет, он заткнет тебе в глотку твой собственный хвост. На дно канавы для помета ведут отдельные ходы. Каждая метка

должна выходить только через свой ход. В канаве стоит специальный часовой.

— А как проводится проверка после сильфлея?

— Мы знаем всех кроликов метки в лицо и проверяем их, когда они возвращаются в норы. Если кто-нибудь из моих подчиненных не вернется в нору, я сразу же это замечу. Последними в ход спускаются часовые. Пожалуй, беглецам легче всего удрать, когда подается сигнал тревоги по случаю появления лисы или человека. Тут никто не разбирает, в какую нору он несется! До сих пор наши недовольные еще не скумекали, что нужно бежать навстречу элилям, и совсем напрасно, потому что как раз в этом случае из Эфрафы легко удрать!

— Можно лишь восхищаться тем, как безукоризненно все у вас организовано! — сказал Лохмач, отметив про себя, что его тайное задание оказалось еще более трудным, чем он ожидал. — Приложу все силы, чтобы раскусить ваши хитрости! А скоро ли патруль отправится в дозор?

— Первый раз ты пойдешь в дозор под началом самого генерала, — сказал Гравилат. — Только скоро ты перестанешь рваться в патруль! Генерал тебя быстро вымотает. Хотя, признаться, ты на вид здоровяк, а поскольку уже хлебнул в лесу горькой жизни, пожалуй, сумеешь с этим справиться!

В этот момент в туннеле появился кролик с белым шрамом на шее.

— Капитан Кервель! «Метка на шее» уходит в норы, сэр! — сказал он. — Вечер отличный! Желаю вам получше его использовать!

— Ну вот, пора вести нашу метку наверх! — сказал Кервель. — Пусть Гравилат стережет выход из дальней норы, а ты, Тлейли, пойдешь со мной.

Лохмач последовал за Кервелем по туннелю. Сверху, с поля, к ним доносились запахи разогретых солнцем клевера и хмеля. Офицеры дошли до выхода, и Кервель первым выбрался на поле, чтобы осмотреться. Вернувшись, он занял пост у самого выхода, а Лохмач уселся рядом. Тут он внезапно увидел в стене напротив открытую нишу. В ней сидели на задних лапах три кролика. С боков, видимо, находились полицейские Ауслафы — у них был тупой вид бандитов, — а посередине сидел небольшой кролик с почти черной шкуркой, и он был чудовищно изувечен. Его уши были разодраны и висели ленточками.

Кое-где раны зажили, так что видны были плохо сросшиеся шрамы, а местами белыми бусинами торчали куски дикого мяса. Одно веко было страшно изуродовано и едва закрывалось.

Несмотря на вечерний бодрящий воздух, у кролика был унылый и безучастный вид. Взгляд его был прикован к полу, и он безостановочно моргал. Смущенный пристальным взглядом Лохмача, он опустил голову и тревожно потер нос обеими лапами, затем почесал шею и снова замер в неподвижности.

Лохмач, чье доброе и отзывчивое сердце дрогнуло от жалости, подошел к кролику поближе и решил высказать ему свое сочувствие.

— Как тебя зовут? — спросил он для начала.

— Меня зовут Блэкавар, сэр! — ответил кролик. Он не поднял головы и отвечал безучастным тоном, как будто твердил заученный урок.

— Разве ты не собираешься на сильфлей? — спросил Лохмач, подумав, что перед ним находится какой-нибудь заслуженный ветеран колонии, изувеченный на поле боя, чьи заслуги обеспечили ему почетный караул.

— Нет, сэр! — ответил кролик.

— А почему? Вечер отменный! — заметил Лохмач.

— Я не хожу на сильфлей в это время!

— Тогда что ты здесь делаешь? — спросил Лохмач со своей обычной прямоотой.

— Метка, которая идет на вечерний сильфлей, должна меня видеть... — Он внезапно замолчал.

— Изволь продолжать! — вмешался один из полицейских.

— Я нахожусь здесь для того, чтобы меня могли увидеть все жители колонии, — сказал кролик глухим голосом. — Все должны убедиться, что я понес заслуженное наказание. Я хотел предательски покинуть колонию. Сенат был милостив ко мне! Сенат был милостив! Сенат... Я не могу всего этого запомнить, сэр, никак не могу! — Обернувшись к полицейскому, кролик горько заплакал.

Потрясенный Лохмач молчал. Затем он отошел и снова занял свое место рядом с Кервелем.

— Этот трус обязан отвечать каждому, кто задает ему вопросы, — пояснил Кервель. — Вот уже полмесяца он это твердит, а теперь совсем поглупел. Он пытался удрать, но Горицвет притащил его назад. В Сенате ему разорвали уши и велели выставить на позорном месте. Он сидит

здесь во время сильфлея. Это хороший пример для недовольных. Мне кажется, однако, что он долго не протянет. Вскоре он встретит кролика со шкуркой почернее, чем у него самого!

Лохмач вздрогнул. Его покорила жестокость Кервеля. Однако в этот момент в туннеле появились его новые подчиненные, и ему пришлось заняться делом.

Видно было, что Кервель гордится тем, что хорошо знает своих подчиненных в лицо. Заговаривая с кроликами, он старался показать, что знаком даже с мелкими подробностями их личной жизни. Правда, Лохмачу показалось, что отвечали ему скорее недружелюбно, но он приписал это общему плохому настроению. Как ни старался Лохмач, следуя совету Смородины, уловить признаки гнева и возмущения в мелькавших перед ним апатичных физиономиях, он не заметил ничего.

Последними из норы вышли три крольчихи, ведя негромкий разговор.

— Скажи-ка, Нельтильта, как продвигается твоя дружба с новыми соседками? — спросил Кервель, пропуская одну из них.

Крольчиха, прелестное создание не старше трех месяцев от роду, дерзко на него посмотрела.

— Смею заметить, вас самих скоро ожидает продвижение, капитан! — сказала она. — Вы пойдете так же далеко, как капитан Мальва, а насколько известно, он чересчур далеко ушел!

Кервель ей ничего не ответил. Он не удостоил разговором также и тех крольчих, которые следовали за Нельтильтой.

— О чем эта крольчиха болтает? — спросил Лохмач.

— Тут у нас произошли кое-какие неприятности, — отвечал Кервель. — Компания крольчих устроила скандал на заседании Сената. Генерал велел их разъединить и парочку прислал ко мне. К ним-то и пристала Нельтильта. Я слежу за мятежницами, но они меня не тревожат, а Нельтильта стала нахальной и ведет себя все время не лучше, чем сегодня. Конечно, они понимают, что хозяева положения здесь мы, наша Аусла. Однако, хотя оснований для тревоги нет, прошу тебя, Тлейли, постарайся познакомиться с этими крольчихами и привести их в норму!

— Ладно! — согласился Лохмач. — А какие у вас правила насчет брака?

— Правила брака? Да если тебе понравится крольчиха, женись на любой из нашей метки! Крольчихи — наши подчиненные!

Чувствуя на себе осторожные косые взгляды своих подчиненных, Лохмач выбрался на луг. Он был обеспокоен и смущен. Как начать порученное ему опасное дело? А начинать уже пора! Кихар дал понять, что скоро улетит на север. Надо было рискнуть и кому-то довериться, но кому? Такие колонии обычно полны шпионов и провокаторов.

«Положусь-ка я на себя,— подумал он.— Обойду всех и посмотрю, не сумею ли с кем-нибудь подружиться. Единственное, что я пока твердо знаю,— это то, что я вызволю отсюда этого несчастного Блэкавара! Клянусь Фрисом на мосту!»

Лохмач медленно поскакал по полю, освещенному последними лучами солнца. Он размышлял, пощипывая траву. Вскоре он приблизился к небольшой яме, похожей на ту, в которой они с Серебристым когда-то нашли Кихара. Спинай к нему в яме сидели три крольчихи. Он их узнал: они вышли из норы последними. Они уже утолили первый голод и сейчас болтали, пощипывая траву. Лохмач ужасно любил слушать сказки, и ему захотелось узнать, что нового рассказывают в этой странной колонии. Он тихо приблизился к краю ямы и тотчас же понял, что это была не сказка. Где же он слышал нечто подобное? Внезапно ему припомнился аромат моркови и Гусиная Лапка, стоявший над толпой. Крольчиха говорила:

— Крольчат своих юных крольчиха на поле однажды снесла поиграть...

Цвела бузина, соловей пел на воле, пух тополя начал летать!

А рожь колосилась, и весело с другом крольчиха неслась по полям.

Нора их была самой теплой в округе, привольно жилось их друзьям.

А нынче я гибну, снег хлопьями валит, давно не поет соловей.

Я плачу! Без друга тоска меня давит! Уж хоть бы погибнуть скорей!

И выводок новый во мне замерзает, а ветер веселый далеко летает!

Увы мне! Где друг мой? За что нас терзают?

Крольчиха умолкла. Ее подруги тоже молчали. Повидимому, в стихах она выразила их общую грусть и тоску.

Лохмач был крепок как телом, так и душой, в нем не было ни на грош сентиментальности, но, сам хорошо знакомый с болью и страхом, он почувствовал к крольчихам живую жалость.

Поддавшись минутному порыву, Лохмач соскочил в яму. Потревоженные крольчихи взглянули на него с ненавистью и брезгливо отодвинулись.

— Я знаю, тебя зовут Нельтильта,— сказал Лохмач хорошенькой крольчихе, недавно отбившей Кервеля.— А тебя как зовут? — повернулся он к ее соседке.

Помолчав, она неохотно ответила:

— Сесусиннан — Шелест Листвы, сэр.

— А тебя? — спросил Лохмач ту, что читала стихи.

— Хайзентли,— отвечала крольчиха.

Она повернула голову, и в ее взгляде Лохмач прочел тяжкую муку и горький упрек.

Внезапно Лохмач вспомнил, что уже слышал ее имя от Остролиста. Однако опасно было допытываться, она ли разговаривала с Остролистом.

— Не позволите ли вы нам удалиться, сэр? — дерзко спросила Нельтильта.

— Я вас не держу! Идите куда хотите,— сконфуженно пробормотал Лохмач.

Крольчихи ускакали, а он остался сидеть в яме. На прощание Нельтильта нахально на него посмотрела и громко заметила: «Что за неотесанный мужлан!», явно ожидая, что он ее одернет, но Лохмач молчал.

Перед самым концом сиффлея, когда было уже темно, на поле появился капитан Горицвет с тремя солдатами. Кервель бросился ему навстречу. Чутко прислушиваясь к разговору, Лохмач присоединился к ним. Они говорили о патрулировании железной дороги. Горицвет заявил, что не нашел там в тот день ничего из ряда вон выходящего.

— А вы ходите патрулем по той стороне железной дороги? — как будто невзначай спросил Лохмач.

— Очень редко! Там не кроличья страна, уж слишком там сыро! Когда-то я там бывал, но сейчас мы прошли обычным круговым дозором. Наше дело — собирать сведения, интересующие Сенат, и хватать тех, кто пытается улизнуть, вроде этого Блэкавара. А он здорово в тот раз меня покусал! Кстати, генерал сказал, что через

пару дней возьмет тебя в команду для патрулирования. А пока привыкай к делу! — сказал Горлицет.

— А зачем так долго ждать? Почему бы мне сегодня же не пройти с дозором! — с притворным энтузиазмом воскликнул Лохмач.

— Завтра ваш черед пастись утром и вечером, и все офицеры должны быть в сборе, когда метка выходит на утренний и вечерний сильфлей. В это время наши кролики повеселее и за ними нужно получше присматривать. А в другое время сильфлея можно отпустить любого на патрулирование. Ну, я пошел отдавать рапорт генералу! — И Горлицет удалился.

Как только кролики метки окончили сильфлей и стража увела Блэкавара, Лохмач принес свои извинения Кервель и Гравилату и ушел в свою нору. Он жил в ней один. Каждый офицер в Эфрафе владел персональной норой. Часовые пользовались двумя большими залами, а рядовой состав колонии жил в ужасной тесноте в битком набитых маленьких помещениях.

Оставшись один, Лохмач стал размышлять о выполнении задуманного плана. Открывшиеся перед ним препятствия показались ему ошеломляющими. Он ясно понял, что побег крольчих будет очень нелегким делом. План убить часового и бежать пришлось забраковать. Это не обойдется без шума, и об этом незамедлительно узнает Кервель.

Можно попытаться удрать днем, когда Кервель заснет, но тогда надо приказать часовым покинуть посты. Эта идея показалась Лохмачу вполне приемлемой. Ее осуществление могло бы пройти гладко. «А как же в таком случае быть с Блэкаваром? — вспомнил Лохмач. — Днем его держат под стражей в какой-то норе, но в какой — никто не знает! Что ж, оставить Блэкавара?»

— Нет, ни за что, пусть меня черти разорвут, если я его брошу! — пробормотал Лохмач. — Пусть Смородина назовет меня ослом! А не провалится ли из-за Блэкавара все задуманное дело? О Фрис в амбаре! Не по силам мне эта задача!

Он размышлял до тех пор, пока у него не закружилась голова, и, так ничего и не решив, заснул.

Проснувшись, он понял, что наверху светит луна, что там тихо и волшебное хорошо. Ему пришла в голову мысль: не поговорить ли сначала с кем-нибудь из крольчих?

Он вышел в туннель и споткнулся о молодого кролика, который вылез из битком набитой норе и спал, неловко приткнувшись, у входа.

— Знаком ли ты с Хайзентли? — спросил его Лохмач.

— Да, сэр! — ответил кролик, трогательно пытаясь принять бодрый и энергичный вид.

— Найди ее и пригласи в мою нору, — сказал Лохмач. — Других не зови! Понял?

— Так точно, сэр!

Когда кролик убежал, Лохмач вернулся в свою нору, с тревогой думая: не возбудил ли он уже у кого-нибудь подозрений? Правда, Кервель говорил, что эфрафанские офицеры зачастую посылали за крольчихами, так что, если Лохмача станут об этом расспрашивать, нужно будет просто получше притвориться. Лохмач улегся и стал ждать. Вскоре он услышал, что кто-то осторожно пробирается в темном туннеле к его норе.

— Это ты, Хайзентли? — прошептал Лохмач. — Входи!

— Я в вашей метке, а значит, в вашей власти, сэр! — отвечала она.

— Не бойся! Садись ко мне поближе!

Она повиновалась. Лохмач почувствовал, как совсем рядом сильно бьется ее сердце. Он заметил, что у нее закрыты глаза, а когти впились в земляной пол. Лохмач быстро прошептал:

— Слушай меня внимательно! Ты, наверное, помнишь, что недавно к вам пришли четыре хлессиля. У одного была чудесная серебристая шубка, а у другого — крысиный укус на лапе. Ты разговаривала с Остролистом, их вожакom.

Она в испуге повернула голову:

— Откуда это вам известно?

— Неважно! Слушай дальше!

Лохмач рассказал ей, с каким тайным заданием он пробрался в Эфрафу. Крольчиха слушала его не перебивая.

— Знаешь ли ты, где сейчас кролики, которые приглашали к себе ваших крольчих?

Хайзентли еле слышно прошептала:

— Ходили слухи, что они убежали, а капитан Горчица, погнавшийся за ними, убит.

— Знай: наши кролики спаслись и сейчас неподалеку. Они ловки и изобретательны. Они надеются, что мне

удастся вывести из Эфрафы недовольных крольчих. Завтра я передам моим друзьям все, что мне удалось узнать!

— Каким же образом вы это сделаете?

— Если все пойдет как надо, мое сообщение отнесет к друзьям белая птица.

Он вкратце рассказал ей историю Кихара.

Хайзентли молчала, и было непонятно, то ли она раздумывала об услышанном, то ли ее мучили страх и недоверие.

Наконец Лохмач спросил:

— Скажи: веришь ли ты мне? Вдруг я — провокатор, подосланный Сенатом?

— Нет, я чувствую, что это не так! Я вам верю!

— Бежим отсюда вместе со мной! Уговори своих подруг! Здесь вы всем помеха, а у нас вам будут рады!

Хайзентли не отвечала. Было так тихо, что слышно было, как в стенке точит ход подземный червяк. Какое-то крохотное создание проползло по траве у выхода из норы, и по туннелю пронесся слабый шелест. Не желая более пугать Хайзентли, Лохмач хранил молчание. Наконец она зашептала, но так тихо, что ее шепот можно было принять за прерывистое дыхание:

— Убежать из Эфрафы можно! Опасность велика, но мы ее преодолеем. Я это чувствую.

— Если ты чувствуешь, что нас ждет удача, то это здорово! Значит, ты уговоришь своих подруг?

Поколебавшись, Хайзентли отвечала:

— Я боюсь что-нибудь обещать... Вот если бы ко мне вернулась моя бывшая отвага! Не та я теперь стала... Я всего боюсь!

— Не бойся, теперь с вами я! — гордо сказал Лохмач.

— Члены Сената мудры и хитры!

— Им придется поднажать на мудрость! У нас кролики мудрее и хитрее, поверь мне! Скажи: давно ли Нельтильта с вами?

— Нет, она из нашей теперешней метки. Она смела, да глупа! Нельтильта гордится своей дружбой с мятежницами. Для нее все это занятная игра, ей нравится дерзить офицерам. Боюсь, в один прекрасный день она перейдет границы и на нас обрушится новая беда!

— А как ты думаешь: много ли крольчих согласится с нами уйти?

— Хрейра! У нас множество недовольных. Однако

тайну можно будет раскрыть только перед самым побегом. У нас никто не умеет держать язык за зубами, а шпионов здесь полно! Надо рассказать о бегстве одной Сесусиннан.

— Значит, решено! Я поручаю тебе выбрать крольчих,— сказал Лохмач.

— А когда мы бежим?

— Лучше бежать после захода солнца. Нас встретит Орех со своим отрядом! С ними наша огромная птица! Она будет сражаться за нас! Такое и не снилось генералу Зверобою!

Хайзентли снова замолчала, и Лохмач, втайне радуясь и восхищаясь ею, понял, что она обдумывает его план, ища, нет ли в нем просчетов.

— Неужели ваша птица сумеет напасть сразу на нескольких кроликов? Сам генерал с отборной стражей бросится за нами в погоню!

— Говорю тебе, наши друзья сумеют перехитрить вашего Зверобоя. Скажи: ты когда-нибудь видела реку?

— А что это такое?

— Ну вот, так я и думал! Могу только обещать тебе, что далеко нам бежать не придется. Если солдаты Ауслы нас нагонят, мы в один миг исчезнем у них с глаз! Клянусь тебе Фрисом!

Хайзентли молчала.

— Если ты ошибаешься, Тлейли, то можно будет лишь позавидовать тем, кто умрет скорой смертью! — сказала она наконец.

— Да никто не умрет! Мои друзья такую штуку придумали, что самому Эль-Эхрейре впору!

— Если ты предполагаешь побег во время захода солнца, то это должно случиться не позднее чем завтра или послезавтра. Через два дня нашу метку больше не станут выпускать на вечерний сильфлей.

— В таком случае побег назначаю на завтра! Зачем дольше тянуть? Да, тут есть еще одно дельце: мы должны забрать с собой Блэкавара.

— А вдруг Блэкавар испугается и не сможет бежать?

— Надо его предупредить!

— Но ведь стражники его ни на минуту не отпускают!

— А долго ли ему сидеть под стражей? — спросил Лохмач.

— Когда его покажут кроликам всех меток, члены Сената его казнят!

— Тогда решено! Я без него не уйду!

— Тлейли, ты очень отважен! Но тут нужна хитрость! Завтра от твоей ловкости будет зависеть все! Помни, я вручаю тебе жизнь моих друзей!

— Что ты волнуешься, разве в нашем плане есть просчеты?

— Нет, я так не считаю. Но я всего лишь слабая крольчиха. Вдруг произойдет что-нибудь непредвиденное?

— Попробуем рискнуть! Разве ты не хочешь бежать отсюда и поселиться вместе с нами на высоком холме?

— О Тлейли! А нам позволят выбрать себе друзей? Разрешат принести потомство?

— Конечно! И мы также будем ходить на сильфлей не по расписанию, а когда нам этого захочется! Будем в Сотях рассказывать сказки! Честное слово, это будет чудесная жизнь!

— Тогда я согласна рискнуть! Я убегу!

Хайзентли ушла, и Лохмач почувствовал беспредельную усталость. Он старался думать о том, что его друзья находятся поблизости и через день они увидятся. Тем не менее он отдавал себе отчет в том, что между ними лежит все Эфрафанское царство, и это была далеко не шутка! Лохмач задремал, но в полусне ему привиделся капитан Горицвет. Горицвет превратился в чайку и с воплями летал над рекой. Лохмач в страхе проснулся. Над всеми его снами витала гигантская тень генерала Зверобоя, размерами больше лошади. Наконец, измученный волнением, он уснул глубоким сном, и жуткие сновидения покинули его.

4+4+4+3.

Гром

приближается

Лохмач пробуждался ото сна медленно, как поднимается со дна реки пузырек воздуха. В его норе почему-то оказался чужой кролик. Одним рывком вскочив, Лохмач спросил:

— Кто тут?

— Не ори! Это я, Гравилат. Пора выходить на сильфлей! Жаворонки уже запели. Ну и мастер же ты дрыхнуть, Тлейли!

— Ага, иду.— Лохмач уже направился к выходу, но его приковал к месту вопрос Гравилата:

— А кто такой Пятый?

Лохмач сразу же подобрался:

— Чего, чего?

— Кто этот Пятый?

— А мне откуда знать?

— Ты тут болтал во сне: «Спросите Пятого, спросите Пятого». Вот мне и интересно стало: кто этот Пятый?

— А, Пятый! Это кролик из нашей колонии. Он у нас предсказывал погоду.

— Сейчас ему нетрудно было бы предсказать погоду! Чувствуешь, как в воздухе пахнет грозой?

Лохмач понюхал воздух. Он различил густой запах тяжелых кучевых облаков. Лохмач хотел было укрыться в норе, но потом решил, что такой пустяк, как близкая гроза, вряд ли нарушит расписание принятия пищи в Эфрафе. Он не ошибся. В нише у выхода уже сидел Блэкавар со своими охранниками, а перед ними на задних лапах стоял Кервель. Увидев Гравилата и Лохмача, он направился к ним.

— Поторапливайся, Тлейли! — недовольно сказал он.— Часовые уже на поле. Боишься ли ты грозы?

— Боюсь, да еще как! — выпалил Лохмач.

— Смотри, чтобы кролики твоей метки не заметили, что ты трусишь! Итак, в распорядке дня без особого приказа ничего не менять!

— А я его сегодня едва добудился! — не без злорадства ввернул Гравилат.— Скажи-ка, Тлейли, уж не вызывал ли ты к себе какую-нибудь крольчиху? Значит, ты всерьез собираешься жениться?

— Уже? Какую ты выбрал? — поинтересовался Кервель.

— Хайзентли! — отвечал Лохмач.

— Девчонка эта — марли тсарн, то есть с приветом! — сказал Кервель.— Свихнулась после допросов!

— Подумаешь, если я кого и вызывал! — обиженно пробурчал Лохмач.— Ты же сам велел мне поближе познакомиться с этими крольчихами! Я и заставил ее разговориться!

— А узнал ты от нее что-нибудь дельное?

— Почти ничего! — буркнул Лохмач, выбравшись на поле.

Наблюдая за кроликами своей метки, Лохмач при-

нялся размышлять о том, как бы освободить Блэкавара. Однако прежде всего ему надо было переговорить с Кихаром.

Лохмач осмотрелся. Что делать, если Кихар его не разыщет? Однако Лохмач напрасно беспокоился: Кихар уже с самого рассвета летал над полем. Увидев, что эфрафанцы вылезли пастись на луг, Кихар сел на землю неподалеку от часовых и сделал вид, что ищет в траве насекомых.

Притворившись, что лакомится клевером, Лохмач начал осторожно продвигаться в сторону своего приятеля. Стараясь не оглядываться, он вдруг почуял, что Кихар стоит у него за спиной.

— Мистер Лохмач! Нельзя долго беседовать! — проормотал Кихар. — Мистер Орех спрашивает: каковы ваши приказания?

— Будьте готовы к бою сегодня вечером! Ждите меня у арки в полной боевой готовности! — прошептал Лохмач. — За нами будет погоня! А эта штука, лодка, все еще на месте?

— Да, люди пока ее не забрали! Я передам ваш приказ!

Лохмач торопливо продолжал:

— Видишь кроликов у края поля? Это часовые! Твоя задача — разогнать их во время боя. Не жалей сил! А я вылезу из норы и поведу за собой мамаш! Все мы помчимся к арке. Может быть, за нами погонятся патрули. Сможешь ли ты их поколотить?

— Да! Да! Я на них налечу! Они отстанут!

— Тогда у меня все! Как чувствует себя Орех и все наши друзья?

— Все хорошо! Все говорят, вы — дьявольски храбрый молодец!

Лохмач хотел еще что-то сказать, но заметил, что к нему во весь опор мчится Кервель. Лохмач быстро отскочил от Кихара и деловито занялся пучком клевера. Кихар поднялся в воздух и исчез за деревьями. Подскакав к Лохмачу, Кервель посмотрел чайке вслед и спросил:

— Разве ты не боишься этих птиц?

— Не очень-то я их боюсь!

— Они нападают на мышей и на крольчат. Завтракать по соседству с ней было рискованно. Зачем такая неосторожность?

Вместо ответа Лохмач встал и отвесил Кервелю дружескую оплеуху, от которой тот упал и перевернулся через голову.

— Вот зачем! — захохотал Лохмач.

— Ладно, я уже понял, что ты сильнее и тяжелее меня. Но да будет тебе известно, что для эфрафанского офицера одного веса мало! Однако дело не в этом! Ты обязан знать, что эти птицы бывают опасными. Странно, что она летает поблизости: их сезон в наших местах кончился. Придется о ней доложить в Сенат.

— Зачем это?

— Это подозрительно. Все подозрительное интересует Сенат. Мы будем выглядеть порядочными дураками, если кто-нибудь другой об этом заявит, а ведь все кролики нашей метки видели на поле эту птицу. Ну, я пошел докладывать!

Как только Кервель ускорил, Лохмач отправился на поиски Хайзентли. Он нашел ее и Сесусиннан в уже знакомой ему яме. Обе были сильно встревожены. Лохмач доложил о своих переговорах с Кихаром.

— Неужели эта птица в самом деле нападет на часовых? — спросила Сесусиннан. — В жизни никогда такого не слыхивала!

— Обещаю вам, что она на них бросится. Соберите крольчих к вечернему сальфлею!

— А куда нам бежать? — спросила Сесусиннан.

Лохмач вывел крольчих в поле, откуда была хорошо видна находившаяся не более чем в четырехстах метрах железнодорожная насыпь и арка в ней.

— Нас наверняка нагонит Горлицвет! — заметила Сесусиннан.

— Ну и пусть! Ему уже однажды досталось от Блэка-вара, — сказал Лохмач. — А теперь — уходите; вон Гравилат уже ведет на поле часовых. Обещайте мне не волноваться по-пустому! Жуйте жвачку и ложитесь отдыхать! Кто не заснет, пусть точит когти, они нам пригодятся!

Кролики метки спустились по одному в норы, а Блэка-вара увели охранники. Лохмач вернулся в свою нору. Он старался не думать о том, что должно было произойти вечером.

В конце концов он решил, что лучше провести этот день в веселой компании. Он обошел нижние норы, поиграл с другими кроликами в камушки, прослушал две сказки и рассказал одну сам, а затем попросил у Кервеля

разрешения навестить кроликов соседней метки. Получив его, он перешел Криксу, попасса вместе с «Меткой на левом боку» во время вечернего сальфлея и отправился с офицерами этой метки в их нору.

По сигналу на вечерний сальфлей Лохмач поднялся на поле, дрожа от волнения. Вместе с Кервелем Лохмач проверил, как кролики их метки выходят на сальфлей. Хайзентли и Сесусиннан прошли мимо Лохмача, не повернув в его сторону головы. Обе казались спокойными, но он знал, что они волнуются ничуть не меньше его самого. Кервель проводил последнего кролика и поднялся наверх.

Удостоверившись, что Кервель отошел уже далеко, Лохмач поднялся вслед за ним. В первую минуту солнце ослепило его, и он присел на задние лапы, моргая и потирая морду, пока глаза не притерпелись к яркому свету. В небе он увидел пролетающего над полем Кихара.

«Час настал! — подумал он. — Теперь за дело!»

Внезапно он услышал за своей спиной ледяной голос: — Я хочу с тобой поговорить, Тлейли! Ступай за мной под деревья.

Лохмач обернулся, и у него опустились лапы. Перед ним стоял генерал Зверобой.

Первым побуждением Лохмача было немедленно вступить с генералом в бой, но он решил, что это вызовет нежелательные последствия. Поэтому Лохмач безмолвно последовал за генералом в тень возле дороги. Солнце уже садилось. Небо заволкло тучами, и под деревьями стояла душная мгла. Лохмач выжидательно взглянул на Зверобоя.

— Тебя сегодня не было на месте, в норах твоей метки! — начал Зверобой.

— Никак нет, сэр. — Как ни претило Лохмачу почтительное обращение к генералу, приходилось угодничать, раз он занял пост эфрафанского офицера. Лохмач, однако, не прибавил, что он был в чужой норе с разрешения Кервеля.

— Где же ты был?

Подавляя вспыхнувшее раздражение, Лохмач подумал, что Зверобой отлично знает, где он был.

— Я пошел в «Метку левого бока», сэр.

— Зачем?

— Чтобы лучше провести время и поучиться у ваших офицеров, слушая их рассказы.

— Виделся ли ты с солдатом Ауслы из «Метки на левом боку» по имени Крестовник?

— Весьма возможно, я не запомнил всех имен.

— Встречался ли ты с ним когда-нибудь раньше?

— Нет, сэр! Как я мог с ним когда-нибудь встречаться?

Наступила пауза.

— Разрешите спросить, в чем дело? — спросил Лохмач.

— Здесь вопросы задаю я! Твое дело — отвечать! — оборвал его Зверобой. — Крестовник говорит, что он тебя уже видел однажды. Он узнал тебя по хохолку на темени. Ты не догадываешься, где вы с ним встречались?

— Не имею об этом ни малейшего представления!

— Припомни: не гналась ли за тобой на днях лиса?

— Да, сэр, так точно, гналась пару дней назад, по пути сюда.

— Ты ее натравил на отряд наших кроликов, и она растерзала одного из них!

— Я не собирался ее ни на кого натравливать! Я не знал, что в лесу ваши кролики!

— Однако ты утаил это от меня!

— Мне не пришло в голову, что это так важно. Ведь нет преступления в том, чтобы кролик спасался от лисы!

— По твоей вине погиб эфрафанский офицер!

— Это была несчастная случайность! Что, лиса не могла схватить его без моей помощи, сама по себе?

— Нет, не могла! Мальва был опытным офицером! Такой не побежит навстречу лисе! Лисы не страшны тем кроликам, которые знают, как себя вести!

Зверобой в упор смотрел на Лохмача своими большими блеклыми глазами.

— У меня есть еще один вопрос, Тлейли! Патруль Мальвы шел по следу тайнственного отряда неизвестных кроликов. Что ты об этом знаешь?

— Я тоже заметил следы кроликов, и примерно в то же время.

— А тебя с ними не было?

— Если бы я был с ними, разве я пришел бы в Эфрафу?

— Повторяю, здесь вопросы задаю я! Знаешь ли ты, куда направляются эти кролики?

— Боюсь, что мне больше нечего прибавить, сэр!

Зверобой отвел глаза и замолчал. Лохмач почувствовал, что генерал дожидается, чтобы Лохмач попросил разрешения уйти, и твердо решил не раскрывать рта.

— Есть еще одно важное дело,— наконец добавил Зверобой.— Оно касается белой птицы, которую все видели сегодня утром на поле. Ты не боишься этих птиц?

— Я не слышал, чтобы они обижали кроликов!

— Каким образом ты оказался рядом с ней?

Лохмач лихорадочно придумывал ответ.

— Сказать по правде, сэр, мне очень хотелось отличаться перед капитаном и ошеломить его!

— Если уж тебе так хочется отличаться, постарайся ошеломить меня! Послезавтра я поведу Большой Патруль. Мы перейдем железную дорогу и отыщем за ней незнакомых кроликов! Тех самых, которых Мальва непременно бы выследил и нагнал, если бы ты не налетел на него!

— Отлично, сэр, очень рад, сэр!

Снова наступило продолжительное молчание. Наконец генерал сказал:

— Ты свободен. Ступай в свою метку!

Лохмач вышел на поле, но сильфлей уже подходил к концу. Солнце село, приблизились сумерки. Свет вечерней зари едва пробивался сквозь плотные тучи. Кихара нигде не было видно. Кролики метки под присмотром часовых уже спускались в норы. Лохмач уселся в траве, поджидая, пока последний кролик не скроется под землей, в отчаянии от того, что назначенный на вечер побег не состоялся.

* * *

Когда последний свет в покрытом облаками небе угас, Орех проскакал по жесткой почве под аркой, выбрался на насыпь и замер, прислушиваясь. Вскоре его догнал Пятый, и они вдвоем прошли несколько шагов в сторону Эфрафы.

Было тепло и душно, пахло зреющим ячменем и дождем. Поблизости все было тихо, но издалека, с болотистого луга у ближнего берега реки, слышался возбужденный птичий крик: то перекликалась парочка болотных куликов. Кихар летал над насыпью. Увидев Ореха, он спустился на землю.

— Ты ничего не напутал, Кихар? Лохмач сказал тебе, что побег состоится именно сегодня? — спросил его Орех.

— Ага! Плохо дело! Наверное, его схватили — и конец мистеру Лохмачу! — прокричал Кихар.

— Я в этом не уверен,— сказал Пятый.— Я вижу

тучи, слышу гром! Поле у Эфрафы похоже на дно реки. Там происходят сейчас невероятные события...

— А не видишь ли ты Лохмача? Вдруг его уже убили? Может быть, его сейчас пытаются! — в ужасе закричал Орех.

— Своим беспокойством ты ему не поможешь, Орех-ра! Может быть, Лохмач не может бежать по какой-то иной причине. Пусть Кихар утром снова слетает в Эфрафу и все разузнает! — предложил Пятый.

— Я все же не в силах отсюда уйти! — в тревоге сказал Орех.

— От твоего сидения здесь не будет никакого толку, а у тебя притом еще болит нога! Ты сейчас пытаешься щипать траву, которая еще не выросла, и зря тревожишься.

Они вернулись под арку. Услышав их шаги, залегшие в крапиве кролики беспокойно зашевелились.

— Орех-ра! — робко обратился к Ореху неслышно подошедший Горшочек. — Не правда ли, ничего не случилось и Лохмач завтра придет?

— Конечно, он придет! — без особой уверенности отвечал Орех. — Не то я сам пойду за ним в Эфрафу, Хлао-ру!

— Я тоже пойду с тобой в Эфрафу! — сказал, осмелев, Горшочек.

* * *

Тем временем Лохмач сидел в эфрафанской норе, скорчившись и прижавшись к теплому боку Хайзентли. Под землей было жарко, и туннели их метки заполнил душный предгрозового воздух. Лохмач дрожал от тревожного ожидания. Когда Зверобой его отпустил, Лохмач испытал ужас, испокон веков знакомый всем заговорщикам. А вдруг у Зверобоя были еще какие-нибудь данные? Без сомнения, все секретные сведения поступают к нему.

Может быть, Зверобой уже разгадал тайное задание Лохмача и поджидает удобного момента, чтобы арестовать его?

Ясно, что на стороне генерала сейчас все преимущества. Он держит в своих лапах нити заговора, тогда как Лохмач неуклюже пробирается через непроходимые заросли и выдает себя малейшим движением! Больше

всего Лохмач тревожила мысль о завтрашней операции. Снова подойти к Кихару? Но тогда он попадет под подозрение. Что бы он ни сделал, куда бы ни шагнул, его тайна, как вода, грозит вот-вот вытечь наружу из множества маленьких дырочек, и он не может их заткнуть!

Однако худшее ожидало его впереди.

— Тлейли,— тревожно зашептала Хайзентли.— Давай убежим вместе с тобой сегодня ночью! Мы с Сесусинан свалим часового у входа и исчезнем прежде, чем за нами кинется патруль!

— А почему именно сегодня? — спросил Лохмач.— Что случилось?

— Мне очень страшно! — отвечала она.— Я рассказывала план побега крольчихам, и я боюсь, как бы кто-нибудь из них не проболтался. В Эфрафе трудно хранить тайны. Может быть, кто-то сейчас шпионит за нами. Фрис свидетель, мы очень осторожно выбирали тех, кому можно довериться, и все же... Нас могут схватить еще до рассвета...

Лохмач попытался спокойно продумать положение.

Конечно, убежать с парой решительных крольчих было бы нетрудно. Но в таком случае он приведет только двух крольчих, и все это потому, что у него сдали нервы! Ни Серебристый, ни другие его друзья не поймут, что здесь творится и что ему приходится переносить! Они решат, что он трусил и удрал!

— Нет, мы не имеем права сдаваться,— твердо сказал Лохмач.— Обещаю тебе: завтра мы убежим из Эфрафы! А сейчас постарайся заснуть!

Хайзентли задремала, а Лохмач подумал, что ему, может быть, так и не удастся выполнить своего обещания и утром их скорее всего разбудит полиция.

«Если за нами явятся, я буду драться, пока меня не разорвут на куски! Не сделать им из меня второго Блэкавара!» — решил он.

* * *

Проснувшись, Лохмач увидел, что Хайзентли ушла и он остался один. Начался рассвет, а духота так и не рассеялась. Тревожно выглянув из соседней норы, дежурный часовой Вербейник обратился к Лохмачу.

— Ох, чем эта духота, уж лучше бы пошел дождь, сэр! — сказал он.— Влажность такая, что трава киснет!

— Не повезло нашей метке в последний день нашего

сильфлея! — поддержал его Лохмач. — Ступай разбуди капитана! Я подежурю вместо тебя!

Вербейник ушел, а Лохмач уселся у выхода, вдыхая душный воздух. Небо нависло над самыми вершинами деревьев, густые облака стояли неподвижно, с утренней стороны занимался ярко-оранжевый восход. Ни жаворонок, ни скворцы не пели. На пустом поле царила тишина. Внезапно Лохмач охватило непреодолимое желание бежать. Можно было биться об заклад, что в такой день Горлицы и его дозорные не пойдут обходом вокруг Эфрафы. В такую погоду все животные и насекомые окрестных полей и лесов, наверное, онемеют под огромной душной лапой грозы. Сегодняшний день был настолько неблагоприятен для всего живого, что все затаится в норах. Однако беглецам это было на руку, так как скрыться в такую погоду было сравнительно легко!

Вдруг за спиной Лохмача послышались шаги: это охранники вели узника. В грозном сумраке Блэкавар казался еще более измученным и усталым, чем обычно. У него был сухой нос и сверкали белки закатившихся глаз. Лохмач выскочил на поле, схватил листик клевера и поднес ему к носу.

— Попробуй клевера и смотри веселей! — сказал он.

— Это воспрещается! — вмешался один из часовых.

— Пусть ест, не тронь его, Бертсия, — сказал второй. — В такой тяжелый день мы сами еле дышим, а что уж говорить об этом бедняге!

Блэкавар проглотил листик клевера, а Лохмач отправился на свое место. Скоро во главе отряда появился Кервель. Кролики шли вяло и неохотно, и сам Кервель далеко не был веселым и подтянуто-бравым, как обычно. Он безмолвно пропустил наверх Хайзентли и Сесусиннан. Однако Нельтильта остановилась перед капитаном и дерзко посмотрела ему в глаза.

— Что, капитан, действует на вас погода? — спросила она. — Подбодритесь! А то вас потрясет одно интересное известие!

— Что такое? — грозно закричал Кервель.

— Ничего особенного! Вдруг у крольчих вырастут крылья и они мгновенно улетят?

Она выскочила на поле вслед за другими. Кервель хотел было ее остановить, но Лохмач его окликнул:

— Я, кажется, занозил заднюю лапу! Взгляни-ка, что у меня на пятке!

— Идем к свету! — сказал Кервель и занялся лапой Лохмача. Однако то ли он все еще думал о словах Нельтильты, то ли по иной причине, он искал занозу не слишком тщательно, что было к лучшему, потому что ее там не было.

— А, к чертям! — сказал он, подымаясь. — Опять сюда прилетела эта проклятая птица! Чего ей у нас надо?

— А что нам до нее за дело? Пусть ищет улиток! — попытался его успокоить Лохмач.

— Все подозрительное может стать источником опасности, — возразил Кервель. — А ты держись от нее подальше, Тлейли! Смотри у меня!

— Пожалуйста! А разве ты сам не сумеешь ее прогнать?

— Не смей меня! Ты предлагаешь мне напасть на такую громадину, с клювом толщиной с мою переднюю лапу?

— Совсем не надо на нее нападать! Просто я помню одно заклинание, которому учила меня в детстве мать. Наверное, ты знаешь такую песенку:

Божья коровка,
Улети на небо,
Принеси нам хлеба!

— Ну, этот-то заговор против божьих коровок действует просто: они доползают до конца травинки, а когда некуда больше ползти, улетают!

— Будь по-твоему! Только, если тебе надоела эта птица, я знаю легкий способ от нее избавиться и вообще помню множество заговоров.

— А что это за заговор? — поинтересовался Кервель.

— Надо всего-навсего сказать:

Лети, лети, большая птица,
Чтоб к ночи снова возвратиться!

Конечно, читать этот заговор надо на языке лесов и полей! Нечего ожидать, чтобы птицы понимали кроличий язык! Давай все же попробуем! Если это подействует, наши ребята подумают, что она тебя испугалась! Гляди, вон она присела за репейником! Надо подскочить поближе, затем сделать прыжок направо, еще один — налево и пошаркать по земле лапой! Так! Так! У тебя это отлично получается! Теперь надо насторожить уши и скакнуть вперед. Ну, вот мы уже у цели! Давай теперь хором!

Лети, лети, большая птица,
Чтоб к ночи снова возвратиться!

При этих словах Кихар поднялся в воздух, а Лохмач с торжествующим видом произнес:

— Ну, что я тебе говорил? Нет, честное слово, в этих старинных колдовских заклинаниях что-то есть! Ведь все-таки птица улетела!

— Скорее всего ее спугнули наши дурацкие прыжки, — кисло заметил Кервель. — Воображаю, какими идиотами мы оба выглядели! Что подумали о нас наши подчиненные?

* * *

Счастье не изменило Лохмачу и в дальнейшем. В то же утро ему удалось один на один поговорить с Блэкаваром. Обойдя раскаленные норы, Лохмач обнаружил, что у всех обитателей колонии сбивается дыхание и лихорадочно колотится сердце. Он уже собирался пойти к Кервелю и попросить разрешения на то, чтобы их метка провела день наверху, под кустами. Это был бы еще один шанс для бегства. Тут он вдруг почувствовал, что ему необходимо вылезти на траву.

Когда Лохмач подскакал к канаве, у входа в нее толпились молодые кролики. Лохмач вспомнил свою роль строгого офицера и начал лицедействовать со всей убедительностью, на которую только был способен.

— Что вы здесь делаете? — грозно накинулся он на кроликов.

— В канаве часовые с заключенным, сэр! — ответил один из кроликов. — Туда никого не пускают, сэр!

В самом деле, возле канавы для помета толпой стояли стражники Ауслы.

Возмущенный Лохмач пробил себе путь к началу канавы. У входа начальник патруля Бертсия беседовал с охранником.

— Боюсь, сэр, что вам придется подождать, — сказал Лохмачу Бертсия. — В канаве заключенный, но он там не засидится!

— Прочь с дороги! Я тоже не собираюсь засиживаться! — вскричал Лохмач. Он оттолкнул Бертсию и вскочил в канаву.

Невдалеке под нависающей листвой дикой петрушки сидел Блэкавар. По ранам на его ушах бродили мухи. Лохмач проскакал пару шагов и уселся поблизости.

— Слушай, Блэкавар, — быстро заговорил он. — Кля-

нусь Фрисом, я — тайный враг Эфрафы. Сегодня ночью мы с крольчихами бежим. Я постараюсь забрать тебя с собой. Будь готов к бегству!

Не ожидая ответа, Лохмач отошел в сторону и сделал вид, что ищет себе местечко поудобнее.

Бертсия уже ждал Лохмача у выхода.

— Сэр,— обратился он к Лохмачу.— Вот уже второй раз вы нарушаете приказ и противодействуете властям! Я подам рапорт о вашем поведении, сэр!

Не удостоив его ответом, Лохмач полез в свою нору и уснул.

4+4+4+4. *Гроза* *разразилась*

К вечеру стало невыносимо душно. На зеленой дорожке у берега реки сидел до крайности встревоженный Орех. Он ломал голову, пытаясь догадаться, что сейчас происходит в Эфрафе.

— Разве Лохмач не просил тебя напасть на часовых вчера вечером? Разве он не говорил, что во время поднявшейся суматохи уведет крольчих? — в сотый раз спрашивал он у Кихара.

— Да, говорил, но что-то сорвалось. Тогда сказал — уходи, приходи к ночи!

— Значит, план его остался без изменений. Однако неизвестно, когда Лохмач сумеет убежать. Ведь уже темнеет. Что ты думаешь по этому поводу, Серебристый?

— Если ты так волнуешься, почему бы нам немедленно не двинуться к арке, где мы должны встретить Лохмача с крольчихами?

— Нет, риск слишком велик! По окрестностям непрерывно ходят патрули. Если нас заметят, в Эфрафе подадут сигнал тревоги и Лохмачу снова не удастся бежать!

— Послушай, Орех-ра,— сказал Смородина.— Почему бы нам не спрятать отряд у лодки в прибрежных кустах? Кихар нападет на часовых, прилетит сюда и скажет нам, когда вступить в бой!

— Это чудесно, только тогда мы должны будем со всех ног мчаться к арке, чтобы поспеть на помощь к Лохмачу. Мы понадобится ему не меньше Кихара!

— Где уж тебе, с твоей ногой, мчаться к арке! — заметил Пятый. — Лучше всего тебе забраться в лодку и заняться канатом. К тому моменту, как прибежит Лохмач с крольчихами, ты должен ровно наполовину перегрызть его. А о сражении пусть позаботится Серебристый! Орех задумался.

— Мне все-таки не хочется прятаться за вашими спинами! Может быть, кого-нибудь из вас тяжело ранят или убьют!

— Нет, Пятый прав! Ореху нельзя рисковать, он хромает и может попасться в лапы эфрафанцев! Сейчас его главнейшая задача — перегрызть канат, и именно наполовину. Это не всякий сумеет! Канат должен оборваться только в нужный нам момент — не раньше, не позже! — заявил Смородина.

Убеждать Ореха пришлось долго, но в конце концов он с большой неохотой согласился остаться в лодке, пока его друзья пойдут навстречу Лохмачу.

Лохмач открыл глаза, услышав, что кто-то зовет его.

— Тлейли! Тлейли! Проснись! — кричала Хайзентли.

— В чем дело? Что стряслось?

— Нельтильту арестовали! А она знает о побеге!

Лохмач вскочил на ноги.

— Вербейник пришел за ней и приказал ей немедленно явиться к капитану Кервелю! Там ее уже поджидали два сенатских полицейских. Ах, Тлейли! Она нас выдаст!

— Время не ждет! Забирай крольчих и тащи их в мою нору! — приказал Лохмач.

Едва поступь Хайзентли замерла вдали, как в туннеле раздались чьи-то чужие шаги.

— Кто идет? — резко повернувшись, вскричал Лохмач.

— Это я, Кервель! Нам грозит куча неприятностей! Только что полиция арестовала Нельтильту. Меня вызвали в нору Сената. Вы с Гравилатом остаетесь на посту. Немедленно выставь часовых! Никакого силфлея! Никого не выпускать ни под каким предлогом!

— Ты уже отдал приказ Гравилату? — спросил Лохмач.

— У меня нет времени его разыскивать! Немедленно ступай и расшевели часовых! Сразу же вызови Грави-

лата и передай Бертсии, что Блэкавар сегодня не понадобится! Затем засядьте вместе с часовыми у всех нор! Не знаю, может быть, в самом деле существует какой-то заговор и кролики решили поднять восстание! Нельтильту взяли без шума, но в метке скоро догадаются о том, что произошло. Ну, я бегу! Пока!

Лохмач проводил Кервеля до конца туннеля. У выхода дежурил Майоран.

— Ты слышал приказ? — спросил его Лохмач. — Из-за плохой погоды назначен ранний сильфлей. Нужно немедленно выводить кроликов!

Лохмач с тревогой ожидал ответа. Если Кервель уже отдал Майорану приказ никого не выпускать, придется с Майораном подраться. Однако тот невозмутимо спросил:

— А что, раскатов грома еще не слышно?

— Немедленно выгоняй их на сильфлей, слышишь? — уже грозно повторил Лохмач. — Вызови охранников с Блэкаваром! Да не тяни!

По-видимому, Хайзентли не теряла времени даром, так как у Лохмача в норе уже сидели три крольчихи, а кучка крольчих во главе с Сесусиннан жалась к стенкам бокового туннеля. Все были порядочно перепуганы, а кое-кто был от ужаса близок к оцепенению. Все молчали.

— Сейчас не время для припадков и нервного тсарна! — твердо сказал Лохмач. — Выполнять мои приказания, если вам дорога жизнь! Через минуту охранники притащат Блэкавара. Я нападу на охрану! Как только услышите шум схватки, бегите со всех ног в поле!

Тут в проходе послышались шаги охраны, ведущей арестанта. Лохмач узнал усталую поступь Блэкавара. Тот едва волочил лапы. Лохмач двинулся к выходу.

— Боюсь, что я зря вас вызвал, — обратился к Бертсии Лохмач. — Сию минуту объявили, что сильфлей на сегодня отменяется. Выгляни и сразу поймешь почему.

Бертсия направился к выходу, а Лохмач проскользнул поближе к Блэкавару.

— Ага, похоже на грозу, — сказал Бертсия, высунувшись из норы.

— Не зевай, Блэкавар! — воскликнул Лохмач, набросившись на Бертсию с тылу. Бертсия от неожиданности вывалился наружу, а Лохмач воспользовался моментом, уселся на него верхом и принялся колотить. Однако Бертсия недаром служил в Ауслафе и славился как опытный боец. Он изловчился и вонзил свои зубы в плечо

Лохмача. Раньше такой прием всегда приносил ему успех. Однако вряд ли этот метод был уместен в бою с кроликом такого тяжелого веса и выдающейся отваги, каким был Лохмач. С рыванием высвободив обе задние лапы, Лохмач с силой ударил ими Бертсию в бок и через минуту уже стоял над поверженным врагом, не обращая внимания на острую боль в плече. Увидев, что Бертсия ранен и не может подняться, а только бессильно дергает лапами, Лохмач отскочил в сторону.

— Считаю, тебе повезло, что я тебя не уколол! — сказал он, ругаясь и обливаясь кровью.

Затем Лохмач стремительно кинулся обратно в нору. Здесь Блэкавар уже боролся со вторым часовым. В глубине туннеля к ним бежали Хайзентли и Сесусиннан. Лохмач нанес второму охраннику ужасный удар по голове. Тот отлетел в конец туннеля, в нишу для заключенного.

— Не двигайся с места, а то получишь еще! — угрожал ему Лохмач. — Ты живой, Блэкавар? — спросил он.

— Да, сэр! Что прикажете делать?

— За мной, все за мной! Бежим! — вскричал Лохмач.

Он помчался к выходу. Когда Лохмач обернулся посмотреть, следуют ли за ним крольчихи, у другого выхода он увидел удивленную физиономию Гравилата.

— Тебя ищет капитан Кервель! — успел крикнуть Гравилату Лохмач, во всю прыть выскакивая на поле.

Не успел Лохмач добежать до репейника, у которого они недавно беседовали с Кихаром, как раздался долгий раскат грома. Закапали первые большие и теплые капли дождя. Охваченный безумным восторгом, Лохмач несясь вперед под ярко-желтым светом молний. Он не чувствовал раны в плече. Буря стала его другом! Она поможет ему перехитрить эфрафанцев!

Лохмач был уже на поле, когда раздались первые сигналы тревоги. Он остановился, ища глазами арку. По земле гулко разносился тревожный стук. Оглянувшись на бегущий за ним отряд крольчих, он заметил, что никто из них не отстал. Они бежали рядом, растянувшись в широкую шеренгу. Кролики, как правило, разбегаются в стороны веером. Его крольчихи точно так же развернулись в строй. Чтобы не попасться в лапы патрульным, надо было собраться вместе! Он стал искать глазами какой-нибудь забор, за которым можно было бы спрятаться. С запада вплоть до железнодорожной арки тянулись кусты высокой

зеленой изгороди. Лохмач увидел бежавшего вблизи Блэкавара и подскакал к нему.

— Нам нужно перебраться через изгородь, — сказал он. — Собери крольчих! Перелезайте изгородь и прячьтесь за ней!

Поравнявшиеся с ними Хайзентли, Сесусиннан и еще три крольчихи были испуганы и дрожали.

— Слышишь стук! Это подняли тревогу! Они бегут за нами, Тлейли! — вскричала Сесусиннан.

— Не отрывайтесь от меня! Бегом! — скомандовал Лохмач.

Он не предполагал, что его крольчихи так быстро бегут. Когда Хайзентли и Сесусиннан стремительно понеслись в сторону изгороди, с ними поравнялось еще несколько крольчих. Лохмачу показалось, что теперь они сумеют справиться с любым патрулем, а может быть, одолеют даже специально усиленный отряд. Он повернул и, держась вдоль кустов, повел крольчих по полю. Прямо перед ними в поросшей кустами насыпи уже совсем близко виднелась железнодорожная арка. А ждет ли их там Орех? И почему нигде не видно Кихара?

* * *

— Что же должно было случиться потом, Нельтильта? — спросил генерал Зверобой. — Не колоти ее без усталости, Вербена! Дай ей ответить!

— Ой, о-о-о-ой!.. Хайзентли сказала, что большая птица нападет на часовых Ауслы, а мы убежим во время переполоха... — захлебываясь, пробормотала Нельтильта.

— А ты не врешь? Что это за птица?

— Не знаю, ничего не знаю! — всхлипывала Нельтильта. — Этот новый офицер... Хайзентли сказала, что он прикажет птице... напасть на патруль!

— Эй, Кервель! Выкладывай, что ты знаешь по этому поводу, — обернулся Зверобой к Кервелю.

— Я об этом уже докладывал, сэр. Извольте заметить, что я уже подал рапорт о птице! — испуганно завопил Кервель.

В это время у входа в нору послышался шум и, прокладывая себе путь в толпе, появился Гравилат.

— Новый офицер удрал! Тлейли забрал с собой множество крольчих! Он накинулся на Бертсию и сломал ему лапу! Блэкавар тоже сорвался — и ну бежать за ним! Это все Тлейли, это его рук дело! — кричал Гравилат.

— Так это Тлейли? Ну, попадись он мне в лапы! Эмблеер Фрис, я выколю ему глаза! Кервель, Вербена, Гравилат, за мной!

Подойдя к Криксе, освещаемые тусклым светом молний, под проливным дождем эфрафанские офицеры приостановились было, но облик генерала показался им еще более устрашающим, чем гроза. Они постучали лапами о землю, подавая сигнал тревоги, и поскакали за Зверобоем к железной дороге. Здесь они напали на кровавые следы, еще не смытые дождем, и двинулись по ним к живой изгороди.

* * *

Выбравшись к железнодорожной насыпи, Лохмач сел под аркой и осмотрелся. Ни Ореха, ни Кихара нигде не было видно. Впервые после победы над Бертсней Лохмач почувствовал неуверенность и тревогу. А вдруг Кихар все-таки не сумел расшифровать его загадочное послание? Вдруг что-то случилось с Орехом и его кроликами? Может быть, они погибли и его никто не встретит? Тогда Лохмач со своим отрядом обречен бесцельно скитаться по полям до тех пор, пока их не схватит какой-нибудь патруль.

— Нет, не бывает этому! — сказал себе Лохмач. — В крайнем случае попытаемся переплыть реку и скрыться в лесу. Черт бы побрал плечо! Не думал я, что рана будет так сильно мешать! Ладно, доведу крольчих хотя бы до пешеходного мостика!

Он подошел к забившимся под арку крольчихам. Крольчихи насквозь промокли. С поверхности арки на них стекали ручейки холодной воды, а глинистая земля под лапами постепенно превращалась в густое месиво.

— Вперед! — скомандовал Лохмач. — Теперь уже бежать недалеко, а там мы будем в безопасности! Все за мной!

Крольчихи безропотно повиновались.

«Нельзя не помянуть добрым словом эфрафанскую дисциплину!» — мрачно подумал Лохмач, глядя, как они без единого возражения вылезли из-под арки, немедленно попав под яростно льющий дождь.

Лохмач прибавил ходу, но вдруг заметил, что какой-то кролик поравнялся с ними.

— Стой, Тлейли! — закричал он. Это был Горицвет. Лохмач был и ранее уверен, что Горицвет их нагонит,

и собирался прикончить его. Сейчас же, увидев, что Горицвет, не обращая внимания на дождь, уверенно ведет свой отряд из четырех солдат и не собирается отступать перед превосходящими силами отчаянных беглецов, Лохмач почувствовал сожаление, что они с Горицветом оказались во враждебных лагерях. Лохмач подумал, что ему куда приятнее было бы увести Горицвета из Эфрафы, чем убивать его.

— Не пытайся задержать нас, Горицвет! Я не хочу причинять тебе зла! — крикнул он. Лохмач оглянулся и увидел рядом Блэкавара. — Следи за крольчихами, а то патруль схватит отбившихся в сторону! — сказал он.

— Лучше сдавайся сразу! — кричал Горицвет, по-прежнему не отставая от Лохмача. — Куда бы вы ни скрылись, я все равно найду вас! За вами гонится патруль особого назначения! Если он вас нагонит, тебе несдобровать! Ты уже и сейчас тяжело ранен!

— Проклятие! — вскричал Лохмач, нанося ему удар в голову. — Ты будешь тоже тяжело ранен, прежде чем меня прикончат!

— Можно, я брошусь на него, сэр? — спросил Блэкавар. — Во второй раз ему меня не побить!

— Тлейли! Идет сам генерал! Берегись! — раздался сзади голос Сесусиннан. — О горе, горе!

Лохмач оглянулся. Перед ним открылось зрелище, от которого могло замереть самое отважное сердце.

В пролете арки во главе своих солдат появился генерал Зверобой. Рыча от ярости, он неся на Лохмача, а следом за ним прыгал патруль особого назначения. Лохмач узнал среди преследователей Кервеля, Гравилата, Крестовника.

Там было много солдат, но вперед вырвался кролик огромного роста и свирепого вида — Лохмач догадался, что это начальник полиции Вербена. Лохмачу внезапно показалось, что, если он бросит крольчих и ударится бежать, его не станут преследовать и будут счастливы так дешево отделаться. Сквозь шум ливня до него донесся голос Блэкавара. Эфрафонец пытался его утешить:

— Не огорчайтесь, сэр! Вы сделали все, что в ваших силах! Пока нас не прикончат, мы сумеем убить нескольких неприятелей. Крольчихи будут отчаянно драться!

Лохмач повернул голову и поспешно потерся носом об изуродованное ухо Блэкавара, а затем занял устой-

чивую позицию на задних лапах в ожидании приближения генерала.

— Грязная скотина! — воскликнул, подбегая, Зверобой. — Ты осмелился напасть на охранника и изувечить его! Не брать его в плен! Мы прикончим его на месте!

— Ах ты кроличий рабовладелец! — отвечал ему Лохмач. — Хотел бы я посмотреть, как это будет выглядеть!

Зверобой рассвирепел:

— Вербена, Горицвет, кто там еще! Валите его на землю! Остальные пусть гонят крольчих обратно в колонию! Арестованного предоставьте мне!

— Стыдись, Зверобой! Видит Фрис, ты позоришь весь кроличий род! Да покарает тебя Фрис! — вскричал Лохмач.

В это мгновение молния, похожая на распростертую лапу с длинными и острыми когтями, прорезала темное небо. В яркой вспышке изгородь вместе с отдельными деревьями будто прыгнула вперед. Почти одновременно прогремел резкий раскат грома. Казалось, что наверху что-то огромное разорвалось на части; постепенно нарастая и разрешаясь повторными взрывами, гром прокатился по всему небу.

Насквозь промокшие, потрясенные кролики съжились, прижатые к земле яростной силой ливня. В голове у Лохмача внезапно зазвенели слова: «Это твоя буря, Тлейли! Воспользуйся же ею!»

Захлебываясь водой, Лохмач приподнялся и толкнул лапой Блэкавара:

— Вперед, заberi Хайзентли!

Моргая и стараясь стряхнуть с век капли дождя, он потряс головой. Через минуту Блэкавар уже исчез, но перед Лохмачом во весь рост вырос генерал Зверобой, заляпанный до макушки грязью и насквозь промокший. Стоя нос к носу с Лохмачом, он злобно смотрел на него и скреб длинными когтями по грязи и глине.

— Я убью тебя собственными лапами! — сказал он, оскалив длинные, похожие на крысиные резцы.

Встревоженный Лохмач внимательно наблюдал за всеми его движениями. Он знал, что Зверобой не упустит случая использовать свое преимущество в весе и попытается прыгнуть на него, чтобы сцепиться с ним в ближнем бою. Значит, Лохмачу следовало отступить и положиться на силу своих когтей. Он неловко шагнул

в сторону и с ужасом почувствовал, что лапы его скользят по грязи.

Но почему генерал не бросается на Лохмача? Внезапно Лохмач понял, что Зверобой пристально смотрит куда-то поверх его головы. Вдруг генерал резко отпрыгнул назад, и в тот же миг во все заглушающем шуме дождя послышался хриплый крик: «йарк, йарк! Йарк!»

Что-то белое вилось над самой головой генерала. Тот пытался спрятаться за куст и по возможности укрыть голову. Затем белая тень, крутясь в полосе дождя, взлетела наверх.

— Мистер Лохмач, ваши тут! Все налицо!

Мысли Лохмача закружились, как во сне, и его помутившееся сознание с трудом связало воедино все происходящее. Он снова услышал крик Кихара. Тот на этот раз напал на Вербену.

Чувствуя, что холодные струи поливают его открытую рану, Лохмач сквозь пелену дождя увидел, как Зверобой, отступив в толпу своих офицеров, указывает им на какую-то канаву. Затем у самого своего уха он услышал, что его окликают:

— Эй, Лохмач! Что нам теперь делать, приказывай! Рядом с ним стоял Серебристый.

— Где Орех? — спросил Лохмач.

— Орех ждет нас в лодке. Да ты ранен! Что с тобой?

— Веди крольчих к реке! — скомандовал Лохмач.

Все смешалось. Растерянные крольчихи едва понимали, что им говорят. Наконец они с трудом поднялись и, спотыкаясь, побрели в низину. Лохмач увидел, что навстречу бегут и другие его друзья. Впереди несется Желудь, сильно перепуганный, но твердо решивший не отступить. За Одуванчиком, подбадривающим Горшочка, скачут Вероника и Хокбит, поглядывая время от времени на летящего впереди Кихара. Серебристый не переставая повторяет:

— Идите к Смородине! Идите к Смородине!

Оказалось, что он в разных точках пути поставил троих кроликов в виде маяков, обозначающих обратную дорогу.

— Смородина стоит на ближнем посту, за ним Колокольчик, а последний — Пятый, стоит у самой реки, — объяснил он Лохмачу.

Они добежали до Смородины.

— Молодец, Лохмач! Ты станешь теперь героем

наших легенд! — дрожа, прокричал ему сквозь дождь Смородина. — Да ты ранен в плечо! Силы небесные!

— Не время еще говорить о легендах! — сказал Лохмач. — Все ли кролики прошли к реке?

— Ты последний! — отвечал Смородина.

Подлетевший Кихар уселся рядом с ними на землю.

— Мистер Лохмач, я напал на этих проклятых, но они не убегают! Засели в канаву! Мне до них не добраться!

— Так я и знал, что они не отстанут! — сказал Лохмач. — Они набросятся на нас в последнюю минуту, вот увидишь, Серебристый! Не зевай, Желудь, держись подальше от этой канавы!

— Идите к Колокольчику! Идите к Колокольчику! — твердил Серебристый. Носясь из стороны в сторону, он собирал кроликов вместе.

Они подскакали к Колокольчику, стоявшему у изгороди в конце поля. У того закатились от страха глаза, и ему ужасно хотелось удрать, но он держался твердо.

— Я только что заметил боевой отряд чужих кроликов! Наверное, это эфрафанцы. Они проскакали на луг у реки, — сказал Колокольчик. — Сейчас они у нас в тылу. Их ведет громадный кролик! Я в жизни не видел таких великанов!

— А ну! Все бегом к реке! — скомандовал Лохмач.

До реки оставалось небольшое расстояние, но посреди мокрых пучков осоки и камыша, окруженных глубокими лужами, было невозможно разобрать дорогу. Кролики брели вслепую, натыкаясь то здесь, то там на заблудившихся товарищей. Кихар слетал к реке и обратно и проделал этот рейс многократно, помогая Лохмачу отыскать потерявшихся крольчих.

— Кихар, — обратился к нему Лохмач. — Постарайся узнать, где находятся эфрафанцы. Они где-то поблизости. Почему они на нас не нападают? Мы разбрелись во все стороны, и они могли причинить нам немалый урон! Видно, задумали что-то новое!

Через минуту Кихар возвратился.

— Они у моста, — сказал он. — Все спрятались! Под кустами! Я подлетел! Этот огромный хотел меня напасть!

— Неужели? Ну, негодяю Зверобою не откажешь в отваге!

— Они думают, вы там переходить мост! Они не знают, у нас лодка!

В глубокой траве показался бегущий навстречу Пятый.

— Лохмач, мы посадили нескольких крольчих в лодку, но они мне не доверяют, все спрашивают: где ты? — сказал он.

Лохмач поскакал за Пятым и вышел на зеленую тропинку, идущую вдоль берега. Лодка стояла на том же самом месте — один ее конец касался берега, а другой затонул. На ближайшем к берегу, приподнятом конце сидел Орех с повисшими ушами, с почерневшей от дождя, облипавшей бока шубкой. Согнувшись, он держал в зубах натянутый канат. Желудь, Хайзентли и еще две крольчихи взобрались рядом с ним на перекладину. Смородина безуспешно пытался уговорить остальных влезть в лодку.

— Орех боится выпустить из пасти канат, — сказал он Лохмачу. — А эти крольчихи только и знают, что твердят: «Наш офицер — Тлейли», и ни с места!

Лохмач повернулся к Сесусиннан.

— Сейчас мы покажем вам волшебный фокус, — сказал он. — Веди их туда, где сидит Хайзентли.

Не успела Сесусиннан двинуться с места, как они услышали вопль ужаса. Кричала одна из крольчих. Справа из кустов, растущих вдоль реки, внезапно выбежал Горлицвет и быстро двинулся к ним навстречу. Слева выскочили Вербена, Кервель и Крестовник. Издав отчаянный вопль, крольчиха повернулась и бросилась в поле.

Тут ее настиг Зверобой. Он нанес ей страшный удар по голове. Она еще раз повернулась, как слепая, спотыкаясь, побежала по тропе и вскочила в лодку.

Лохмач понял, что Зверобой не только сумел заставить своих растерявшихся офицеров повиноваться, но успел придумать новый план действий.

Сейчас, прижав отряд противника к реке, Зверобой легко мог разбить его по частям и уничтожить столько врагов, сколько его душа пожелает!

Лохмач одним махом перескочил через прибрежную траву и оказался в лодке рядом с Орехом. Атака эфранцев произвела неожиданный эффект: все до одной крольчихи перебежали с берега в лодку. За ними перескочили Смородина и Пятый.

Тем временем Зверобой добрался уже до самого берега реки и приближался к лодке. Смородина в тревоге вскрикнул:

— Одуванчик отстал! Он на берегу!

В ответ на это Орех открыл пасть и выпустил канат:
— Боюсь, не пришлось бы его оставить! Эти парни готовятся на нас напасть, а мы в лодке совершенно беспомощны!

Смело глядя в глаза Зверобоя, Лохмач сказал:

— Подожди разгрызать канат, Орех! Я их задержу!

Зверобой ответил ему злорадной ухмылкой:

— Нет, Тлейли! Сейчас вы пойдете на дно реки, а оставшихся мы разорвем на части!

Одуванчик в беспокойстве выглянул из прибрежных зарослей крапивы, не зная, что предпринять.

— Ко мне, Крестовник и Вербена! — вскричал генерал. — Кидайтесь на них по моему сигналу, а что до птицы, нам она не грозит...

— А вот и она! — вдруг громко воскликнул Лохмач.

Зверобой невольно поднял голову и отскочил назад. Одуванчик стрелой вылетел из кустов и через мгновение уже сидел в лодке рядом с Орехом. В эту минуту канат разорвался, и плоскодонка заскользила вдоль берега по течению, а затем вышла на середину. Оглянувшись назад, Лохмач увидел морду генерала Зверобоя. Он глядел на них, вытаращив глаза, из-за кустов вербейника. Его расстроенная физиономия напоминала Лохмачу обиженную пустельгу, упустившую мышь.

Орех-ра

4+4+4+4+1.

Мосты

Окажись их плоскодонка на любой другой реке — и план Смородины провалился бы. Лодка не смогла бы так легко отчалить от берега или прибилась бы к нему снова. Она застряла бы в камышах или села на мель, но на реке Тест не встречалось ни песчаных отмелей, ни зарослей камыша.

Большинство кроликов плохо понимало создавшееся положение. Эфрафанские крольчихи никогда не видали реки, но когда Зверобой в один миг исчез у них из виду, они почувствовали неясное облегчение, съезжились на дне лодки под яростно льющим дождем и затихли.

В лодке скопилось много дождевой воды, и во время посадки крольчихи попрыгали на дно, прямо в воду. Постепенно все выбрались кто на нос, кто на корму.

Лохмач неподвижно лежал на боку. Лихорадочная отвага его покинула, а раненое плечо сильно ныло. Несмотря на пульсирующую боль в предплечье, ему все время хотелось спать, пусть даже распростершись на жестких досках и под проливным дождем. На минуту он открыл глаза.

— Рискованное было дело! Один шанс из тысячи! — пробормотал Лохмач.

— Дети наших детей услышат удивительный рассказ! — произнес Орех традиционные кроличьи слова. — Скажи мне: кто тебя ранил?

— Один из полицейских Ауслафы, — ответил Лохмач.

— Кто? — Термин Ауслафа был Ореху незнаком.

— Грязный маленький палач из эфрафанской полиции.

— Ты ему здорово задал?

— Думаю, он перестанет бегать. Куда нас сейчас принесет эта твоя лодка?

— Может быть, на это ответит кто-нибудь из наших мудрецов или Кихар. Он, наверное, знает повадки той вещи, на которой мы сидим, — сказал Орех.

Лепившийся рядом с Орехом Одуванчик при первом упоминании о мудрецах пробрался по залитому водой днищу и вернулся вместе с Пятым и Смородиной.

— Дело обстоит неплохо, — объявил Смородина. — Мы плывем по течению и через некоторое время пристанем

к берегу. А пока мы все дальше и дальше удаляемся от милых приятелей Лохмача!

Тем временем, разведав дорогу, прилетел Кихар.

— Мистер Орех! — объявил он. — Впереди мост!

Как по команде задрав кверху головы, кролики увидели неподалеку тот самый мост, через который они переходили несколько дней назад. Мост они узнали с первого взгляда, потому что с лодки он выглядел почти так же, как с берега реки.

— Может, удастся проскочить, а может, нет! — сказал Кихар. — Если сидеть такой кучей — беда!

Мост стоял на двух низких сваях. Стальные фермы были установлены над самой поверхностью воды. До водной глади оставался просвет шириной не более двух сантиметров.

Орех понял предостережение: когда лодка войдет под мост, между нею и фермами останется расстояние не шире кроличьего когтя. При этом всех сидящих над бортом может сбросить в реку. По днищу, покрытому теплой водой, Орех поскакал на другой конец лодки, расталкивая по пути мокрых, сгрудившихся в кучу кроликов.

— На дно! Все на дно! — приказал он. — Не бояться сырости! Блэкавар! Гони крольчих на дно!

Эфрафанские кролики беспрекословно повиновались. Кихар тем временем поднялся в воздух и взмыл над деревянными перилами моста.

Река стала уже, а течение под мостом — сильнее. Через минуту мост темной массой, напомнившей Ореху валящуюся с дерева шапку снега, надвинулся на него, и он прижался ко дну.

Раздался пронзительный крик, и какой-то кролик скатился прямо ему на голову. Затем лодка задрожала от сильного толчка; раздался глухой, скребущий звук, кругом все потемнело, и очень близко над головой у кроликов выросла какая-то крыша. Через минуту крыша исчезла и лодка снова заскользила вперед.

Оказалось, что на Ореха свалился Желудь. Хотя его оглушило и помяло, по-видимому, он не получил серьезных повреждений.

Зато одна из крольчих не успела спуститься на дно и ударилась о стояк под мостом. Возле нее хлопотала Хайзентли. Орех оглядел своих измазанных грязью, дрожащих спутников и перевел взгляд на бодрого и веселого Кихара, усевшегося на корму лодки.

— Как нам причалить к берегу, Кихар? — спросил он. — Сам понимаешь, такая жизнь — не для кроликов!

— Скоро еще мост! Остановит лодку!

Они проплыли еще один поворот. Лодка несколько раз резко повернулась. Напуганные тем, что произошло с Желудем и крольчихой, кролики уныло лежали в воде на дне лодки. Орех выполз на нос плоскодонки и осмотрелся.

Он понял, что лодка замедляет ход. Ближний берег, на котором тесно стояли густые заросли деревьев, был высоким и крутым, но вдали расстилались берега ровные, как подстриженный газон.

За разливом вниз по течению показался второй мост. Он был построен давным-давно. Кирпичная кладка моста потемнела от времени, и мост весь зарос плющом. Внизу мост прорезали четыре низкие арки с узкими отверстиями для водостока. Видно было, что до верха арки от водной поверхности оставалось расстояние сантиметров в тридцать. Когда лодка подошла к мосту, Орех опять спрыгнул на дно, но это было уже лишнее. Лодка мягко коснулась устоев и, прижавшись бортом к центральному водостоку, остановилась.

Орех положил передние лапы на низкий борт, осторожно выглянул и попытался рассмотреть берег. Перепрыгнуть на него было невозможно: берег был для этого слишком крут. Задрав голову, Орех посмотрел на кирпичную стену, поднимавшуюся над пролетом: здесь на уровне его морды над парашетом возвышалась гладкая кирпичная кладка, на которую кроликам тоже было не взобраться.

— Что делать, Смородина? — спросил Орех. — Ты нас на эту штуку посадил, говори, как теперь с нее слезть?

— Не знаю, Орех-ра! Из всего, что мне представлялось, это самый необыкновенный конец пути. Скорее всего придется плыть к берегу, — сказал Смородина.

— Плыть? — переспросил Серебристый. — Мне это как-то не улыбается. Взгляни на эту крутизну! Вдобавок течение снесет нас под арку!

Орех попытался заглянуть в отверстие арки. Темный туннель был не длиннее самой лодки, и поверхность в нем казалась гладкой. Там не торчало никаких камней, и места между сводом арки и поверхностью воды было достаточно для того, чтобы плывущий через туннель кролик мог держать над водой голову. Однако не видно было, что находится по ту сторону моста. За аркой Орех

видел лишь воду, отражающиеся в ней зеленые листья и летящие брызги дождя. Унылое эхо повторяло в водостоке звук падающих капель. Звонкий шум, раздававшийся под мостом, непохожий на звуки, которые кролики привыкли слышать в своих земляных туннелях, испугал Ореха.

С парапета на него упали капли дождя: это Кихар отряхивал свои перья.

— Вот и конец! Больше не ждать! Плыть! — сказал он.

— Как же нам добраться до берега? — спросил его Орех.

Кихар удивился:

— Собака плавать, крыса плавать, а вы — нет?

— Мы можем проплыть небольшое расстояние, но здесь нам не выбраться на берег! Кроме того, мы не знаем, что за места там, с другой стороны арки!

— Там хорошо! Выберетесь! — сказал Кихар.

Орех задумался. Что следовало под этим понимать? Ведь Кихар не кролик! Кихар живет на Большой Воде, где еще страшней, чем на реке. Плохо зная кроличий язык, Кихар обычно ограничивался простейшими сообщениями. Орех отлично понимал, что в глубине души Кихар не мог не презирать их: кролики должны были казаться ему робкими и беспомощными домоседами, не умеющими летать. Сумел ли он оценить эту реку с кроличьей точки зрения? Значили ли его слова, что за мостом лежит спокойная река с пологим берегом, на который кролики сумеют выбраться? Может быть, Кихар хотел, чтобы они поднатужились и выполнили то, что для самого Кихара не представляло ни малейшего труда? Это было, пожалуй, вернее...

Орех осмотрелся. Серебристый вылизывал Лохмачу плечо, Смородина, нервничая, ходил по перекладине, и видно было, что его терзают такие же сомнения. Внезапно Орех услышал сверху пронзительный крик:

— Йарк! Чертовы кролики! Толку — ни на грош! Смотри!

Кихар неуклюже прыгнул с носа лодки в воду. Сидя в воде наподобие дикой утки, он поплыл по течению в глубину арки и исчез в туннеле. Заглянув в отверстие арки, на фоне светлого неба Орех увидел темные очертания головы плывущего Кихара. Кихар выплыл на яркий свет, повернул в сторону и исчез из виду.

— То, что Кихар уплыл, нам ничего не дает! — за-

явил Смородина, стуча зубами.— Он мог взлететь на воздух! Может быть, он достает до дна своими перепончатыми лапами!

Кихар вновь появился на парапете над их головами.
— Теперь ты! — коротко сказал он.

Орех никак не мог решиться прыгнуть вниз. Предводителя кроликов охватил беспредельный страх. Эта ужасная авантюра была выше его сил. Он споткнулся на скользкой доске и увидел рядом с собой Пятого.

— Я пойду вместо тебя, Орех! — тихо прошептал он.

Готовясь прыгнуть вниз, он уже поставил передние лапы на край борта. Внезапно одна из крольчих стукнула лапой по дну, и все замерли. Послышались приближающиеся шаги, и вблизи раздались людские голоса. Встретив испуганный взгляд Хайзентли, Орех ответил ей грозным взглядом, всей душой желая, чтоб она хранила молчание.

Тут он почувствовал, что голоса стали понемногу удаляться. Люди перешли мост и даже не заглянули через парапет! Скоро шаги их совсем затихли.

— Решено! — сказал Орех.— Плыть! Всем плыть! За мной, Колокольчик! Кажется, ты хотел стать водяным кроликом!

Орех подошел к борту, но тут обнаружил рядом с собой Горшочка.

— Скорее, Орех-ра! — проговорил тот, нервно держась и дрожа.— Я иду с тобой!

Закрыв глаза, Орех свалился через борт прямо в воду и почувствовал, что его тотчас подхватило холодное течение. Ему показалось, будто его несет сильный и бесшумный ветер. Перепугавшись, он начал бороться с течением, поднял голову и глубоко вздохнул, царапая когтями неровный кирпич, покрытый водой. Затем туннель кончился, мрак сменился светом, и он увидел над головой небо и зеленую листву. Барахтаясь, он двинулся вперед и обнаружил, что ползет по жидкой грязи. Через мгновение он выбрался на скользкий берег, задыхаясь, несколько минут пролежал с закрытыми глазами, а затем вытер морду и открыл глаза. Тотчас же он увидел Горшочка. Покрытый с ног до головы грязью, как пластырем, тот тоже выбирался на берег.

Вновь полный уверенности в себе и чувствуя радостный подъем сил, Орех подполз к Горшочку поближе. Усевшись возле куста вербейника, они осмотрели речной

простор. За мостом расстился разлив. По его берегам густо росли леса и кустарники. Дно реки покрывали ил и грязь, в которой оба наших кролика, выползая на берег, проделали две глубоких борозды.

— Милый старина Кихар! — воскликнул Орех, радостно окидывая взглядом сырые, но пустынные просторы вокруг. — Я должен был ему больше доверять!

Тут еще один кролик выплыл из-под моста. Следя за тем, как он борется с течением, крутясь в волнах, как муха в паутине, они оба решили, что он тонет. Однако, почувствовав под ногами почву, кролик выбрался из быстрины. Они увидели, что это Блэкавар. Подобно им, он, обессиленный, свалился на бок, затем откашлялся, его вырвало, и он уселся на песке.

— Ну, как ты, жив и здоров? — спросил Орех.

— Более или менее! А много ли дел осталось нам на сегодня, сэр? Я очень устал! — сказал Блэкавар.

— Почему ты на свой страх и риск бросился в воду вслед за нами? А вдруг мы бы погибли?

— Я слышал приказ, сэр! — сказал Блэкавар.

— Ну, у нас никто так ретиво не повинуется приказам! Пожалуй, мы покажемся тебе немного расхлябанной компанией! А где все другие? — спросил Орех.

— Мне показалось, они немного боятся, — сказал Блэкавар.

— Надо торопиться, пока еще что-нибудь не стряслось! Как им передать, что плыть совсем безопасно?

— Если я не ошибаюсь, сэр, нужно просто перейти на ту сторону моста. Разрешите исполнять, сэр?

Орех был в замешательстве. Он знал о Блэкаваре только то, что тот — покрытый позором эфрафанский арестант. Притом бедняга только что признался, что очень устал. Ореху следовало позаботиться о собственной репутации!

— Я иду с тобой! — сказал он. — А ты, Хлао-ру, оставайся здесь! Следи за рекой! Сейчас они один за другим начнут к тебе выплывать!

Орех и Блэкавар с трудом выбрались на крутизну под мокрыми от дождя кустами и, осторожно выглянув из-за высокой травы, подошли к краю моста. Берег почти отвесно уходил вниз с двухметровой высоты.

Блэкавар без колебаний тотчас же пополз вниз. Орех осторожно последовал за ним. Лодка с кроликами стояла недалеко, посреди плавучего камыша и водорослей.

— Друзья! — закричал Орех. — Плывите в туннель прямо под мостом! Сначала ведите крольчих! Да поживей: сюда могут вернуться люди!

Одуванчик немедленно прыгнул в воду с носа лодки, за ним последовал Вероника, но когда вслед за ними собирался прыгнуть Пятый, Серебристый удержал его.

— Если все уплывут, крольчихи останутся одни!

— Пусть Тлейли отдаст им приказ плыть! — вмешался Блэкавар.

Лохмач все еще лежал в воде на дне лодки. Когда Серебристый ткнулся в него носом, он поднял голову и удивленно осмотрелся.

— Ох, ребята! — сказал он. — Я страшно замерз!

С этими словами Лохмач с трудом поднялся на ноги. Из раны на его плече хлынула кровь. Хромая, он подошел к перекладине и влез на доску.

— Слушать мой приказ, Хайзентли! Прыгайте в воду поодиночке, чтобы в воде не поцарапать друг друга, — громко объявил он.

Хотя кое-кто немедленно откликнулся на призыв Лохмача, большая часть крольчих была так измучена, что многие остались сидеть в лодке и тупо глядели на воду. Хокбит, Желудь и Колокольчик перебрались через борт и потащили крольчих за собой.

Было совсем темно, наступила уже фу-Инле, когда Лохмач в сопровождении Серебристого последним проплыл под мостом. Он с большим трудом держался на плаву и перевернулся в воде брюхом кверху, как издыхающая рыба. Течение дотащило его до отмели, и при поддержке Серебристого он кое-как поднялся на лапы. Однако когда к нему на помощь подбежал Орех, Лохмач резко отбрил его в своей прежней грубоватой манере.

— Прочь с дороги! — зарычал он.

Выбравшись на берег, он тяжело вздохнул:

— Сейчас я завалюсь спать, и, сохрани тебя Фрис, не вздумай меня будить, Орех!

— Видишь, каковы у нас порядочки! — сказал Орех вытаращившему глаза Блэкавару. — Скоро и ты станешь у нас таким же нахалом. А теперь поищем себе сухое местечко и попытаемся заснуть!

Как он и ожидал, почти все сухое пространство на берегу было занято группами спящих кроликов. После продолжительных поисков Орех с Блэкаваром нашли поваленное дерево, у которого с одного бока отошла кора.

Они заползли под кору, устроились в гладком изогнутом ложе и немедленно заснули.

Отряду необходимо было остановиться где-нибудь на несколько дней, чтобы передохнуть. Надо было дать Лохмачу окрепнуть. Пора было также дать отдых усталым кроличьим лапам и приучить крольчих к жизни вне колонии. Орех быстро понял, что тот берег, к которому они причалили, негостеприимен. Хотя растущий в изобилии кустарник и высокая трава давали кроликам укрытие, здесь было слишком сыро. Вдобавок вблизи проходила оживленная дорога. Где-то за полем с шумом сновали хрудудили, оставляя за собой запах бензина.

Орех решил, что единственный удобный путь к Уотершипскому холму ведет на север, через мост. Ведя осторожную разведку местности, Орех и Лохмач вылезли на травянистую тропинку и увидели Кихара, обиравшего улиток с куста болиголова.

— И вот вы добыли мамаш! Все чудесно, мистер Орех? Только сюда вот-вот придут люди! Что делать? — спросил Ореха Кихар.

— Мы пойдем в свою колонию!

— А я — к Большой Воде! Но зимой на Большой Воде — штормы и холод! Тогда я к вам — посмотреть как вы живете!

— Мы все время будем тебя ждать, дорогой Кихар! — воскликнул Лохмач. — Прилетай поскорей!

— Да, да! Прилечу и напугаю мамаш и малышей, всех крольчат-лохмачат!

Раскрыв крылья, Кихар поднялся в воздух. Он пролетел над парашютом моста, повернул влево и сделал круг над самыми головами кроликов. Потом, издав свой хриплый крик, полетел на юг. Лохмач и Орех следили за тем, как он понемногу становится все меньше и наконец совсем исчезает за деревьями.

— Лети, лети, большая птица! — проговорил, вздохнув, Лохмач. — Знаешь, мне показалось, что я тоже могу летать. Хотел бы я повидать эту Большую Воду!

Лохмач и Орех собрали свой отряд и направились на север напрямик через лес. Едва сделав несколько шагов, Лохмач понял, что не сможет пройти большое расстояние. Рана его сильно болела, и видно было, что плечо не выдержит большой нагрузки. Орех тоже хромал, а крольчихи, при всем их желании, не могли справиться с трудностями, которые обычно переносят хлессили. Тут

Блэкавару не один раз представился случай показать, что он немалого стоит. Вскоре Орех понял, что на него можно полагаться ничуть не меньше, чем на ветеранов отряда. У Блэкавара оказалось множество достоинств, о которых вначале никто не подозревал. Решив увести Блэкавара из Эфрафы, Лохмач руководствовался лишь чувством сострадания. Вскоре, однако, обнаружилось, что если не унижать достоинство Блэкавара, то он окажется на голову выше среднего кролика.

Находясь сейчас на свободе среди своих добродушных новых друзей, Блэкавар вспомнил, что был опытным эфрафанским разведчиком, и решил использовать свои знания на пользу отряду. Особенно это касалось разведки местности, изучения следов или тревожных примет в лесу. Орех, всегда охотно принимавший разумные советы, начал внимательно прислушиваться к его словам.

Пройдя в два или три дня долгий путь и по несколько раз отсиживаясь в укрытии, кролики подошли наконец к лесу. Отряд расположился в рощице, растущей на небольшом холме. После ужина Колокольчик и Вероника предложили вырыть норы и отдохнуть в них денек или два. Орех с легкостью дал на это согласие, но внезапно натолкнулся на сопротивление Пятого.

— Конечно, отдых никому бы не повредил, но почему-то мне здесь очень не по себе, Орешек,— сказал Пятый.

— Меня тебе убеждать не придется, но остальных не уговорить двинуться в путь. В норах-то будет безопасно, как ты думаешь? Ведь по кроличьей пословице:

Спрячься в норке под землей —
Будешь долго ты живой!

— В этом есть доля смысла! — задумчиво сказал Пятый. — В конце концов, кроличьей природе и в самом деле противно день за днем и ночь за ночью идти вперед маршевым шагом!

Тем временем Блэкавар и Одуванчик по собственной инициативе предприняли разведывательный поход по окрестностям. Узнав о предложении Колокольчика остановиться на ночлег, Блэкавар решительно воспротивился этой идее.

— Здесь ни в коем случае нельзя оставаться, Орех-ра! — горячо запротестовал он. — Ни один Большой Патруль не разбил бы здесь бивуака! Эта роща — страна лисиц! Надо идти вперед, пока не стемнело!

У Лохмача весь день ныло раненое плечо, и его охватила слабость. Ему показалось, что Блэкавар за чужой счет выставляется умником. Если он возьмет в споре верх, кроликам придется, невзирая на усталость, идти вперед, пока они не доберутся до удовлетворительного по эфрафанским меркам места. Там будет ничуть не безопаснее, чем в этой роще, но зато Блэкавар сыграет роль мудрого советчика, уберегшего отряд от лисиц! Нет, Лохмачу надоело, что Блэкавар все время щеголяет своей выучкой эфрафанского разведчика! Надо было оказать ему должный отпор!

— В любой холмистой местности всегда водятся лисицы! — раздраженно оборвал он Блэкавара. — Почему эта роща показалась тебе царством лисиц?

— На такие вопросы нельзя дать точного ответа! Однако я убежден в этом! — скромно ответил Блэкавар.

— Ах, он убежден! А видел ли ты лисьи следы? Уж не наговорили ли тебе все эти глупости зеленые мышки, что сидят под поганкой, распевая песенки?

Блэкавар был глубоко уязвлен. Уж с Лохмачом-то, которого он уважал, ему совсем не хотелось заводить ссору.

— Нет, я не видал ни помета, ни следов, но я уверен, что в такой местности бродят лисицы. Нас так учили в разведывательном отряде! — с горячностью утверждал Блэкавар. — Притом рытье нор — очень шумное занятие! — извиняющимся тоном прибавил он. — И новые норы очень заметны!

— Не стоило вызволять Блэкавара из Эфрафы, чтобы здесь все время ругаться! — вмешался в разговор Орех. — Послушай, Блэкавар! — обратился он к эфрафанцу. — По всей вероятности, ты прав: оставаясь здесь, мы кое-чем рискуем. Но в пути мы еще много раз будем подвергаться риску, а сейчас все так устали, что придется остаться в этой роще на пару дней!

Вскоре после захода солнца кролики вырыли несколько нор. После ночлега под землей все в самом деле отлично отдохнули. Вплоть до самого вечера в отряде сохранялось праздничное настроение. Лапа Ореха перестала ныть, и даже Лохмач почувствовал себя бодрым и здоровым, как будто он никогда и не бывал в Эфрафе. Измученные кролики, до того поражавшие своей худобой, вдруг словно пополнили.

На следующее утро на сильфлей собрались гораздо

позднее обычного. Веял легкий ветерок. Колокольчик выбрался из норы последним, понюхал воздух и клятвенно заверил присутствующих, что ветер несет с собой отчетливый кроличий запах.

— Наверное, это Остролист подает нам издалека сигнал! — предположил Колокольчик и весело запел:

За дальним холмом возник
Друзей отдаленных крик...
Мы здесь! Мы ведем крольчих!
По правде, нет жизни без них.
Семьи нет — так просто хоть вой!
Ура! Наш Лохмач — сверхгерой!
Мы с честью шагаем домой!

— Так радуйся, кролик, и пой! — закончил эту импровизацию Орех.

— А может, сюда доносится запах наших Белой Кашки и Копны? — предположил Колокольчик.

— Ох уж эти Копна и Кашка! Ну что это за крольчихи? Домашние! Сейчас они, наверное, окрепли и стали быстрее на ногу, но они никогда не станут такими, как кролики нашей породы! — заметил Лохмач. — Кашка боится отойти от норы во время сильфлея, а эфрафанские крольчихи ходят повсюду без охраны и здорово бегают! Взгляни-ка на этих двух особ на склоне! Они сейчас счастливы, как никогда!.. Фрис великий! А это еще что за явление?

Рыжая, похожая на собаку тень бесшумно, как молния, выскочила из-за кустов орешника, схватила одну из крольчих за горло и в одно мгновение скрылась из виду. Тем временем ветер повернул, и по лужайке разнесся резкий запах лисицы.

Сверкая белыми подхвостьями, все кролики, как один, бросились в укрытие.

Орех без проволочек созвал весь кроличий отряд, и, беспорядочно построившись, кролики резво поскакали вдоль поля с созревающей пшеницей на северо-восток. Никто более не заговаривал о погибшей.

В полдень отряд подошел вплотную к Цезареву Поясу. Лохмач тотчас же узнал это место. Здесь они сидели, когда впервые повстречали лису.

— А ведь крольчиху поймала та самая лиса, которая гналась тогда за мной! — сказал он Ореху. — Эх, раньше бы мне об этом догадаться!

— Да ты не переживай! Ты увел крольчих из Эфрафы и совершил один из самых великих кроличьих подвигов! — утешил его Орех. — Хорошо еще, что пока мы потеряли только одну крольчиху. Если сегодня мы поднажмем, то к вечеру будем уже в Сотях! Однако вот сюрприз! Кто же это?

Отряд Ореха направлялся к густому можжевельнику. Понизу можжевельник зарос крапивой и диким переступнем. Когда наши кролики, желая выискать путь полегче, на минуту остановились, перед ними, словно изпод земли, выросли четыре незнакомых кролика. Незнакомцы уселись в ряд на высоком пригорке, глядя на наших путников сверху вниз. Самый большой из чужих кроликов с издевкой спросил:

— Что ж ты не отвечаешь, Тлейли? Кто я?

Наступило молчание. Наконец Орех сказал:

— По-видимому, это эфрафанцы. Я вижу у них метки! Неужели это Зверобой?

— Нет, это капитан Горицвет, — раздался за его спиной голос Блэкавара.

— Ах вот это кто! — протянул Орех. — Не знаю, будешь ли ты нам чинить препятствия, Горицвет, но тебе лучше всего оставить нас в покое. Мы раз и навсегда покончили с Эфрафой!

— Ошибаешься! — отвечал Горицвет. — Как раз наоборот! Эй, вы, крольчихи! Поворачивайте в Эфрафу! Да поживей!

В этот момент Серебристый и Желудь показались у подножия холма.

— Видишь, нас здесь очень много! Твоему отряду с нами не справиться! — сказал Горицвету Орех.

Горицвет заколебался. По правде говоря, он впервые в жизни поступил неосмотрительно. Когда он увидел Лохмача и Ореха, то в отдалении за ними шли лишь Блэкавар и еще одна крольчиха. Страстно желая предъявить Сенату что-нибудь стоящее, он решил, что этим и ограничивается весь маленький отряд Лохмача. Так как на открытых местах у эфрафанцев было принято ходить сомкнутым строем, то Горицвету не пришло в голову, что кролики Лохмача разбежались в стороны. Он решил, что ему представляется отличная возможность напасть на ненавистных Тлейли и Блэкавара и, убив их, отвести крольчих обратно в Эфрафу.

Это показалось ему нетрудным делом. Горицвет решил

не прятаться в засаде, а встретиться с врагами лицом к лицу в надежде, что они сдадутся без боя. Сейчас же, видя, что отовсюду парами и тройками к противнику подходят новые силы, он понял, что совершил ошибку.

У подножия пригорка собрался уже почти весь отряд Ореха.

— Надеюсь, теперь ты видишь, что вам не стоит вступать с нами в бой! — сказал Орех, указывая на свою армию.

— Орех-ра! — зашептал ему на ухо Блэкавар. — Нельзя оставлять в живых ни одного патрульного! Они доложат о нас генералу!

Орех это обстоятельство учитывал, но, представив себе, что при этом начнется ужасная бойня, в которой четверо эфрафанцев будут буквально разорваны на части, он не решился отдать приказа к бою. Кроме того, он чувствовал к Горицвету неясную симпатию. Притом он сообразил, что в схватке его кролики тоже могут пострадать и кое-кто может поплатиться за это жизнью. Если начать бой, то к ночи уже не удастся добраться до Сот, а раненые будут оставлять за собой кровавые следы.

— Не трогать их! — твердо сказал он. — Уходите! Живо! Бегом! — скомандовал он эфрафанцам.

Горицвет и его товарищи повернули назад, а Орех, довольный, что все так хорошо обошлось, вместе с Блэкаваром и Лохмачом пустился догонять ушедшего вперед Серебристого.

Всех задерживал лишь Блэкавар. Он все время скакал позади отряда и был весьма встревожен. Наконец Орех решил выслать его вперед на поиски буковой рощи. Блэкавар поскакал в утреннюю сторону горизонта и вскоре рысью примчался назад.

— Орех-ра, я очень близко подошел к той роще! Прямо у опушки два кролика гоняются друг за другом по полю!

Орех и Одуванчик резво поскакали вперед. Увидев родную буковую рощу, Орех чуть не подпрыгнул от радости. Листва буков слегка пожелтела и кое-где была тронута бронзой. Крушина и Земляника уже неслись к нашим путникам навстречу.

Когда последний из кроликов Ореха спустился в нору, скрытно следовавшие за ними от самого Цезарева Пояса эфрафанцы сделали по команде Горицвета поворот налево кругом и направились с рапортом в Эфрафу.

4+4+4+4+2.

Сказка о Раусби Вуфе и фее Вау-Вау

Наступила самая жаркая пора лета: день за днем стояла знойная тишина, когда по временам кажется, что все застыло в неподвижности и двигаются лишь свет и тени. Листва на буках потемнела, а на месте съеденной травы выросла свежая.

Колония кроликов процветала, так что Ореху оставалось лишь греться на солнце, мысленно перечисляя все их достижения. Как на земле, так и в норах установился спокойный, ничем не потревоженный ритм кроличьей жизни: еда, рытье нор и сон планомерно сменяли друг друга. Были выкопаны новые норы и ведущие к ним туннели. Крольчихи, которым раньше никогда не приходилось рыть нор, поистине наслаждались работой.

Шестнадцать кроликов и десять крольчих колонии составляли счастливую компанию. По временам, разумеется, у них случались и стычки, но серьезных столкновений не бывало.

Одна лишь мысль о передрягах, которые им довелось вместе преодолеть, лишала горечи и яда любую начинающуюся ссору. Колокольчик однажды намекнул, что если появятся недовольные, им всегда будет предоставлена возможность вернуться в Эфрафу, и все присутствующие не преминули это учесть.

В один прекрасный вечер пятеро наших кроликов и четверо крольчих паслись на солнечной стороне роши. Солнце готовилось закатиться. Жара не спала, и стояла такая тишина, что слышно было, как лошади на выгоне у фермы жуют траву.

— А не послушать ли нам сейчас сказку? — предложил Колокольчик. — Давай, Одуванчик, начинай! Расскажи нам о том, как ты чуть было не отстал от лодки. Что, не хочешь?

— Может, рассказать, как мы околпачили Зверобоя? Нет, я не возьму на себя смелость такое рассказывать: эта тема для Лохмача. Притом в такой жаркий вечер приятнее рассказывать зимнюю сказку! Послушайте-ка сказку о Раусби Вуфе и фее Вау-Вау!

Жил да был большой кролик и маленький кролик, и жил да был на свете повелитель кроликов Эль-Эхрейра. И вдруг стало так холодно, что снег замерз на усах нашего повелителя.

Вечером, едва красный диск Фриса опустился за горизонт в зеленоватом небе, Эль-Эхрейра и его друг Рэбскеттл скакали по мерзлой земле и наскоро хватали травинки, чтоб утолить голод. Трава была колючей и безвкусной, как сено, но оба старались наесться. Они так замерзли, что с трудом заползли в нору. Тут Рэбскеттл предложил рискнуть и добраться до самого большого огорода в округе. Это было опасным делом, потому что у хозяина огорода было ружье и он часто стрелял голубей и соек, а затем развешивал их тушки в своем саду.

«В огороде злой пес! Он пострашней ружья! — сказал Эль-Эхрейра, обдумывая поход на ферму. — Нам придется не спускать с него глаз!»

Собаку огородника звали Раусби Вуф, и надо вам сказать, что это был в высшей степени неприятный пес отталкивающей внешности. Этот пес был огромен и до того зарос шерстью, что глаз не было видно. Разумеется, Раусби Вуф не ел овощей, поэтому можно было рассчитывать на то, что, не говоря худого слова, он позволит время от времени парочке голодающих попользоваться то листочком салата, то морковочкой. Но не тут-то было! Раусби Вуф гонял не только мальчишек, но также крыс, зайцев, мышей и даже кротов.

У Раусби была слава знаменитого крысолова. Хозяин повсюдуставлял Вуфа таким умником, что тот заважничал и в конце концов стал отвратительным воображалой. Из-за него огород и был весьма опасным местом.

Решив пойти на риск, Эль-Эхрейра и Рэбскеттл отправились через поля в деревню. В огороде они увидели человека, который, держа в зубах горящую палочку, срезал ряд за рядом мерзлую капусту. Раусби Вуф умильно вилял у его ног хвостом и иногда смешно подпрыгивал. Нагрузив кочанами какую-то штуку с колесиками, человек увез их в дом.

«Как ты думаешь: зачем он это делает?» — спросил Рэбскеттл. «Он хочет, чтобы ночью из них вышел мороз», — сказал Эль-Эхрейра. «Ах, когда мороз из них выйдет, они станут еще лучше на вкус! — вздохнул Рэбскеттл. — Хотел бы я попробовать их тепленькими!»

Внезапно Раусби Вуф учуял кроликов и с тьяканьем бросился на них. Они едва унесли ноги.

«Гр-р-рязные мелкие твар-р-р-ри! — рычал Раусби Вуф. — Как-как-как вы посмели сунуть сюда свои ры-ры-рыла? Вон! В-в-в-вон! Вау!» — «Подлый негодяй! — воскликнул Эль-Эхрейра. — Не знаю, как это у нас получится, но — клянусь Фрисом и Инле! — не успеет сойти этот снег, как мы съедим всю их капусту и вдобавок выставим этого Раусби дураком!» — «Не слишком ли сильно сказано, хозяин! — заметил Рэбскеттл. — Мне будет больно, если ты променяешь свою голову на капустный кочан!»

Внезапно мимо них прокатил хрудудиль, у которого сзади раскрылся багажник. Из него вывалился пакет, обернутый бумагой (похожие на этот пакеты люди часто оставляют на полях). Надеюсь, что в пакете что-нибудь съестное, Рэбскеттл понюхал его, но в пакете было только какое-то мясо!

«Какая пакость!» — уныло заметил Рэбскеттл, обнюхав мясо. Однако Эль-Эхрейра зачем-то утащил мешок с говядиной в канаву и заставил Рэбскеттла зарыть его в землю.

По пути домой они набрели на старую крышку для колес хрудудили, выброшенную за ненадобностью в канаву. Крышки напоминают огромные грибы: они такие гладкие и твердые, упругие и как будто чем-то набиты. Они отвратительно пахнут, и есть их нельзя.

«Отгрызем от этой штуки кусочек. Он мне вскоре понадобится!» — сказал Эль-Эхрейра.

У Рэбскеттла мелькнула мысль, не свихнулся ли его хозяин, но он промолчал. Вещь эта была довольно ветхой, и вскоре им удалось отгрызть от нее кусок величиной с кроличью голову. Кусок этот был отвратителен на вкус, но Эль-Эхрейра упорно тащил его, пока наконец не довелок до колонии. Весь вечер он провел, отгрызая от куска маленькие кусочки. После ни-Фриса он разбудил Рэбскеттла и показал ему оставшийся кусок.

«Скажи: на что это похоже с виду?» — спросил он. «Это сильно напоминает черный собачий нос, только сухой!» — ответил Рэбскеттл.

Эль-Эхрейра, казалось, остался доволен этим ответом и вскоре отправился на боковую. После фу-Инле, когда кроликам самое время залечь в теплые ходы, Эль-Эхрейра вылез из норы и велел Рэбскеттлу следовать за

собой. Сам он ташил в зубах выгрызенный из покрышки черный нос и совал этот нос во всякую пакость, которая встречалась на пути. Он отыскал кучу...

— Пропусти это,— вмешался Орех.

— В конце концов от Эль-Эхрейры начал идти такой аромат, что Рэбскеттл стал держаться от него в стороне,— продолжал Одуванчик.— Но Эль-Эхрейра старался не дышать, и ему удалось пронести этот нос до канавы, в которой была зарыта говядина. Здесь он велел Рэбскеттлу вырыть запятанное мясо.

Бумага с мяса свалилась, но куски говядины держались вместе, стянутые какой-то плетью, вроде ветки дикой тыквы. Эль-Эхрейра велел бедняге Рэбскеттлу волочить говядину до самого коттеджа. Это было нелегкое дело, и Рэбскеттл с радостью бросил свою ношу, едва они дошли до огорода. Здесь кролики сразу заметили, что человека не было дома.

Эль-Эхрейра и Рэбскеттл заглянули сквозь щель в заборе в огород. Раусби Вуф, дрожа от холода, сидел на дорожке так близко от них, что можно было видеть, как горят его глаза. Дверь на кухню была на запоре, а в стенке была видна дыра над водостоком. Эль-Эхрейра тихо прошептал: «Раусби Вуф! Раусби Вуф!»

Раусби встал и, ошетинившись, осмотрелся.

«Кто там?» — пролаял он.

«О Раусби Вуф! — продолжал Эль-Эхрейра, прижавшись к забору.— Ты — счастливейший из псов!» — «Чего? Кто это? Смотри у меня!» — зарычал Раусби Вуф. «Внимай мне, великий крысолов! Я — фея Вау-Вау! Меня послала к тебе властительница царства собак-привидений — королева Дуропес! Далеко от сих мест стоит ее волшебный чертог. Ах, Раусби Вуф, если бы ты хоть одним глазком мог повидать наше богатое государство, ты узнал бы воистину чудеса! У нас повсюду лежат кучи отличной падали первого сорта. А навозу у нас, Раусби, навозу! О, с каким восторгом ты носился бы там, обнюхивая окрестности! Королева Дуропес чтит в твоём лице лучшего крысолова мира! — продолжал Эль-Эхрейра.— Я вижу, ты в смущении! Подойди поближе, Раусби Вуф!»

Раусби подошел к забору, а Эль-Эхрейра, просунув в щель свой черный резиновый нос, стал поводить им из стороны в сторону. Раусби принялся.

«Благородный крысолов! — совсем тихо прошептал Эль-Эхрейра.— Это я, фея Вау-Вау!»

Запах, идущий от Эль-Эхрейры, произвел наконец на Раусби должное впечатление. Он принялся бегать по двору кругами.

«Ах, фея Вау-Вау! — пролаял Раусби Вуф, исходя слюной. — Ах, какой от вас аристократический запах! Я не ошибся, это и в самом деле аромат дохлой кошки? А какой нежный оттенок придает ему запах тухлого верблюда! О эта роскошь и благодать знойного Востока!»

— А что за штука этот верблюд? — спросил Лохмач.

— Не знаю, но рассказчик, от которого я слышал эту историю, говорил именно так! — заметил Одуванчик. — «О благородный пес! — продолжал Эль-Эхрейра. — Будь же достоин милости королевы! Я принес тебе доказательство ее расположения, но ты также должен подвергнуться испытанию! На дальнем конце огорода лежит груда говядины, настоящей говядины, Раусби Вуф! Мы, собаки-призраки, приносим вполне земные дары благородным животным вроде тебя! Ступай — отыщи и вкуси наш дар! Я постерегу вместо тебя твой огород!»

Холод залезал Раусби в самый желудок, и он ужасно хотел мяса, но хозяин велел ему стеречь огород, и он колебался.

«Ах, так! — сказал Эль-Эхрейра. — Что ж! Я удаляюсь! В соседней деревне живет еще один пес!» — «Не уходи, фея Вау-Вау! Я верю тебе! Я бегу!» — пролаял Раусби и огромными скачками ускакал прочь.

«Ну что, хозяин? Пошли за капустой? — спросил Рэбскеттл. — Надо не зевать!» — «Что ты, Рэбскеттл! Разве возможен тут обман! Стыдись! Мы охраняем чужой дом!»

Они долго ждали. Наконец Раусби Вуф вернулся, облизывая пасть и ухмыляясь. Он подошел к забору и обнюхал его.

«Огород цел и невредим! — объявил Эль-Эхрейра. — Я доложу королеве, что ты оказался достойным ее милости. Завтра она отправляется на Волчий Фестиваль и проездом будет здесь!» — «О фея Вау-Вау! — завыл Раусби Вуф. — Я р-р-рад! С каким восторгом я буду перед королевой пресмыкаться! Как униженно буду валяться по земле! Как верноподданно буду заискивать!» — «Наберись терпения до завтра!» — сказал Эль-Эхрейра.

Кролики спрятали нос возле огорода, и им пришлось повозиться, чтобы на другой день снова подготовить его для Раусби Вуфа. Убедившись, что хозяин ушел,

они осторожно подошли к забору. Раусби Вуф топтался взад и вперед возле двери в кухню, а клубы пара вылетали у него из пасти. Едва Эль-Эхрейра раскрыл рот, как Раусби Вуф улегся на землю и заскулил от верноподданнического восторга.

«Ее величество летит сюда на крыльях ночи, Раусби Вуф! — сказал Эль-Эхрейра, высунув свой резиновый нос. — Знаешь ли ты перекресток на деревенской улице?» — «Да, да! — завыл Раусби Вуф. — О, разрешите мне показать, как я умею подхалимничать, дорогая фея Вау-Вау!» — «Жди королеву на перекрестке!» — сказал Эль-Эхрейра. «Ур-р-ра! — вскричал Раусби Вуф. — Я распластаюсь ниц, как червяк! Я буду скулить, как нищий, кривляться, как королевский шут, как... дурак!» — «Это точно!» — вслед ему заметил Эль-Эхрейра.

Как только Раусби Вуф убежал, Эль-Эхрейра зубами вытащил тряпку из дыры под водостоком, и кролики пробрались на кухню. В углу лежали огромные кучи капусты и репы. Они уже оттаяли, и восхитительный запах прямо валил с ног. Эль-Эхрейра и Рэбскеттл постарались вознаградить себя за те дни, когда им приходилось есть мерзлую траву и древесную кору.

«Замечательный парень этот Раусби, и какой преданный! — пробурчал Эль-Эхрейра с набитым ртом. — Пусть он подождет королеву подольше! А пока скушай еще репку, Рэбскеттл!»

На перекрестке Раусби Вуф, тревожно прислушиваясь, поджидал приезда королевы Дуропес. Наконец он услышал шаги, но увы! Это не были шаги призрачных собак — он распознал в них походку хозяина! По тупости своей он не сообразил, что надо удрать, и возвращавшийся домой хозяин схватил его за ошейник.

Раусби Вуф с самым глупым видом начал обнюхивать ему ноги, тычась в них носом. Хозяину показалось, что он разгадал намерения верного пса.

«Ты пришел меня встречать, старина! Отличный парень!»

Раусби Вуф попытался улизнуть, но хозяин взял его на поводок и увел домой.

Эль-Эхрейра не ожидал, что они так скоро вернутся. Он деловито начинался капустой и слышал шаги, только когда повернулась дверная задвижка. Оба кролика едва успели нырнуть под груды корзин. У Раусби Вуфа был весьма унылый вид. Он не лаял и даже не почуял запаха

кроликов, хотя этот запах витал по кухне, забивая запах горящих дров и кладовой. Он улегся на свою подстилку, а хозяин занялся приготовлением какого-то зелья.

Эль-Эхрейра решил улучшить минутку, когда можно будет юркнуть в дырку в стене. Однако, напустив дыму из белой палочки и попивая свое зелье, хозяин заметил, что из дырки тянет сквозняком. К ужасу кроликов, он схватил тряпку и накрепко заткнул дыру. Затем допил свое питье и пошел в спальню.

Сначала Раусби Вуф, подвывая, царапался в двери, но затем улегся на подстилке возле огня и затих. Эль-Эхрейра и Рэбскеттл тихонько пробрались вдоль стены и спрятались за железным ящиком под умывальником.

«О Раусби Вуф!» — зашептал Эль-Эхрейра. Услышав знакомый голос, Раусби немедленно вскочил.

«Ты ли это, фея Вау-Вау!» — вскричал он. «Как жаль, что тебя постигло разочарование! Ты так и не встретил королевы, мой друг! — лицемерно протянул Эль-Эхрейра и прибавил: — Однако это еще полбеды! А сейчас нам грозит настоящая беда! Твой хозяин может заболеть чумой!» — «Какой ужас! Как же мне спасти его?» — с тревогой осведомился Раусби. «В животном царстве у нас есть смертельные враги, да поразит их беда! Всех злее крысиный король Великан! Он боится открыто воевать с нашей королевой, но потихоньку копит яд и сеет страшную заразу. Ненавистный Великан послал своих волшебных крыс летать на тучах и разносить чуму! Я пришла предупредить тебя! Правда, крысиная зараза для тебя не опасна, но она может погубить твоего хозяина!» — «Что же мне делать, фея Вау-Вау?» — провыл Раусби Вуф. «Заразу можно уничтожить колдовством! — отвечал Эль-Эхрейра. — Если собака из плоти и крови четырежды obeжит вокруг дома, лая при этом изо всех сил, то чары сгинут! Но увы! Ведь ты взаперти! Значит, все пропало!» — «Ничуть не пропало!» — пролаял Раусби.

Тут Раусби Вуф стал так громко лаять, что и мертвый бы проснулся. Уголь вывалился из печи, и задрожали стекла. Хозяин с топотом промчался вниз по лестнице, открыл окно и прислушался, не лезут ли в дом воры. Однако из-за непрерывного лая Раусби ничего нельзя было разобрать. В конце концов хозяин схватил ружье, распахнул дверь и выскочил наружу. Раусби Вуф с отчаянным лаем опрометью кинулся за ним и помчался вокруг дома.

«Скорей! — крикнул Эль-Эхрейра Рэбскеттлу. — Бежим, да побыстрее феи Вау-Вау!»

Оба бросились во двор и скрылись в зарослях лавра. Издалека до них доносились лай Раусби и проклятия его хозяина.

«Благородное создание этот Раусби! — с чувством произнес Эль-Эхрейра. — Он нас спас-таки!»

* * *

Ранним утром Орех решил проведать, как идет работа над норами, и уже собрался спуститься в ход, как вдруг заметил, что какое-то крохотное существо копошится возле его лап в траве. Это была та мышь, которую он спас от пустельги. Обрадованный тем, что видит ее живой-здоровой, Орех остановился для приятной беседы. Узнав его, мышь заговорила, умывая мордочку лапами:

— Хорошие дни, теплые дни! Вам нравятся? Много еды! Вы куда-то уходили, но затем вернулись обратно?

— Мы теперь останемся здесь навсегда, — отвечал Орех.

— Хорошо, теперь много кроликов, — значит, трава будет покороче!

— Не все ли ей равно, длинная трава или нет? — заметил Лохмач, щипавший неподалеку мятлик наперегонки с Блэкаваром. — Мыши не едят травы!

— Разве вы не знаете, что в короткой траве нам легче бегать? — сказала мышь таким фамильярным тоном, что Лохмач только ушами затряс от злости. — Вот у вас есть колония, и вы делаете для нас траву покороче, а теперь, когда пришли и другие кролики, будет и вторая колония, и трава будет еще короче. А те, другие, кролики — ваши друзья?

— Да, да, все друзья! — нетерпеливо сказал Лохмач, повернувшись к мыши спиной.

— Где находятся эти кролики? Где их новая колония? — тревожно спросил Орех мышку.

Мышь заволновалась и, как это делают многие животные ее породы, решила говорить только то, что могло понравиться Ореху.

— Может быть, это совсем и не колония. Здесь и так много кроликов, и вы все — наши друзья! Вы меня спасли. А других кроликов, может быть, и нету! Зачем нам другие кролики?

Орех нагнулся к мышке и тихо, но твердо сказал:
— Ты говоришь, что мы — твои друзья! Тогда не бойся и Расскажи мне про других кроликов!

Мышь окончательно смутилась:

— Я ничего не видела, но брат говорил, что какая-то птичка видела, как много кроликов пришло на гребень холма. Может быть, это и неправда!

— Где же эта птичка видела чужих кроликов?

— Брат говорит, они пришли с утренней стороны холма!

— Спасибо! Это очень важные сведения! — сказал Орех. — Ну, что ты на это скажешь? — спросил Орех Лохмача.

— Подумаешь! Это обычные сплетни травы и улицы! Мыши наговорят тебе чего угодно, и каждый раз по-новому, — фыркнул Лохмач.

— Надо все же докопаться до сути и самим это проверить. Если бы у меня не болела нога, я пошел бы сейчас на разведку! — сказал Орех.

— Забудь ты об этом хоть на сегодня! — попросил Лохмач.

— Кто-то должен тотчас же проверить слухи! Лучше всего, если это будет опытный разведчик. Где Остролист и Блэкавар?

— Да мы как раз тут! — сказал, появляясь из-за кустов, Остролист.

— Какие-то кролики стали лагерем на утренней стороне холма! Взберитесь вместе с Блэкаваром на вершину и разузнайте, в чем дело! — сказал Орех. — Беги быстрее, Остролист! Меня это очень беспокоит!

Едва Остролист и Блэкавар удалились, как из-под земли вырос Вероника. У него был торжествующий вид. Он оглядел всех присутствующих, чтобы посмотреть, какой эффект произведет его сообщение, и заявил:

— Только что у Белой Кашки появился выводок! Все чудесные здоровые крольчата. Шестеро — три кролика и три крольчихи!

— Ну, наконец-то у нас начинается нормальная кроличья жизнь! — сказал Лохмач.

— Теперь ты должен будешь воспитать из новых крольчат настоящих солдат для нашей Ауслы, — сказал Орех.

— Это дело по мне! — воскликнул Лохмач. — Я уже предвкушаю, как уведу команду новобранцев к амбару

и мы для возбуждения аппетита повыгоняем оттуда всех кошек! Однако здесь трава жестче конских волос и крученой проволоки! Не сбегать ли нам в поле к подножию холма? Хлеб уже сжали, и там можно набрать колосков. Идем, пока хозяева не подожгли стерню!

— Надо сначала узнать, какие известия принесут Остролист с Блэкаваром,— сказал Орех.

— Да вон они бегут! Скачут по самой дороге и не заботятся об укрытии! Однако какая прыть!

— Что-то случилось,— сказал Орех, глядя на приближающихся кроликов.

Остролист и Блэкавар на предельной скорости доскакали до леса. Они неслись так, словно за ними была погоня. Орех ожидал, что на склоне они замедлят бег, но Остролист и Блэкавар сразу же бросились в норы. В последнюю минуту Остролист остановился, оглянулся и дважды топнул лапой, Блэкавар же скрылся в ближайшем ходу.

— Стой! — закричал Орех. — Остролист! Отчего вы подняли тревогу? Не топай так страшно, не то крыши завалятся. Скажи лучше: что произошло?

— Зарывайте ходы! — прохрипел Остролист. — Все под землю, в норы! Нельзя терять ни секунды!

У него закатились глаза, а по подбородку струилась пена.

— Что же случилось?

— Торопитесь! На холмах толпа эфрафанцев! — крикнул Остролист.

— Эфрафанцев? Беглецов из Эфрафы?

— Нет. Здесь Горицвет с солдатами! Мы натолкнулись на его отряд! Наверное, здесь сам генерал! Они пришли отомстить! Нас всех перебьют!

— Может, это простой патруль! — заметил Орех.

— Нет, это не патруль! — отвечал Остролист. — Мы учуяли запах и ясно слышали топот сотни лап. Сначала мы подивились, что делает такая большая толпа кроликов на пустынных холмах, и тут напоролись на Горицвета. Мы столкнулись с ним нос к носу! Тут до меня дошло, что все это значит. Тогда мы повернули и прибавили ходу! Он было за нами погнался, но, видно, у него не было приказа ловить одиночек.

— Сэр, нужно немедленно уходить из колонии! — сказал Ореху Блэкавар. — Прежде чем они сюда доберутся, мы сможем далеко уйти!

Орех осмотрелся.

— Кто хочет идти — пусть идет! Я не тронусь с места! Это наш дом, мы сами его построили, и только один Фрис знает, чего это нам стоило! — твердо сказал он.

— Я тоже остаюсь! — сказал Лохмач. — Если меня ждет Черный Кролик, то я, пожалуй, захвачу с собой еще парочку эфрафанцев!

Наступило недолгое молчание.

— Нужно закопать ходы! — сказал Орех. — Вряд ли они сумеют целую неделю простоять осадой наверху. Вокруг них сразу же соберутся элилы.

— Не знаешь ты эфрафанцев! — вмешался Блэкавар. — Мать мне рассказывала, как они напали на ее колонию! Я помню, какие ужасы там творились! Лучше бежать!

— Беги, я не стану тебя удерживать! — сказал Орех. — Я остаюсь.

Орех посмотрел на Хайзентли. Она сидела у входа в большую нору, прислушиваясь к разговору. Хайзентли должна была скоро принести крольчат.

— Разве Хайзентли может бежать? Неужели мы бросим Хайзентли и Кашку, спасая свои шкуры? — спросил Орех.

— Нет, мы остаемся. Надеюсь, Фрис укроет нас от этих эфрафанцев с их жутким Зверобоем! Клянусь, я все равно не пойду в Эфрафу! — торжественно произнес Земляника.

— Закапывайте ходы! — приказал Орех.

Солнце закатилось. Работая передними и задними лапами и не жалея когтей, кролики принялись заваливать ходы. Жаркая погода стояла давно, и стены и потолки затвердели, как камень. Начало оказалось нелегким. Сухая, как порох, земля полностью не заполняла туннелей. Смородина предложил разломать потолок Сот и, подавая сырую землю из глубины, завалить этой землей ходы. Туннель, ведущий в лес, решили оставить открытым. Здесь находился коридорчик Кихара и все еще лежал его помет. Ореху пришлось в голову, что Зверобоем неизвестно про то, что Кихар их покинул, и он распорядился, чтоб помет разбросали вокруг. Вслед за тем Орех поднялся на откос и стал наблюдать за темнеющим горизонтом. Наш предводитель кроликов был близок к отчаянию. Он понимал, как мало у его друзей шансов на спасение. Нельзя было рассчитывать на то, что эфрафанцы испу-

гаются элилей и разбегутся. Эфрафанцы не страшились смерти. «Они, несомненно, выстоят до конца осады, если только не будет убит сам Зверобой или не произойдет какая-нибудь непредвиденная катастрофа!» — подумал Орех.

А не следует ли ему пойти на переговоры со Зверобоем? Может быть, удастся его урезонить? Что бы там ни говорили, сражаться против таких богатырей, как Лохмач, Серебристый или Остролист, не понеся тяжелых потерь, невозможно! Должен же Зверобой это понять! Может быть, Ореху все же удастся склонить генерала принять новый проект, выгодный для обеих колоний? Главный Кролик не должен упускать подобной возможности! Однако доверять такой свирепой скотине, как Зверобой, неблагоприятно, и Главный обязан пойти на это дело в одиночку, не подвергая своих подчиненных риску.

Обдумав все, Орех вернулся в Соты и разыскал Лохмача.

— Мне придется отправиться на переговоры с этим Зверобоем, — сказал Орех. — Назначаю тебя на время моего отсутствия Главным Кроликом колонии!

— Что ты, Орех! Как можно так рисковать! Встреча с эфрафанцами — опасное дело, а уж переговоры... — протестовал Лохмач.

— Я обязан выяснить намерения противника! — твердо сказал Орех.

Через минуту он спустился к подножию холма и, слегка прихрамывая, поскакал по дороге, по временам присаживаясь и поминутно оглядываясь в ожидании встречи с эфрафанским патрулем.

4+4+4+4+3. *Осада* *и штурм*

Часть власти и авторитета Зверобоя уплыла вслед за плоскодонкой в ту страшную грозовую ночь. Генерал остался в дураках. Он так растерялся, словно Орех и его друзья взмыли на его глазах в воздух и умчались с ветром.

Эфрафанцам пришлось несолоно хлебавши повернуть назад, и они зашагали в Эфрафу под проливным дождем.

Тут генерал услышал, как один из его офицеров прошептал другому на ухо: «Тсарн!» Что ж, верно: генерал оцепенел, когда Тлейли, Блэкавар и все крольчихи вдруг исчезли у них на глазах!

Обдумывая в ту ночь план дальнейших действий, Зверобой долго не мог заснуть. На следующий день он созвал чрезвычайное заседание Сената. Он сказал, что не видит смысла в том, чтобы отправлять в погоню за Тлейли небольшой отряд солдат. Разбить противника можно лишь крупными силами. Но отсылать войска рискованно, учитывая, что в их отсутствие в колонии снова могут начаться волнения.

— Я догадался, где эфрафанцы впервые столкнулись с Тлейли и его бандой,— заявил Зверобой.— Это случилось в лесу у Цезарева Пояса, когда Мальва погнался за ними и его растерзала лиса. Рано или поздно кролики Тлейли снова остановятся на отдых в лесу Пояса.

— Но в ожидании врага разведчикам придется рыть себе убежища и строить временную колонию! — робко заметил Крестовник.

— И все же я настаиваю на том, чтоб разведчики вырыли норы и на время поселились в этом лесу! Если дозор обнаружит Тлейли, разведчики должны понаблюдать за его отрядом и узнать, куда он увел крольчих. Когда мы найдем их колонию, я обещаю, что займусь ими лично,— произнес Зверобой, злобно обводя присутствующих огромными блеклыми глазами.— Уж Тлейли-то я собственноручно убью!

Зверобой стал во главе первого отряда разведчиков. С ними пошел Крестовник, который указал то место, где Мальва обнаружил следы чужаков. В кустах на опушке Цезарева Пояса разведчики выкопали норы и затаились в них.

После двух дней бесплодного ожидания их надежды на удачу несколько потускнели.

Поскольку успеха у разведчиков все не было, вскоре в Сенат поступило предложение снять дозор. Грозно рыча, Зверобой потребовал, чтоб Сенат не очень-то торопился.

Противники Зверобоя заспорили, и в результате генерал почувствовал, что столкнулся с таким упорным сопротивлением, какого не встречал ни разу в жизни. Тут в нору Сената ворвался Горицвет, до смерти усталый, и объявил, что он подстерег Тлейли у Цезарева Пояса.

Горицвет доложил, что он тайком дошел за отрядом Тлейли до колонии чужаков. Вражеская колония показалась Горицвету небольшой.

Эта новость ошеломила членов Сената. Сопротивление противников Зверобоя было сломлено, и многие из его офицеров захотели немедленно отправиться в путь. Однако Зверобой решил не торопиться. Услышав, что Горицвет лицом к лицу повстречался с Тлейли и Блэкаваром, он сказал, что следует выждать, пока не ослабнет бдительность противника. Генерал совершил пробный поход до колонии Тлейли. Здесь он обнаружил, что можно подкрасться к буковой роще совершенно незаметно для колонистов. Эфрафанцам следовало ночью прибыть на Уотершипский холм и внезапно напасть на кроликов Тлейли. Вся задуманная Зверобоем операция была бы молниеносной и заняла бы всего три дня.

Генерал твердо решил не тащить за собой всю кроличью хрейру. От слабых, с трудом переносящих долгие переходы солдат в бою не будет особого толку, и с ними не оберешься хлопот. Дальний путь чреват опасностями, а отставшие и ослабевшие кролики служат хорошей приманкой для элилей.

Руководство операцией Зверобой взял на себя. Каждый рядовой знал, что главнокомандующий принимает участие в десанте. Его солдаты гордились тем, что они лучшие из лучших и специально отобраны из команды отличных бойцов. Их набралось то ли двадцать пять, то ли двадцать семь. Половину составляли солдаты Ауслы, а другую отобрали из многообещающих юнцов по рекомендации офицеров их меток. Стараясь пробудить в бойцах дух соревнования, Зверобой объявил, что отличившихся ожидает высокая награда.

Ясным августовским утром армия выступила в поход. Эфрафанцы разбились на небольшие отряды и направились вдоль плетней к Уотершипскому холму. Вскоре после ни-Фриса обнаружилось, что кое-кто из новобранцев отстал, и Зверобой сам пошел на поиски отставших. Их оказалось всего трое, причем один из них поранил лапу осколком стекла. Зверобой привел всех троих к их отрядам и объявил привал, причем сам встал на часы. Собрав всех ослабевших в один отряд, Зверобой принял над ним командование.

Ранним вечером эфрафанцы пробрались на гребень холма к югу от фермы. Генерал отдал приказ покормиться,

уйти в укрытие и отдыхать до захода солнца. Вокруг было пустынно. Только несколько овсянок и полевых мышей копошились на солнце, подбирая оставшееся зерно. На холм уже упала тень, когда внезапно прибежал Горицвет и сообщил, что он нос к носу встретился с Блэкаваром и Остролистом. Тут Зверобой дал волю своему гневу.

— Зачем ты их не растерзал! Зачем дал им уйти! — заорал он. — Теперь наша атака не будет внезапной!

Обдумывая сложившееся положение, генерал обошел свое войско, проводя смотр, а также подбадривая бойцов.

Он понял, что шанс поймать Тлейли врасплох был безвозвратно утерян.

Оставалась надежда на то, что противник настолько напуган, что сам откажется от боя. Зверобой обернулся к молодому кролику из «Метки шеи», щипавшему поблизости траву.

— Слушать мою команду, Репейник!

— Есть, сэр!

— Разыщи капитана Горицвета и скажи, чтобы он ждал меня у ближайшего можжевельника.

Решив предварительно разведать, что происходит в колонии, Зверобой вместе с Горицветом и Репейником вышли на гребень холма.

— Если кролики Тлейли бежали из колонии, то они не успели уйти далеко! Только я уверен, что они остались... — заметил генерал.

В этот момент прямо из травы перед генералом внезапно вырос незнакомый кролик. Он ни с того ни с сего уселся посреди дорожки с решительным, хотя и настороженным видом.

— Вы — генерал Зверобой? — спросил кролик. — Я должен с вами переговорить.

— Ты что ж, парламентар от Тлейли? — осведомился Зверобой.

— Тлейли — мой друг. Наши кролики хотят знать: что вам от нас нужно? — спросил кролик.

— Уничтожить вас! — прорычал Зверобой.

— Это будет нелегким делом! — сказал кролик. — Далеко не каждый пришедший сюда вернется домой! Будет лучше, если мы сумеем договориться!

— Тогда вот мои условия, — отрезал Зверобой. — Верните всех крольчих, ушедших из Эфрафы, и передайте мне Тлейли и Блэкавара! Они дезертиры!

— Я пришел с другими предложениями, гораздо более привлекательными для обеих сторон, — сказал хромой кролик. — У кролика пара глаз, пара ушей и пара ноздрей. Пусть две наши колонии станут такой же дружной парой! Не станем сражаться, а заживем в согласии! Вместе мы дадим начало новой колонии и заложим ее на полпути отсюда до Эфрафы. Вы при этом только выигрываете, мы тоже не останемся в накладе! Давайте не будем ссориться! У кроликов и без того много врагов! Вот наши предложения — каков будет ваш ответ?

Солнце закатывалось за Уотершипский холм. Генерал оказался перед нелегким выбором. Ему предстояло показать, чего он, в сущности, стоит: является ли он в самом деле великим полководцем, не лишенным фантазии, или он обычный тиран с хитростью заурядного пирата? На секунду ему открылось величие замысла хромого кролика, но он тотчас же отбросил эту мысль как негодную. Солнце зашло за тучи, и генерал отчетливо увидел дорогу, ведущую в буковую рощу. Воображение ярко нарисовало ему картину кровопролитной резни, которую он с таким рвением подготовил. Он заорал:

— Не вам со мной вести торг! Больше разговаривать не о чем! Репейник, прикажи Вербене, пусть ведет войска на приступ!

— А что делать с этим кроликом? Убить его? — спросил Горицвет.

— Не надо! Это парламентар! Пусть передаст наш ответ врагам! Эй, ты! Ступай и скажи Тлейли, что если он и Блэкавар, а также все крольчихи не вылезут утром из колонии мне навстречу, то к завтрашнему ни-Фрису я вырву глаза у всех ваших кроликов!

Хромой кролик собирался что-то ответить, но Зверобой повернулся к нему спиной и начал объяснять Горицвету план предстоящего штурма. Никто более не обращал ни малейшего внимания на хромого кролика, и он заковылял обратно по той же дороге, по которой пришел.

Еще не сгустились сумерки, когда эфрафанцы вступили в буковую рощу и окружили колонию. Они осмотрели откосы, пытаясь установить величину укреплений и отыскать ведущие туда ходы. Обнаружив множество ходов на сравнительно малой площади, они растерялись и решили, что под землей спряталось множество врагов.

При внезапно раздавшемся крике чибиса пара рядовых обратилась в бегство, так что офицерам пришлось

силой вернуть их в строй. Видимо, рассказ о том, как Тлейли во время грозы вызвал большую белую птицу, не потерял живости от того, что его много раз пересказывали в норах Эфрафы.

Зверобой велел Горицвету выставить часовых, а Вербене и Крестовнику приказал заняться закрытыми ходами.

Желая показать своим солдатам пример, Крестовник отвалил от хода на откосе рыхлую землю. Прорывая ее, подобно плугу, и завязнув в земле, как муха в растаявшем на солнце масле, Крестовник вдруг прямо перед собой обнаружил Блэкавара, который мгновенно погрузил резцы ему в шею.

Не имея возможности использовать свое преимущество в весе, Крестовник вопил и отбивался лапами, как умел, но Блэкавар не отступал. Наконец Блэкавар выплюнул изо рта шерсть и отскочил в сторону, выставив вперед когти передних лап, но Крестовник уже повернулся спиной и улепетывал.

Зверобой понял, что, штурмуя обороняемые ходы, захватить колонию будет очень трудно. Шансы на успех значительно повышались, если бы его солдаты сумели сами отрыть один-два хода и быстро в них спуститься. Однако генерал сомневался, что после первых неудачных попыток его кролики отважатся на штурм.

Когда взошла луна, он подозвал Горицвета, чтобы обговорить положение. Горицвет попросту предложил длительную осаду колонии. В конце концов враг сдастся, вынужденный на это голодом. Однако Зверобой сразу же с досадой отверг этот план. Он понимал, что лишь громкая победа над врагом может восстановить его репутацию! Долгая осада была бы лишь скромным достижением.

— После того как мы захватили колонию возле роши Натли и бой подходил к концу, наши противники заперлись в маленькой норе,— сказал Зверобой.— Я велел их добить, а сам повел пленных в Эфрафу. Кто их прикончил и как это было сделано? — спросил Зверобой Горицвета.

— Этот подвиг совершил покойный капитан Мальва. Среди нас есть его солдаты! — сказал Горицвет.

— Найти кого-нибудь из них! — приказал генерал.

Горицвет вызвал из строя тяжелого кролика по имени Желтуха. Тот никак не мог взять в толк, что от него требуется. В конце концов он вспомнил, что при осаде Натли капитан Мальва приказал прорыть в колонии туннель, отвесно идущий вниз, после чего земля под ними раз-

верзлась и все они свалились вниз на вражеских солдат. Те были захвачены врасплох и перебиты.

— Так надо поступить и сейчас! — сказал генерал. — Если наши солдаты выкоют туннель, мы пробьем себе путь в колонию еще до рассвета! Выставь у входов часовых — и за дело!

Вскоре укрывшиеся в Соты обитатели колонии услышали, что неприятель начал рыть подкоп. Колонисты заметили, что работы велись в двух местах. Особенно активно враг действовал у северной стороны Сот, там, где корни образовали непроходимый свод. Второй ход враг начал рыть у самого купола Сот, там, где зала была разделена на закоулки и ходы. За этими ходами скрывались спальные норы, и в одной из них, устланной мехом, выщипанным с ее живота, лежала на куче травы и листьев Белая Кашка, присыпанная для безопасности землей вместе с ее сладко спящими крольчатами.

— Кажется, неприятелю пришлось рыть подкоп! — сказал Орех. — Пусть враги затупят свои когти и выбьются из сил! Что ты на это скажешь, Смородина?

— Боюсь, что нам от этого не легче! — отвечал Смородина. — Конечно, у северного конца рыть тяжело. Там много укреплений, и землекопов надолго задержат корни. А вот в южном углу зала работа пойдет споро, и они до нас быстро докопаются!

Работы продолжались, и шум стал доноситься из южного угла очень отчетливо. Орех почувствовал, что мало-помалу его осажденных друзей охватывает ужас.

— Они нас заберут в Эфрафу, и там в полиции... — прошептала одна молодая крольчиха на ухо Сесусиннан.

— Замолчи! — одернула ее Хайзентли. — Наши кролики глупостей не болтают! Я счастлива, что мне удалось хотя бы попробовать здешней жизни!

Орех и Лохмач оценили эти мужественные слова. В темноте Лохмач носом потерся о плечо Ореха и прижал друга к стене залы.

— Они с нами еще не покончили, далеко нет! Когда крыша обвалится, враги полезут в Соты с южного конца. Пусть все кролики спрячутся в спальные норы с северной стороны и зароят изнутри идущие к ним ходы, — посоветовал Лохмач. — Тогда вражеская операция снова сорвется!

— Это поможет нам лишь протянуть немного подольше, — сказал Орех.

— А когда они попытаются прорваться в спальные норы, я с парочкой друзей брошусь им наперерез! — объявил Лохмач.

Поняв, что Лохмач с нетерпением ждет нападения эфрафанцев, Орех почувствовал какую-то странную зависть. Лохмач и в самом деле решил показать, на что он способен. Бездна их положения не казалась ему столь очевидной, а доносившийся до них шум будил мысль Лохмача лишь в одном направлении: как бы по-дороже продать свою жизнь. Работа могла занять осажденных и тем самым рассеять молчаливый ужас, распространившийся по колонии. Орех решил последовать совету Лохмача.

— Отлично! — сказал он. — Приготовь Зверобою теплый прием. Всем остальным слушать приказ: укрепляйте спальные норы!

Лохмач объяснил Серебристому и Остролисту, где начать оборонные работы, а Орех послал Веронику на пост к северному концу Сот и велел вести наблюдение за неприятелем.

— Основные стены ломать опасно, на них держится крыша! — заметил Остролист.

— Не надо их трогать! — сказал Лохмач. — Завалите только тонкие стенки, ведущие в спальные норы. В спальнях должна затануть вся хрейра! Излишком земли заполним пустоту между колоннами, и таким образом перед врагом вырастет сплошная стена!

После возвращения из Эфрафы Лохмач занял в колонии высокое место главнокомандующего. Видя, что их боевой командир не потерял присутствия духа, колонисты постарались подавить страх и с усердием выполняли его приказания. Они расширили спальные норы и выгребли мягкую землю, завалив ею ходы, ведущие в Соты. Когда работа подходила к концу, Вероника объявил, что враг почему-то прекратил рыть подкоп в северной части Сот.

Орех прошел за Вероникой на пост и присел, прислушиваясь. В самом деле, шума подкопа более было не слышно. Возвращаясь в Соты, Орех увидел Крушину, который охранял выход из единственного оставшегося незаваленным коридора Кихара.

— Тебе понятно, что происходит наверху? — спросил Крушину Орех. — Эфрафанцы поняли, что у свода находятся корни, и бросили работы. Теперь они все вместе начнут раскапывать южный угол!

— Боюсь, что ты не ошибаешься! — сказал Крушина. — А помнишь, как на нас напали крысы в амбаре? Тогда мы спаслись бегством! На этот раз нам так легко не отделаться! Обидно все же погибнуть после всего, чего мы добились!

«Что случится с Крушиной к завтрашнему ни-Фрису, — подумал Орех, — с честнейшим и благороднейшим Крушиной!» А он сам, Орех, к чему привели все его мудрые проекты? Неужели его друзья преодолели все трудности только для того, чтобы погибнуть от когтей генерала Зверобоя? Нет, они не заслуживают подобной участи! Не к такому концу должна вывести их та хитрая тропа, которой они шли! Но как задержать Зверобоя? В глубине души Орех знал, что им нет спасения!

Крах-крах-крах — все ближе слышался шум от когтей эфранцев. Проходя погруженную во тьму залу, Орех натолкнулся на какого-то кролика, безмолвно затаившегося у вновь возведенной стены. Он остановился и понюхал воздух. Это был Пятый.

— Почему ты не работаешь? — с тревогой спросил Орех.

— Я слушаю.

— Слушаешь, как роят подкоп?

— Нет! Я пытаюсь услышать то, чего вы не слышите! Только я почти разучился слушать. Падают листья... Я ухожу, Орех, ухожу, я падаю!..

Он пробормотал что-то еще и затих. Орех наклонился над Пятым, трогая носом его вялый бок.

— Холодно! — шептал Пятый. — Как, как, как холодно... Как, как...

Наступило молчание.

— Пятый! Очнись, Пятый! — вскричал Орех.

Из уст Пятого внезапно вырвался чудовищный вой. Услышав его, колонисты подскочили от ужаса. Это не был голос кролика! Он был похож на вой собаки.

— Гр-рязные мелкие твар-р-ри! — вопил Пятый. — Как, как, как посмели вы сунуть сюда свои ры-рыла? Вон отсюда! Вон! Вау, вау!

Задыхаясь и дергаясь, Лохмач прорвался в залу через кучу земли.

— Ради Фриса, заставь Пятого замолчать, Орех! — прохрипел он. — Не то мы все сойдем с ума!

Дрожа от страха, Орех когтями поцарапал бок Пятого, но Пятый уже лежал в тяжелом забытьи.

В памяти Ореха внезапно закивали на ветру зеленые ветви. Казалось, что-то скрывается за ними! Он почувствовал свежий запах воды и страх. На минуту он совершенно ясно увидел в сумрачном рассвете маленькую кучку кроликов на берегу ручья. Они прислушивались к лаю собаки и к крику сойки, раздающемуся из-за леса... «На твоём месте я не стал бы дожидаться ни-Фриса. Я бы пошел немедленно. В лесу большая собака, сорвавшаяся с цепи!..»

Ветер дул, деревья трясли мириадами листьев... Вдруг ручей пропал... Орех вновь оказался в Сотах. Он стоял в темноте рядом с Лохмачом над неподвижным телом Пятого. Царапанье сверху стало громче и как будто приблизилось.

Внезапно Ореху стало ясно, как разогнать осаждающих и спасти колонию.

— Лохмач! Позови Одуванчика и Смородину. Пусть сейчас же бегут к выходу из Кихаровой норы! — сказал он.

У главного хода на своем посту по-прежнему стоял Крушина. Когда раздался вопль Пятого, он не тронулся с места, но у него учащенно забилося сердце.

Смородина, Одуванчик и Лохмач были уже у самого выхода.

— Я кое-что придумал, но у меня нет времени для объяснений, — сказал Орех. — Дорога каждая секунда! Одуванчик и Смородина! Бегите по холму между деревьями, а затем спуститесь к полям. Ни за что не останавливайтесь! Подождите меня на поле! Если враги все-таки сюда ворвутся, стой насмерть, Лохмач! А мне сам Эль-Эхрейра подсказал, как спасти нашу колонию!

— Куда же вы направляетесь, Орех? — спросил Лохмач.

— На ферму! Я собираюсь там перегрызть еще одну веревку! Итак, к выходу, Смородина и Одуванчик! Если встретитесь с противником, не сражайтесь! Бегите вперед!

С этими словами Орех вслед за Смородиной и Одуванчиком выбежал из норы.

* * *

В желтом свете луны, пятнами и клетками разрисовавшем землю, стоял генерал Зверобой. Он отчитывал Репейника и Желтуху:

— Как вы посмели отойти от выхода! Немедленно по местам! Нечего прислушиваться!

— Даю вам слово, сэр,— с некоторым раздражением ответил Репейник,— внутри у них сидит какое-то животное, и это не кролик! Мы оба слышали собачий вой!

Солдаты, занятые неподалеку рытьем туннеля, прислушались и бросили работу. Все стали понемногу собираться вокруг. Послышалось взволнованное перешептывание:

— У противника есть хомба, она убила капитана Мальву!

— У них есть большая птица! Она умеет превращаться в молнию!

— Не лучше ли бежать отсюда?

— Молчать! — закричал Зверобой, подходя к разговарившим солдатам.— Кто сказал «бежать»? Ты? Что ж, беги домой! Иди, поторапливайся! Я жду! Дорога домой вон там!

Кролик, на которого накинулся генерал, не посмел двинуться с места. Зверобой медленно обвел взглядом всех присутствующих.

— Кто хочет, может идти домой! Дорога далекая, а офицеры остаются здесь. Не желаете? Тогда немедленно принимайтесь за подкоп. Капитан Вербена и капитан Крестовник, за дело! Репейник, позови Горицвета! Желтуха! Не отходить от выхода ни на минуту!

Рытье подкопа возобновилось. Вырытый туннель был уже достаточно глубок, и все же крыша колонии не заваливалась. Однако все кролики почуяли, что до нор уже недалеко.

— Работать энергичнее! — приказал Зверобой.

* * *

— Вам понятно, что я задумал? — спросил Орех, когда они вместе со Смородиной и Одуванчиком выбрались из зарослей, окружающих столбы электропередачи.

— Нелегкое это дело, но стоящее! — задумчиво протянул Смородин.

— Тогда бежим напрямик! Только не спешите! Мне за вами не поспеть! — сказал Орех.

Кролики с легкостью перебежали поле. Одуванчик неся впереди. Вскоре они добежали до дороги, и Орех присел за живой изгородью у ближайшей канавы.

— Оставайся у этой канавы, Смородин,— сказал он.— У тебя самая умная голова, так что пользуйся ею умело и не теряй ее! Когда вернется Одуванчик, бросай-

тесь с ним бежать в нору Кихара и сидите там до тех пор, пока все не кончится! Задание понятно?

— Понятно, Орех-ра! Но мне придется мчаться отсюда до самых нор без единой остановки! Здесь нет укрытия!

— Верно! Но ничего не поделаешь! Если будет совсем туго, бросайся к изгороди и виляй. Вылезай то с одной, то с другой стороны. Сейчас нет времени детально разрабатывать план!

Смородина зарылся в мох и прикрылся плющом. Орех с Одуванчиком перешли дорогу и пошли вверх по склону, направляясь к амбарам.

Уже рассвело, и жаворонки поднялись в вышину. Подойдя поближе к дому, кролики слышали вздохи листвы на вязах, и один темный лист, кружась, упал на откос канавы. Наконец кролики вышли во двор фермы со стоявшими на нем службами.

В дальнем конце двора стояла собачья конура. Собаки не было видно, но веревка, привязанная к кольцу на плоской крыше конуры, проходила внутрь и терялась за покрытым соломой порогом.

— Одуванчик! Ложись на траву прямо против будки,— сказал Орех.— Я перегрызу веревку, и она упадет вниз. Собака проснется от шума. Ты должен выманить собаку из усадьбы и заставить ее погнаться за собой. Уводи ее в поле! Ты так быстро бегаешь, что собака тебя не догонит!

— Если мы когда-нибудь увидимся, у нас наберется приключений на самую интересную сказку на свете, Орех-ра! — сказал Одуванчик и забрался в высокую траву около тропинки.

Орех двинулся вперед в утреннюю сторону и вскоре дошел до стены дома. Он осторожно запрыгал вдоль нее, приземляясь то на узкую клумбу, то рядом с нею. Орех заметил, что здесь сладко пахло цветущими флоксами, палым листом и коровьим навозом. Кроме того, у стены стоял кошачий запах и противно воняло стоячей водой. Вскоре Орех добрался до задней стенки конуры. Рядом с будкой стоял полуразобранный сноп соломы. Вот это была удача! Он полез по снопу на будку. На обитой войлоком крыше лежало драное, промокшее от росы одеяло. Орех понюхал его, потом положил передние лапы, подтянулся и оказался на крыше. Подумал: не слишком ли много шума? Не разносится ли повсюду его запах?

Он подождал, готовый при малейшем движении собаки прыгнуть вниз, но все было тихо, и он пополз по крыше вперед, туда, где было ввинчено в крышу кольцо. От собаки шел пугающий его дух. Ужас кричал каждой клеточкой его тела: беги! Спасайся! Но он полз вперед и остановился только потому, что когти слишком громко зацарапали по дереву. Все было по-прежнему тихо. Согнувшись, он схватил зубами толстую веревку. Грызть ее оказалось легче, чем он ожидал. Слегка покрытая росой веревка была легкой и сухой внутри. Очень скоро показалась ее светлая сердцевина. Передние резцы Ореха без усталости работали, и вскоре он почувствовал, как рвется сухая пенька. Вдруг он услышал, что собака тяжело заворочалась в будке, потянулась и зевнула. Веревка при этом слегка натянулась. Внизу зашуршала солома, и облако отвратительной вони поднялось к ноздрям Ореха.

Орех еще немного поработал зубами и сел передохнуть, чтобы взглянуть, как идут дела у Одуванчика. Посмотрев в его сторону, Орех широко открыл глаза и застыл от ужаса. В траве неподалеку от Одуванчика показалась полосатая кошка с белой грудкой. Она тоже широко раскрыла глаза и уставилась на обоих кроликов, колотя хвостом и прижимаясь к земле. Вот она подошла ближе! Одуванчик лежал смирнехонько, как ему и было приказано, и глядел на отверстие в конуре. Внезапно кошка вся напряглась и приготовилась к прыжку!

Не сознавая, что он делает, Орех стукнул лапой по крыше конуры. По тревоге Одуванчик пулей вылетел из травы на убитый галькой двор. Поспешно гавкнув, собака кинулась за Одуванчиком из конуры. Пробежав несколько шагов, она сильно натянула веревку. Веревка секунду продержалась, а затем лопнула. Конура покачнулась, наклонилась вперед, упала и с шумом ударилась о землю. Орех сразу же потерял равновесие, попытался зацепиться когтями за одеяло, но лапы его скользнули по крыше, и он тяжело полетел вниз, неловко упав на большую лапу. Бедро Ореха пронзила резкая боль, но он понял, что все-таки сможет идти.

Он поднялся. В ту же минуту чье-то тяжелое тело сбilo его с ног и придавило к земле. Он почувствовал легкий, но болезненный укол в спину. Орех сильно ударил обеими задними лапами и промахнулся. Он осторожно повернул голову. Прижимая его тело к земле, на его

спине, согнувшись, сидела кошка. Большие зеленые глаза ее сузились, а зрачки превратились в черные вертикальные щели. Она злобно смотрела прямо ему в глаза.

— Врешь, не уйдешь! — прошипела кошка.

4+4+4+4+4.

Сражение Лохмача со Зверобоем

Крестовник взобрался по крутой стене вновь вырытого туннеля и присел возле Зверобоя на траву.

— Куда мы попадем из нашего подкопа? — спросил его Зверобой.

— В их норы, сэр, — сказал Крестовник. — Там у них необычайно просторная зала.

— Много ли там кроликов? — продолжал расспросы генерал.

— Я ничего не слышу. Может быть, они затаились? — ответил Крестовник.

— Жалкие трусы! Думаю, нам не трудно будет с ними справиться! — сказал Зверобой.

— Если только на нас не нападет то чудовище, которое сидит у них внизу! — осторожно начал Крестовник. — Непохоже, чтобы Желтухе что-нибудь мерещилось. Желтуха очень надежный солдат.

— Если там в самом деле есть какое-то чудовище, оно обнаружит, что и я тоже, в конце концов, чудовище! — раздраженно вскричал Зверобой.

Он выбрался на склон, где его уже поджидали Горичет и Вербена вместе с основными эфрафанскими силами.

— План операции таков, — объявил Зверобой. — Я проломлю крышу и брошусь вниз. Пусть за мной следует трое солдат. Больше не надо, иначе произойдет путаница и мы начнем избивать своих. Вербена, возьми двух рядовых и следуй за мной! Ты тоже иди с нами, Крестовник! Ты останешься в пробитом туннеле, понял? Когда я позову тебя, прыгай вниз!

Услышав, что Зверобой первым спустится в нору противника и говорит об этом так спокойно, как будто собирается пойти поискать одуванчиков, офицеры ободрились. Им показалось, что враг сдастся без боя.

— Все на месте! Смирно! Присмотри за ними, Горичет! По моему сигналу води солдат вниз, в норы, и начинайте бурную атаку! — грозно приказал генерал.

Прижав уши, Зверобой прыгнул в яму, горя желанием начать бойню. Вскоре он дошел до конца вскрытого туннеля. Крестовник не ошибся: от крыши здесь оставалась лишь тонкая стенка из камушков и легкой земли. Она была не толще ледяной корочки на лужице, и Зверобой прорвал ее когтями. Простояв еще минутку, крыша комьями рухнула вниз. Зверобой ворвался в нору. Он упал, оттолкнулся задними лапами и отскочил в сторону, чтобы дать место Вербене. Третий кролик, идущий за ними, по-видимому встретился с каким-то препятствием, потому что Зверобой и Вербена услышали, как он роется в наваленной земле.

— Мы здесь! Иди сюда, Гром! — крикнул Зверобой.

Могучий ветеран по имени Гром, спотыкаясь, присоединился к ним.

— Что там такое? — спросил Зверобой.

— Ничего особенного, сэр! Тут валяетсядохлый кролик!

— Дохлый кролик? А ты уверен, что он мертв? Где он? — спросил Зверобой.

— Здесь, у самого входа.

Зверобой быстро повернул назад. На куче земли, свалившейся из их подкопа, лежало неподвижное тело какого-то крошечного кролика. Зверобой понюхал его и тронул носом.

— Этот кролик только что умер. Что скажешь, Вербена? Как известно, кролики не умирают под землей своей смертью!

— Может быть, этот малыш хотел бежать, а другие кролики прикончили его, — предположил тот.

— Нет, на нем нет ни царапинки! Что ж, бросим его. Вперед и в бой!

Нюхая воздух, Зверобой стал осторожно продвигаться вдоль стены. Он подошел к открытому месту между двумя корнями и остановился. По-видимому, находившаяся перед ним зала была огромной! Поскольку на осаждавших никто не нападал, надо было самому использовать преимущество, которое давал подобный простор. Он решил отдать приказ, чтобы к ним спустился большой отряд.

— Крестовник! — позвал он.

— Здесь, сэр! — раздался голос сверху.

— Спускайся сюда! Возьми четверых солдат! На полу лежит дохлый кролик,— это не наш!

Пока пятеро солдат один за другим спустились в нору, он прислушался и понюхал спертый воздух.

— Сэр, эта сторона норы очень странная! — сказал Вербена, вслед за ним понюхав воздух.— Тут широкая стена из плотной земли, а затем часть стены с более рыхлой землей! Наверное, раньше здесь было множество ходов, но вчера их снова закопали!

Зверобой подошел к Вербене и вместе с ним внимательно осмотрел южную стену Сот, прислушиваясь и по временам царапая ее когтем.

— Ты угадал,— сказал Зверобой.— А кто-нибудь шевелится там, за стеной?

— Да, сэр, как раз там, где вы поскребли когтями! — отвечал Вербена.

— Разрыть эту стену! Я полагаю, что Тлейли засел по ту сторону! Если это так, то скоро им придется туго!

* * *

Еще до того как с шумом обвалилась крыша Сот, Лохмач понял, что эфрафянцы вскоре обнаружат вновь возведенные стены и начнут прорывать какой-нибудь из ходов. Атаки врага оставалось ждать недолго. Скоро Лохмачу придется вступить в рукопашную, притом, возможно, с самим Зверобоем. Если Зверобой попытается использовать свое преимущество в весе и сцепиться с ним, у Лохмача мало шансов на победу. Значит, нужно попытаться самому неожиданно напасть на Зверобоя. Как же это сделать? Он посоветовался с Остролистом.

— Вся беда в том, что мы строили эту колонию без расчета на то, что ее придется оборонять,— сказал тот.— В старой колонии у Треараха для обороны предназначался Плоский Ход. Он был устроен так, что при необходимости мы могли пройти под отрядом противника и выйти в самом неожиданном месте.

— Это-то мне и нужно! — вскричал Лохмач.— Мне надо вырыть яму под проходом! Я заберусь туда, а ты забросай меня землей. Я знаю, что это опасно, но все же это лучше, чем встретить такого великана, как Зверобой, лицом к лицу.

— А что, если они ворвутся сюда из другого входа? — спросил Остролист.

— Постарайся устроить так, чтобы они ворвались именно в этот ход. Когда ты услышишь их шаги с той стороны стены, подними шум над тем местом, где я лягу, поскребись, наконец! А ты, Серебристый, уводи всех в спальные норы и замуруй за собой стену!

— Лохмач, я никак не могу разбудить Пятого,— сказал Горшочек.— Он все еще лежит посреди норы. Что делать?

— Жаль беднягу, но придется его здесь оставить!

— Ах, Лохмач! Позволь мне остаться вместе с ним! Я вам не понадобится! Можно, я еще попытаюсь его разбудить?..

— Хлао-ру! — как можно ласковее сказал Лохмач.— Если до того как все это кончится, мы потеряем только одного Пятого, значит, сам господин Фрис бьется на нашей стороне! Нет, старина, мне очень жаль, но более ни слова! Ты нам нужен! Нам нужен каждый боец!

Когда Зверобой пробил крышу Сот, Лохмач уже лежал под тонким слоем земли недалеко от норы, где сидела Белая Кашка с крольчатами.

* * *

Зубы Грома увязли в куске сломанного корня. Он его вытащил. Тотчас земля провалилась вниз, и в том самом месте, где он копал, открылась дыра. Дождавшийся рядом Зверобой почувствовал, что по ту сторону стены копошится огромное количество кроликов.

Когда дело доходило до рукопашной, Зверобой не любил предаваться осторожным расчетам. Из опыта предыдущих сражений он вынес убеждение, что всегда есть любители драться и те, кто не хочет драться, но понимает, что этого нельзя избежать. Неоднократно он бился один против хрейра и всегда выходил победителем. Сейчас он забыл о том, что у него солдат гораздо меньше, чем у противника, и пока Крестовник не откроет ходы, ему некуда отступать. Кролики-воины не обращают внимания на подобные мелочи! Зверобой знал, что те, за стеной, дрожат перед ним и поэтому на его стороне огромное преимущество.

Зверобой влез на гору упавшей земли и пробил себе путь в узкий туннель. Тыл прикрывал Вербена. Перед генералом выросло два неприятеля, но они отпрыгнули в сторону, и Зверобой стремительно прорвался через рыхлую землю. Он шагнул вперед и вдруг почувствовал,

что почва уходит у него из-под ног. Из-под земли прямо перед ним во весь рост поднялся какой-то кролик. Враг вонзил свои зубы в предплечье Зверобоя. Зверобой навалился на противника, но задние лапы его не находили опоры в расползающейся куче рыхлой земли. Рванувшись вверх, генерал понял, что неприятель затаился в небольшой траншее под полом. Он ударил врага передними лапами и почувствовал, что его когти глубоко вошли в мышцы на бедре противника. Однако враг не отпустил хватки. Крепко вцепившись в плечо Зверобоя, он поднялся, упираясь задними лапами в дно траншеи.

Оторвав обе передние лапы от земли, Зверобой не удержал равновесия и покатился в рыхлую кучу земли. Падая, он молниеносно ударил задними лапами, но враг уже отпустил его и был теперь за пределами досягаемости. Чувствуя, что кровь льется по раненому плечу, Зверобой поднялся. Он не мог стать на переднюю лапу, но его когти были окровавлены, и это была кровь врага.

— Вы не ранены, сэр? — спросил за его спиной Вербена.

— Что ты выдумал, болван? Со мной все в порядке! — прошипел Зверобой.

В ответ из-под земли раздался голос неведомого противника генерала:

— Когда-то вы сказали, генерал, что мне надо вас ошеломить! Надеюсь, сейчас это удалось!

— Когда-то я сказал, что задушу тебя собственными лапами, Тлейли!

Лохмач намеренно начал боевую перебранку. Он хотел раздражить Зверобоя и надеялся, что разозлившийся генерал бросится на него и снова даст ему возможность пустить в ход зубы. Он тесно прижался к земле, ожидая новой атаки. Однако через минуту понял, что опытный в боях Зверобой разгадал его хитрость. Быстро оценив положение, генерал в свою очередь прижался к земле и медленно пошел на Лохмача, чтобы ударить его когтями. Серьезно обеспокоенный поворотом дела, Лохмач прислушался к шагам приближающегося Зверобоя и вдруг заметил, что лапы врага как-то неровно стучат по полу. Лохмач понял, что генерал тянет переднюю лапу.

«Он ранен! — подумал Лохмач. — Вряд ли он сумеет пустить в ход поврежденную лапу!»

Воодушевленный этой мыслью, Лохмач оставил без прикрытия левый фланг и с силой ударил Зверобоя в бок.

Когти его задели заднюю лапу врага, оставив глубокую рваную рану, но не успел он еще отпрыгнуть, как Зверобой навалился на него всей своей тяжелой тушей и схватил зубами за ухо. Рванувшись в сторону, Лохмач издал пронзительный вопль. Увидев, что испуганный противник находится целиком в его власти, Зверобой отпустил ухо Лохмача и приподнялся, готовясь перегрызть ему горло и сломать хребет.

В предвкушении долгожданной мести он минуту постоял над поверженным врагом, закрывая своим телом выход из норы. Внезапно его раненая лапа подкосилась, и он вынужден был опереться о стенку. Воспользовавшись этим, Лохмач собрался с силами и нанес два страшных удара по морде генерала. Зверобой отскочил и присел в отдалении на высокую кучу земли. Лохмач услышал, что его враг тяжело переводит дыхание.

Обливаясь текущей из раны кровью и тряся полуоторванным ухом, Лохмач решил стоять насмерть!

4+4+4+4+4+1. Нападение
 собаки

Услышав сигнал тревоги, Одуванчик с ходу рванулся с места. Будь поблизости какая-нибудь нора — он непременно юркнул бы в нее со страху. Собака резво кинулась на него, и Одуванчик круто повернул и помчался по дорожке по направлению к Вязовой Роще. Собака неслась за ним. Кролик не ожидал от нее такой прыти! Он чувствовал за собой ее дыхание и слышал, как фонтанчики песка отскакивают от ее лап.

«Она бежит быстрее меня! — подумал он. — Я пропал!»

Одуванчик мысленно представил себе, как пес переворачивает его и перегрызает хребет. В отчаянии он подумал, что ему придется сдвоить свой след, как зайцу. Однако если он сдвоит след, то собака начнет его гонять по дорожке туда и назад и дело кончится тем, что придет человек и отзовет ее! Собака не должна потерять его след, иначе операция, задуманная Орехом, провалится! Что же делать?

Одуванчик рванулся к вершине холма и круто повернул вниз по дороге в поле. Когда Орех объяснял ему

план действий и ту роль, которую он должен был сыграть, Одуванчику показалось, что собаку придется чуть ли не силком тащить за собой. Оказалось, что он здорово ошибся! Сейчас он неся с молниеносной быстротой, а собака, не отставая, мчалась за ним. Он никогда еще так быстро не бегал и знал, что долго не выдержит такого темпа. Менее чем за полминуты он покрыл расстояние в триста метров и домчался до амбара. Ему казалось, что он бежит уже целую вечность, что всю свою недолгую жизнь он бежит и бежит, испытывая смертельный ужас и чувствуя тяжелое дыхание собаки у себя за спиной. Внезапно собака остановилась: ее внимание привлекла сидевшая на дворе крыса. Одуванчик юркнул в открытую дверь амбара и вниз головой бросился в перевернутый сноп соломы. Собака, бросившись вслед за ним, скулила и царапала стенку, разбрасывая и обнюхивая солому.

— Не бойся! — сказал Одуванчику какой-то крысенок, спрятавшийся в соседнем снопе соломы. — Собака скоро уйдет! Сам понимаешь, это тебе не кошка!

— Я и боюсь, что она уйдет! — выкатив белки, сказал Одуванчик, едва переводя дух. — Мне нельзя дать ей уйти!

Одуванчик выскочил из амбара и через минуту уже скакал во весь опор по открытому полю, туда, где его поджидал Смородина. Совершенно выбившись из сил, Одуванчик свалился в канаву рядом со Смородиной. В двух метрах от них с противоположной стороны зеленой изгороди бежала собака, пытаясь отыскать посреди кустов удобное место, чтобы перебраться на их сторону.

— Собака страшно быстро бежит! — прохрипел Одуванчик. — Я совсем выдохся!

— Помоги нам Фрис! — прошептал испуганный Смородина. — Значит, мне от нее не уйти!

— Скорей вылезай на поле, а то она потеряет к нам интерес! Я передохну и приду тебя выручать! — сказал Одуванчик.

Смородина тотчас же выскочил на дорогу и уселся на самом виду. Увидев его, собака затявкала и попыталась всей тяжестью навалиться на изгородь. Смородина медленными прыжками двинулся по дороге. Вдруг он резко повернул, а затем присел. Пробравшись между изгородью и столбом, собака появилась совсем рядом. Обнюхав траву, она сначала подняла куропатку и бро-

ДАВАЙ
ЗАМАНИВАТЬ ЕЕ
ПО ОЧЕРЕДИ!

силась за ней в погоню, а затем принялась усердно рыть землю возле куста конского щавеля.

В первые минуты Смородина сидел смирно. Затем он притворился, что совершенно не замечает собаки, и сделал несколько осторожных прыжков ей навстречу. Не зная, как привлечь к себе внимание, он пришел уже было в отчаяние. Вдруг собака внезапно бросилась к нему и побежала по полю вдоль снопов. В свою очередь, скрывшись за снопами, Смородина старался не потерять ее из виду и тихонько скакал рядом. Они пробежали полпути до колонии и были уже у столбов электропередачи, когда Смородину догнал Одуванчик.

— Собака у тебя едва шевелится, а нам надо спешить! Может быть, эфрафанцы сейчас приканчивают Лохмача! — кричал он.

— Собака не бежит за мной! Хоть убей! — ответил Смородина.

— Нам нужно, чтоб она молнией пронеслась по склону, а она еле ползет! Так она никого не испугает! Она должна мчаться, словно идет в атаку! Давай заманивать ее по очереди! — крикнул Одуванчик.

Миновав скошенное поле, они поравнялись с зарослями кустарника. Здесь они резко затормозили и проскочили под самым носом у собаки. На этот раз пес бешено бросился за ними, и они едва успели скрыться в кустах. Выбираясь из зарослей, они поняли, что собака, с треском ломая хрупкие кусты бузины, продирается вслед за ними. Затем прямо за спиной у себя они услышали лай и пустились вниз по открытому склону, чувствуя, что пес стремительно несется за ними по пятам.

* * *

Кровь заливала Лохмачу плечо. Не решаясь отвести взгляд от сидящего на куче песка Зверобоя и с минуты на минуту ожидая нового нападения, он вдруг услышал, что в туннеле за его спиной кто-то из кроликов подошел к нему. Боясь повернуться к тесному ходу, Лохмач, не поворачивая головы, спросил:

— Кто там, не ты ли, Остролист? Как у вас дела?

— У нас все в порядке, — отвечал тот. — Пусти теперь меня на твоё место, Лохмач!

— Никак не могу! — прохрипел в ответ Лохмач. — Эта скотина воспользуется проходом и прорвется в наши норы!

Лохмач прекрасно понимал, что даже если его убьют, осаждающим все равно не удастся пробраться через его труп в спальные норы: ход был слишком узок. Эфранцам придется либо подкапываться под Лохмача, либо рыть обходной туннель. На это уйдет много времени!

За спиной Лохмача в спальных норах послышался неясный разговор. Лохмач прислушался и понял, что Колокольчик рассказывает осажденным какую-то сказку.

«Какой он молодец! — подумал Лохмач. — На его месте я бы не смог так спокойно рассказывать!»

— ...И тогда Эль-Эхрейра сказал лисе: «Ты похожа на лису и пахнешь точь-в-точь как лиса! Что ж, я могу предсказать тебе будущее, я вижу его в волнах реки...» — рассказывал Колокольчик.

Внезапно Зверобой заговорил:

— Зачем ты жертвуешь собой, Тлейли? Мне нетрудно тебя убить. Однако ты не заслуживаешь подобной участи! Возвращайся со мной в Эфрафу! Обещаю тебе пост командира. Даю слово офицера!

— Сильфлей храка у эмблеер-ра! — отвечал Лохмач, что означало: «Не офицер ты, а просто скотина!».

— «Ах, вот как! — сказала лиса. — Значит, ты можешь предсказать мою судьбу? Что же ты видишь в ручье? Жирных кроликов, пасущихся на лугу, не так ли?» — снова послышался голос Колокольчика. — «Отнюдь нет, — отвечал Эль-Эхрейра. — Здесь нет никаких кроликов, но я вижу, как по твоему следу бегут гончие, и вижу, как мой враг удирает со всех ног, спасая свою шкуру!...»

«Видимо, Зверобой догадался, что к осажденным будет не пробраться через мой труп и мертвым я буду не менее страшен врагам, чем живой! — подумал Лохмач. — Он хочет меня отсюда выманить! Ну уж нет. Лучше я отправлюсь в Инле, чем пойду с ним в Эфрафу!» — решил он.

Внезапно, как тяжелый сук, упавший с дерева, Зверобой одним прыжком снялся с места и с силой навалился на Лохмача, упорно придавливая его к полу. Прижавшись друг к другу головами, оба врага рвали друг другу плечи и кусались. Лохмач чувствовал, что у него иссякают силы и что вскоре он не выдержит ужасной навалившейся на него тяжести! Его лапы уже пропахали на полу две глубокие борозды. Еще минута — и Зверобой пробьет его телом вход в расположенную за ними нору! В отчаянии Лохмач опустил голову и напряг все мышцы, как лошадь, изнемогающая под непосильной ношей. Вне-

запно чудовищная тяжесть свалилась с плеч Лохмача и ему вновь удалось вонзить свои когти в землю.

Оказалось, что, вцепившись в загривок Лохмача, Зверобой сам стал задыхаться. Струйки крови из разбитого Лохмачом носа забили Зверобойю ноздри, а шерсть противника не давала ему открыть пасть. В результате Зверобойю пришлось ослабить хватку. Обессилевший Лохмач лежал перед ним неподвижно. Беднягу охватила чудовищная слабость, и ему показалось, что он ворочается с боку на бок в канаве, наполненной палым прошлогодним листом. Он закрыл глаза. Кругом наступила полная тишина. Затем, как будто из глубокой травы, послышался голос Пятого: «Ты ближе к смерти, чем я! Ты ближе к смерти, чем я!»

— Опять я попал в западню, что ли? — пронзительно вскрикнул Лохмач, рванувшись и встав на ноги. Он открыл глаза. В туннеле никого не было! Значит, Зверобой отступил!

Раненый Зверобой выбрался из Сот. Он заметил, что Вербена и Гром с тревогой на него смотрят. Присев на задние лапы, он попытался передними вытереть с морды кровь, заливающую ему глаза.

— Ступай и добей Тлейли, Вербена! — сказал генерал.

— Как, сэр? — переспросил Вербена.

— Мне нужно показать солдатам, в каком месте ломать стены. Вскоре я вернусь и добыю его сам, а ты пока задержи его, — пояснил Зверобой.

До Вербены дошло, что случилось нечто невероятное: в бою с Тлейли генерал потерпел поражение! Сейчас генерал просит Вербену прикрыть его позор, чтобы солдаты не догадались, что генерала побили!

«Фрис великий! Что же происходит?! — подумал Вербена. — Нужно как можно скорее выбираться отсюда!»

Зверобой не спускал с Вербены своих тусклых бледных глаз, так что тому пришлось перелезть через кучу разрытой земли и пробраться в туннель Лохмача. Зверобой же захромал к двум ходам, которые были поручены Крестовнику. Увидев Зверобоя, Крестовник отскочил дальше и усердно начал чистить свои когти о торчащий из земли корень.

— Один ход свободен, сэр, а над другим придется еще потрудиться! — доложил он.

— Хватит и одного! Солдаты! На штурм! В проход! — приказал Зверобой.

Он хотел сам спуститься вниз, как вдруг заметил возвращающегося Вербену.

— У меня в глазу песчинка, сэр! — жалобно пропичал Вербена. — Я только выну ее и снова брошусь на Тлейли!

— Несчастный трус! Что станет с тобой, если меня прикончат? Ты должен убить Тлейли! Не забудь, что в Эфрафе тебя ненавидят больше всех других офицеров! — прошептал ему на ухо генерал.

Внезапно с каким-то усталым удивлением Зверобой понял, что и сам смертельно напуган! Он боялся биться с Тлейли и был едва ли в состоянии начать сражение! Он в последний раз попытался уговорить Лохмача.

— Тлейли! — сказал он. — Через минуту я введу сюда солдат, и они разрушат твою стену. Уйди отсюда добром!

Тлейли долго не давал никакого ответа, а затем глухим голосом, задыхаясь, но совершенно четко ответил:

— Мой Главный Кролик отдал приказ защищать этот ход!

— Как так? Его Главный Кролик? — переспросил, выпучив глаза, Вербена.

Ни Зверобой, ни его офицерам не приходила в голову мысль, что в колонии может быть другой Главный Кролик кроме Тлейли. Но по-видимому, Тлейли не лгал! А если сам Тлейли не был Главным Кроликом, значит, где-то поблизости находится другой могучий кролик, который в самом деле был Главным. Он, наверное, еще сильнее Тлейли! Где же он?

Вдруг Зверобой почувствовал, что Репейник куда-то исчез.

— Куда вдруг запропастился этот негодяй? — спросил он Крестовника.

— Видно, удрал, сэр! — был ответ.

— Немедленно тащи его назад! — приказал Зверобой.

Крестовник отправился на поиски, но уже через минуту вернулся.

— Репейника нигде не найти! С ним вместе неизвестно куда ушли два или три моих солдата! Клянусь честью, без моего ведома! — растерянно сообщил Крестовник.

— Ну, я им задам! — закричал генерал.

Он уже овладел собой и сообразил, что делать. Тлейли надо оставить в покое и лучше о нем больше не поминать! Узких ходов, где осажденным легко защищаться, нужно по возможности избегать, а докопавшись через какой-

нибудь ход до ужасного Главного Кролика, всем скопом наброситься на него и прижать к полу, чтобы он не смог пошевелиться!

Зверобой повернулся, чтобы отдать приказ, но внезапно перед ним в слабом сумраке прямо под проломленной крышей Сот что-то зашевелилось, и на ноги встал совсем крошечный кролик, не эфрафанец. Он неуверенно разглядывал окружавшее широко открытыми, как у едва прозревшего крольчонка, глазами и, казалось, не понимал, где он находится. Кролик провел по глазам дрожащей лапой.

— Кто это? — спросил Зверобой.

— Наверное, это тот кролик, что здесь лежал, — ответил Крестовник. — Мы еще тогда подумали, что он дохлый!

— Ах, вот что! — протянул генерал. — Что ж, он, кажется, вполне по силам Вербене! Этот как раз один из тех, с кем тот сумеет сладить! Займись им, Вербена! — с издевкой прибавил генерал, видя, что Вербена, не понимая, не шутит ли генерал, заколебался.

Вербена неохотно двинулся вперед. Даже ему пришлось не по вкусу приказание прикончить больного, впавшего в тсарн кролика.

Тем временем маленький кролик, по-видимому, не собиравшись ни отступить, ни защищаться. Он только смотрел на Вербену отуманенными печалью глазами, однако совсем не так, как смотрели на Вербену его жертвы. Взгляд этот заставил Вербену остановиться. С минуту оба смотрели друг на друга в лучах неясного света, падавшего из пролома. Наконец, не обнаруживая ни малейших признаков страха, странный маленький кролик тихо произнес:

— Не вините нас в вашей гибели! Поверьте, мне очень жаль, что вы погибнете!

За время своей работы в полиции Вербена не раз встречал узников, изрыгающих предсмертные проклятия. Часто в этих проклятиях ему слышался какой-то вызывающий к отмщению сверхъестественный голос. Но Вербена не был бы начальником полиции, если бы подобные вещи производили на него хоть какое-нибудь впечатление.

Однако сейчас, глядя в глаза своему необъяснимо странному противнику, Вербена почувствовал внезапный ужас. Начальнику полиции показалось, что в темных углах незнакомой норы зашептались зловещие призраки и послышались давно забытые голоса замученных им

в эфрафанских канавах заключенных. Он издал отчаянный вопль ужаса.

— Прочь! Прочь от меня! Я хочу домой! — закричал Вербена. Спотыкаясь, с трудом различая путь, он пробрался к открытому ходу и поспешно выбрался наверх.

Здесь он увидел, что Зверобой раздраженно допрашивает одного из землекопов отряда Крестовника.

Выкатив глаза, весь дрожа, землекоп вытянулся перед генералом:

— Все говорят, что здешний Главный Кролик ростом больше зайца, сэр! Солдаты слышали внутри вой какого-то странного животного!

Отвернувшись от землекопа, генерал выбрался на пригорок. Сидевшие на траве эфрафанцы в страхе посмотрели на него. Его было не узнать! Нос генерала был разбит, и одно веко порвано, а всю морду заливала кровь. При ходьбе он волочил лапу и качался из стороны в сторону.

Улегшись на траву, Зверобой огляделся и вдруг почувствовал молчаливую неприязнь своих перетрусивших солдат. Он перевел взгляд на верного Желтуху, но и тот отвел глаза в сторону. Два других кролика бочком отступили в высокую траву.

Внезапно на опушке леса выросла фигура капитана Горицвета. За ним раздался душераздирающий вопль. Перегнав Горицвета, два чужих кролика перескочили канаву и скрылись в одном из открытых туннелей.

— Бегите! — топнув, крикнул Горицвет. — Спасайтесь!

Он пробежал мимо и скрылся за пригорком. Не понимая, о какой опасности идет речь и куда нужно бежать, эфрафанцы заметались. Пятеро кинулись в открытый ими подкоп, другие помчались в лес. Не успели они броситься врассыпную, как прямо в толпу эфрафанцев откуда-то прыгнула огромная черная собака. Собака, как лиса, забравшаяся в курятник, кидалась то на одного, то на другого, и многие почувствовали на себе остроту ее зубов. Зверобой не стал спасаться бегством. Когда его войско разбежалось кто куда, он, ошетинившись и рыча, выставил вперед окровавленные когти. Заметив его в высокой траве, собака на минуту остановилась, а затем сделала прыжок вперед. Спасаясь бегством, солдаты генеральской Ауслафы еще слышали пронзительный, полный невыразимой ярости рев Зверобоя:

— Назад, болваны! Не трусить! Назад и в бой!

4+4+4+4+4+2. *Снова ферма* *Вязовая Роща*

Люси проснулась. В комнате было уже совсем светло. В листве вязов звонко раздавался воркующий зов лесного голубка, но Люси разбудил не он. Девочке послышался какой-то отчаянный вопль! Может быть, это было во сне и сон ее вдруг взял и испарился, как вода в тазике? Она прислушалась. Кругом царила тишина. Утро было чудесным! Интересно: появились ли грибы? Может быть, стоит сбегать и взглянуть, нет ли их уже в роще? Хотя, пожалуй, сейчас для грибов еще слишком жарко и сухо. Грибы ведь лучше всего идут после дождя.

Сегодня четверг, — значит, в Ньюбери будет базар и папа поедет туда, а к маме придет доктор. Очки доктора смешно прищемляют его нос, так что на переносице с обеих сторон остаются красные полоски. Если доктор не очень спешит, Люси успевает с ним поболтать. Доктор кажется поначалу немного странным, но когда узнаешь его поближе, он прелесть что за человек!

Внезапно, нарушив тишину раннего утра, за окном послышался пронзительный вопль.

— Какой ужасный визг! Кто-то зовет на помощь!

Кричали где-то на дворе. Она вскочила и бросилась к окну. Перегнувшись через подоконник, так что ноги ее не доставали до пола, Люси обвела глазами двор. Рядом с собачьей конурой сидела Полосатая, придерживая лапами какого-то зверька.

— Полосатая, говори: кого ты поймала? — звонко крикнула Люси.

Кошка услышала ее и подняла усатую морду к окну, но не выпустила из лап добычи. Люси увидела, что Полосатая поймала кролика. Видно было, что ему приходится плохо.

Кролик отчаянно пищал. Не замечая, что на ней одна ночная рубашка, Люси скатилась с лестницы и открыла двери. По острой гальке, которой был вымощен двор, идти было больно, так что Люси сначала прыгала с ноги на ногу, а затем зашагала прямо по цветочной клумбе. Придерживая кролика одной лапой за шею, кошка злобно зашипела на подошедшую девочку.

— Отпусти беднягу, злыдня! — закричала Люси. В ответ на это кошка прижала уши и царапнула ее по руке. Люси ударила кошку по морде и хотела поднять руку для следующего шлепка, но кошка уже бросила кролика и, отбежав в сторону, в бессильной ярости уселась на землю.

Люси подняла пострадавшего с земли. Кролик забился в ее руках, но, крепко стиснутый, вскоре затих.

— Не вертись! Я тебе ничего не сделаю! — сказала Люси.

Неся кролика на руках, она направилась в свою комнатку.

— Ты чего? — спросил ее отец, шаркая сапогами по каменным плитам у самого крыльца. — Сколько раз тебе говорить, чтоб не бегала босиком! Кого ты несешь?

— Кролика! — сказала готовая к отпору Люси.

— Кто тебе позволил носиться по двору в одной рубашке? Так и захворать недолго! А что ты собираешься делать с кроликом, скажи на милость?

— Пусть поживет у нас!

— Нет уж, дудки! Если посадить его в клетку, он подохнет! Диких кроликов никто не держит дома. А коли его выпустить, он набедокурит в огороде!

— Он ранен, пап! Его покусала кошка!

— Кошка знает свое дело!

— Мне хочется показать кролика доктору!

— У доктора есть дела поважнее! Станет он возиться с твоим дурацким кролем! А ну, давай его сюда!

Люси заплакала. Прожив всю свою коротенькую жизнь на ферме, она прекрасно понимала, что отец ее прав, но ее страшила мысль, что бедного кролика хладнокровно прикончат. Она сама не знала, что ей с ним делать, но сейчас ей больше всего хотелось показать его доктору. Доктор считал ее умной и хорошей девочкой, отлично знающей деревенскую жизнь. Она всегда показывала ему найденные в лесу диковины. Это было то яичко шегла, то ярко-красная в черных и белых крапинках бабочка под названием «красная дама», трепещущая крылышками в банке из-под варенья, то оранжевый гриб, точь-в-точь похожий на апельсиновую кожуру. Доктор принимал Люси всерьез и разговаривал с ней, как со взрослой. Спросить его совета насчет раненого кролика и обсудить с ним, куда его девать, будет куда как по-взрослому.

— Честное слово, папа, я не дам кролику безобраз-

ничать в огороде. А с доктором так интересно поговорить,— пробормотала Люси.

Отец очень гордился тем, как Люси умеет беседовать с доктором, но не желал в этом признаваться. «Недаром все говорят, что она шустрая девчонка! — подумал он.— Надо будет отдать ее учиться в старшие классы, когда она закончит начальную школу! Доктор не раз говорил, что Люси очень толковая и тащит из лесу всякую всячину!»

— Не реви, точно тебя режут! — сказал отец вслух.— Пойди в сарай и запрячь кролика в ту клетку, где раньше сидели те, что от нас удрали!

Немедленно перестав плакать, Люси поднялась к себе, держа кролика на руках. Спрятав его в ящик комода, она оделась и пошла за клеткой. Во дворе она снова встретила отца.

— Наш пес сорвался с привязи и удрал! Вербка была, видно, гнилая,— сказал отец.— Сейчас я еду на рынок в Ньюбери, там куплю новую.

Доктор Адамс приехал около десяти часов утра. Убирая свою комнату и застилая постель, Люси услышала, как машина доктора затормозила у входа в Вязовую Рошу. Она вышла из дома. Доктор стоял на дорожке, заложив руки за спину и глядя куда-то в сторону.

Люси весело побежала ему навстречу. Сняв пенсне, доктор спрятал его в жилетный карман.

— Посмотри: не ваша ли собака бежит сюда из лесу?

На дорожке появился пес лабрадорской породы. Он высунул от усталости язык и волочил за собой оборванную веревку. Люси поспешно ее схватила.

— Конечно, это наш Боб! Он сорвался и все утро где-то бегал!

Занявшись сапогами доктора, пес тщательно их обнюхал.

— Ваш Боб с кем-то дрался! — заметил доктор Адамс.— Кто-то поцарапал ему нос и укусил за лапу.

— Кто же мог его так покусать?

— Скорее всего крупная крыса или горностаи!

— А я сегодня нашла дикого кролика, доктор! Я отняла его у кошки. Она его ранила. Может, вы посмотрите его?

— Хорошо, только я вперед взгляну на миссис Кейн.— Люси заметила, что он не сказал «взгляну на маму», а говорит с ней, как с совсем взрослой.— Затем я посмотрю твоего беднягу.

Вскоре доктор осматривал пойманного кролика, осторожно щупая его тельце, а Люси крепко держала зверька, не давая ему биться.

— Все кости у него целы,— сказал наконец доктор.— Задняя лапа не совсем в порядке, но она поранена давно и сейчас полностью зажила. Его слегка потрепала кошка, но это не страшно.

— А можно его держать в клетке?

— Нет! В неволе они не живут. Если вы не собираетесь его съесть, я бы выпустил его на свободу!

— Папа страшно рассердился, если выпустить его поблизости от огорода! Он твердит, что там, где один кролик, скоро станет еще сто один!

Доктор вынул из кармана маленькие часы и, глядя на них издалека, как это обычно делают дальнзоркие, сказал:

— Я еду навестить одну больную старушку. Она живет в нескольких километрах отсюда. Едем вместе! Я прокачу тебя, и мы выпустим кролика на холмах.

Люси подпрыгнула от радости.

— Ура! Я пойду спрошу, можно ли мне ехать!

Невдалеке от Уотершипского холма доктор Адамс затормозил.

— Вот подходящее местечко! — сказал он.— Здесь он едва ли навредит вашим огородам!

Доктор и Люси прошли несколько шагов и опустили пленника на землю. Ошарашенный кролик просидел две или три минуты неподвижно, а затем опрометью кинулся в поле.

— С лапой у него и впрямь что-то не так! — сказал доктор, глядя кролику вслед.— Тем не менее он прекрасно проживет еще долгие годы. Так-то вот!

4+4+4+4+4+3. *Возвращение*
 Ореха

Когда вслед за Смородиной и Одуванчиком собака как молния взлетела на холм, ее атака была столь внезапной, что часовой, задремавший в травке после бессонной ночи, не успел спастись бегством. В одну секунду собака сбила его с ног, и он упал с перегрызенным

горлом. После стремительного нападения, уже покончив со Зверобоем, собака еще долго носилась по окрестным холмам, бешено лая и кидаясь по сторонам, но эфранцы успели к этому времени разбежаться и, кто как сумел, попрятаться. По правде говоря, поцарапанный и испуганный пес не обнаруживал более охоты схватиться с кем-либо в ближнем бою. В конце концов пес поднял и прикончил того самого кролика, который недавно поранил стеклом лапу, и, схватив его, умчался той же дорогой, что и пришел.

Теперь уже не могло быть и речи о возобновлении прерванной осады. Каждый эфранец заботился лишь о сохранении собственной шкуры. Главарь их погиб, а кролики, которых они собирались уничтожить, натравили на них черную собаку. В том, что это было именно так, никто более не сомневался. Желтуха в самом деле слышал в глубине колонии какой-то собачий вой, а все знали, что уж он-то не обладал никакой фантазией и был неспособен ничего выдумать.

Поэтому, когда Горицвет заявил, что нужно трубить отбой и бежать, он встретил горячее одобрение своих дрожавших от страха соратников.

Не будь с эфранцами Горицвета, никто из них, вероятно, не добрался бы до Эфрафы живым, однако и его огромный опыт не помог ему привести домой хотя бы половину солдат, осаждавших Уотершипскую колонию.

Когда Горицвет пустился в обратный путь, его отряд не сумел осилить дорогу в один день. По пути их ожидали большие трудности. Как известно, дурные вести быстро летят, поэтому новость о том, что свирепый генерал Зверобой потерпел на Уотершипском холме поражение и остатки его разгромленной армии тянутся на юг в весьма потрепанном состоянии, вскоре достигла Цезарева Пояса. Злобная Тысяча немедленно сплотила свои ряды: собрались горностаи, лисы и к ним пристал даже какой-то кот с ближайшей фермы.

После каждого привала Горицвет замечал, что у него исчезала еще пара кроликов, и никто не мог припомнить, что с ними случилось. Такая участь постигла и Вербену, хотя и так было ясно, что для него все в жизни кончено и ему опасно возвращаться в Эфрафу.

Тем не менее Горицвет не терял присутствия духа и бдительно оберегал остатки своего отряда. В результате на следующий день во время ни-Фриса он прошел

караульные посты с горсткой из семи далеко растянувшихся по полю бойцов.

Судьба эфрафанцев, оставшихся на Уотершипском холме, сложилась иначе. При появлении собаки Крестовник, Репейник и еще три кролика настолько сохранили присутствие духа, что сумели броситься в открытую нору. Здесь Крестовник велел своим солдатам без промедления сдаться сидевшему в Сотях Пятому. Тот еще не оправился от обморока и едва мог понять, что происходит. Сжавшись в комок, победитель и побежденные долго просидели в норе, прислушиваясь к доносившемуся сверху лаю, до тех пор, пока наконец Пятый не пришел в себя и не пробрался к той норе, где лежал обессиленный Лохмач. Здесь он кое-как сумел объяснить осажденным, что осада снята и враг бежал.

Колокольчик с торжествующим криком выскочил из спальной норы. Впоследствии он еще долго изображал в лицах представившуюся ему картину, присочиняя к ней все новые детали. По его словам, Пятый во главе сдавшихся эфрафанцев как две капли воды походил на синичку, арестовавшую отряд галок, еще не оправившихся от линьки. Впрочем, жители колонии более всего были озабочены судьбой Ореха и Лохмача и обращали на эфрафанцев мало внимания.

Похоже было, что на этот раз Лохмачу пришел конец. Закрыв глаза и истекая кровью из дюжины полученных им ран, он лежал в том туннеле, который отстоял от врагов. Вскоре кролики вырыли ему нору пошире и установили возле него дежурство. Крольчихи сидели возле него по очереди, слизывая кровь, очищая ему раны и прислушиваясь к тому, как он тяжело и неровно дышит.

Тем временем Одуванчик и Смородина рассказали товарищам свои приключения. Одуванчик не мог понять, что случилось с Орехом и почему он не приходит, и, когда Орех не появился в колонии даже после полудня, кролики стали опасаться, что его настигла беда. Наконец встревоженный и огорченный Горшочек настоял на том, чтобы отправиться за Орехом на ферму. Пятый не замедлил к нему присоединиться. Не успели они пройти небольшое расстояние, как Пятый заметил, что с холмистой равнины на западе к ним приближается какой-то кролик. Они побежали ему навстречу. Это был Орех! Пятый поскакал с ним рядом, а Горшочек помчался к товарищам с радостной вестью.

Доскакав до колонии, Орех прежде всего спустился в ход, где лежал раненый Лохмач. Сидевшая рядом Хайзентли подняла на Ореха глаза.

— Тлейли только что заснул, Орех-ра! Он все время спрашивает, где вы, и твердит, что у него очень болит ухо!

Орех потерся носом о спутанную шерсть на голове Лохмача. Раны Лохмача уже засохли, и жесткая от за-пекшейся крови шерсть оцарапала Ореху нос.

— Проснись, Лохмач! — сказал Орех. — Ты победил: эфрафанцы удрали!

Лишь спустя некоторое время Лохмач открыл глаза и поднял голову. Надув щеки, он понюхал Ореха и Хайзентли. Наконец, подражая Кихару, Лохмач пробормотал:

— Значит, конец мистеру Зверобой?

— Да, — отвечал Орех. — Я пришел помочь тебе выбраться на сильфлей! День стоит чудесный! Кругом только солнце и зеленая трава!

С трудом поднявшись, Лохмач захромал в сторону разрушенных Сот.

— Ух! На этот раз я думал, Зверобой меня прикончит! — пробормотал он. — С этих пор мне больше уже не драться! А в чем же состояла твоя военная хитрость, Орех-ра? Она сработала на диво! Bravo, Орех! Скажи же мне наконец: что произошло и как тебе удалось выбраться с фермы?

— Можешь сколько угодно удивляться, но меня привез сюда на хрудудиле человек!

— Вот как! А самый конец пути ты, по-видимому, пролетел по воздуху, покуривая зажженную белую палочку! Не ври лучше, Орех-ра!

— Ой-ой-ой! — вдруг взвизгнула Хайзентли, выкатив глаза. — Он не врет! Он и правда приехал на хрудудиле!

* * *

Прошло около шести недель. Наступил октябрь. Стоял ясный погожий вечер. Хотя листва на буках еще не опала и солнце светило ярко, холмы опустели. Цветов на них становилось все меньше. Насекомые жужжали все реже и слабее. Огромные просторы высокой травы, в августе напоминавшие роскошные джунгли, сейчас стали пустынными. Здесь иногда пробегал лишь запоздалый жук и кое-где сидели сонные пауки.

Однажды вечером Орех вместе с Серебристым, Остролистом и Крестовником гуляли на опушке буковой рощи,

освещенной лучами вечернего солнца. Эфрафанцам, оставшимся после осады на холме, разрешено было вступить в колонию, и хотя вначале хозяева относились к ним с неприязнью, в конце концов они неплохо устроились.

Пятого на сильфлее не было. После той страшной ночи он большую часть своего времени проводил в одиночестве. Даже в веселой толпе друзей он умудрялся хранить молчание, а на утреннем и вечернем сильфлее всегда пребывал в глубокой задумчивости.

Один раз Пятый даже не пришел послушать сказку, и тогда Лохмач заявил, что Пятому победа над врагом обошлась еще дороже, чем самому Лохмачу. При всем том Пятый был горячо привязан к молодой крольчихе Вильтуриль, а она научилась понимать его не хуже, чем сам Орех.

Невдалеке за буковой рощей играли на лугу четыре крольчонка Хайзентли. Неделю тому назад их впервые вывели попасись. Хайзентли могла бы предоставить им самим заботиться о себе, но у нее не было нового выводка, и она щипала траву поблизости, наблюдая за их играми и по временам награждая шлепком наиболее сильного, чтобы он не обижал слабых.

— Замечательные ребята у Хайзентли! — сказал Остролист. — Надеюсь, что и остальные будут не хуже!

— Зимой вряд ли появятся хорошие крольчата! — заметил Орех. — Это — против природы! Фрис велел кроликам приносить крольчат весной.

— Но ведь Фрис не велел нам также и воевать! — заметил Серебристый. — Многое у нас шло не по правилам, и все по вине Зверобоя! Вот уж кто неизменно шел против природы, так это он!

— Лохмач был прав, когда говорил, что Зверобой совсем не похож на кролика, — сказал Остролист. — Он был боевым животным, свирепым, как крыса или собака. Он сражался, потому что ему страшнее было убежать, чем принять бой. Конечно, он был отважен, но и в этом он шел против всего, что Фрис предначертал кроликам!

— Может, вы мне не поверите, но генерал все еще живет на белом свете! — вмешался в разговор Крестовник.

Все промолчали.

— Он не перестал бегать! — в волнении продолжал Крестовник. — Кто видел его труп? Никто! Его нельзя убить! Он помог нашим кроликам стать крупнее, сильнее,

сметливее, чем они были раньше! Знаю, мы тяжело за это поплатились! Некоторые из нас пожертвовали своей жизнью. Но в лесу говорят, что он бежал и основал где-то новую колонию!

— Я слышал другое! — заметил Орех. — Мы говорили, что Горицвет завел в Эфрафе совсем новые порядки и колония ваша процветает, в ней живет теперь легко и радостно. Слышал я также сплетни полей и лесов и узнал, что вскоре к нам возвратится наш дорогой Кихар!

— Клянусь Фрисом в листе, я знаю кое-кого, кто очень обрадуется его возвращению! — вскричал Серебристый. — А вот и Лохмач!

Пощипывая траву, кролики подошли к восточной опушке леса и здесь, на открытом месте, еще залитом солнцем, увидали сидящих в клевере на задних лапах троих крольчат, покрупнее крольчат Хайзентли. Они с разинутыми ртами слушали поучения громадного кролика — ветерана с полуоторванным ухом, покрытого шрамами от носа до хвоста. Это был, разумеется, Лохмач, ставший капитаном весьма вольной и дерзкой Ауслы. Он обучал новобранцев, подающих большие надежды.

Наши кролики издали услышали наставления Лохмача:

— Клянусь моим клювом и крыльями, так дело не пойдет! Эй, ты, как тебя зовут? Скабиоза! Смотри, вот сейчас я притворюсь кошкой! Представь себе: я заметил, как ты жуешь салат в углу моего огорода. Что я стану делать? Начну прогуливаться по меже, помахивая хвостиком?

— Простите, сэр, но я никогда не видел кошки! — сказал один из крольчат.

— Скоро увидишь! — отвечал brave капитан. — Знайте, ребята, что кошка — это ужасное животное с длинным хвостом! Она покрыта шерстью, и у нее колючие усы, а во время боя она выпускает яростные, полные злобы вопли. Она очень хитра! Поняли?

— Поняли, сэр! Значит, кошка очень на вас похожа! — отвечал молодой кролик. Помолчав, он вежливо добавил: — А где вы потеряли свой хвост?

— Лучше расскажите нам, как вы сражались во время бури, сэр! — перебил его другой крольчонок. — Или как плыли через туннель!

— Только после занятий, — ответил неумолимый учи-

тель.— А сейчас смотрите на меня! Вот я кошка, так? Я сплю на солнце, поняли? А вам бы хотелось пробраться мимо меня? Как вам себя вести?

— Крольчата вечно морочат Лохмачу голову, но ради него они готовы на все! — заметил Серебристый.

— Любой из нас готов на все ради Лохмача! — прибавил Орех.— Если бы не он, Зверобой с его войском не остались бы с носом и наша колония погибла бы!

— Лохмач победил Зверобоя в честном бою! — сказал Серебристый.— При этом он разделался с ним еще до появления собаки. Лохмач — настоящий герой!

Они подошли к только что вырытым норам.

— Посмотрим, как продвигается работа над зимней норой! — сказал Орех.— Наши Соты от подкопов развалились, и у нас будет масса неудобств, пока потолок когда-нибудь не зарастет сам собой.

— Спросим наших землекопов, как идут дела? Вон они возвращаются с работы! — сказал Серебристый.

В самом деле, из ходов вышли Горшочек и Колокольчик во главе отряда из трех-четырех крольчих.

Увидев Ореха и Серебристого, Колокольчик мгновенно запел только что сочиненную им песенку:

Ура, ура, Орешек-ра!
Готова чудная нора!
В ней нет улиток и жуков,
Червей и скверных пауков!
Когда зимой придем домой...

— Спасибо скажет вам любой! — закончил Орех.— Вот именно, «спасибо» я и хотел вам сейчас сказать! Хорошо норы замаскированы?

— Не хуже, чем в Эфрафе, — похвастался Колокольчик.— Да вот я принес вам одну нору в лапах на проверку! Вы ничего не видите? Значит, они замаскированы превосходным образом!

— Прогуляемся сейчас на вечерней стороне леса, Орех! — попросил Горшочек.— Хорошо посидеть на солнце до прихода темноты!

— Пойдемте в ту ямку, где мы когда-то нашли Кихара, — предложил Серебристый.— Там совсем нет ветра. А помнишь, как Кихар нас проклинал и все пытался проколоть своим клювом?

— А помнишь, каких червяков мы ему носили? — вмешался Колокольчик.

Когда кролики подошли к ложбине, они заметили, что их место уже занято.

— Интересно, заметят ли те кролики, что там запрятались, наше приближение! — сказал Серебристый. — Идемте вперед, но скрытно, в лучшей манере Горлицвета!

Кролики подошли поближе, держась наветренной стороны. Заглянув через край, они увидели в ложбине Вильтуриль с четырьмя крольчатами. Крольчата грелись на солнце, а мать рассказывала малышам сказку.

— ...И вот они переплыли реку, и Эль-Эхрейра повел свой народ по дикой и пустынной стране, — рассказывала Вильтуриль. — Он хорошо знал дорогу и утром привел их в красивые поля с прекрасной вкусной травой. Здесь они наткнулись на заколдованную колонию. Все кролики в ней находились под властью Темных Сил. Они носили блестящие ошейники и пели, точно птицы. Но хотя они выглядели так красиво, на сердце у них были тьма и тсарн!

— Я как будто где-то слышал эту историю! — пробормотал Орех, почесав лапой за ухом.

Крольчата повернулись и толпой бросились из ложбины, карабкаясь друг другу на спину и крича:

— Орех-ра! Орех-ра!

Подбежав к Ореху, они разом попытались взобраться на него, но он разогнал их легкими шлепками.

— Я пришел вовсе не для того, чтобы драться с толпой невоспитанных грубиянов! Дослушаем лучше эту сказку до конца!

— Сюда едет человек на лошади, Орех-ра! Надо уходить! — прислушиваясь, сказал один из крольчат.

— С чего ты взял? Я ничего не слышу! — сказал Орех.

Крольчонок смутился.

— Сам не знаю откуда, Орех-ра! — сказал он. — Только я не ошибаюсь!

Они немного подождали, и красное солнце опустилось пониже. Через минуту они услышали стук копыт, и на западе появился всадник, направляющийся рысью к соседнему холму.

— Он едет мимо и нас не тронет! — сказал Серебристый. — Можно не прятаться! А ты диковинный парень, юный Треар! Как тебе удалось это услышать?

— Уж он у нас такой! — вмешалась Вильтуриль. — На днях он рассказывал мне, как выглядит река, уверяет,

будто видел ее во сне. Это в нем говорит чутье его папаши Пятого!

— Чутье Пятого? — переспросил Орех.— Ну, если у нас такие наследники, то за наше будущее можно не опасаться! Однако что-то холодает! Не пойти ли нам вниз и не послушать ли конец этой истории в уютной и теплой норе?

Через несколько минут снаружи не осталось ни одного кролика. Солнце закатилось за холм, и осенние звезды появились на темнеющем восточном небосклоне.

Ветер все крепчал, и вскоре мириады буковых листьев, крутясь, побежали по канавам и ложбинам и покатились вдаль по темной траве.

А под землей продолжали рассказывать сказку.

Оглавление

Часть I. ПУТЕШЕСТВИЕ

1. Доска с объявлением и бегство	5
2. Лес и переправа через реку	17
3. Переход через пустошь	32
4. Встреча с незнакомцем и чужая колония	40
5. Западня	73

Часть II. НА УОТЕРШИПСКОМ ХОЛМЕ

6. Новая колония и встреча с Остролистом	87
7. Гибель старой колонии	102
8. Кихар	110
9. Поход на ферму	122
10. Рассказ Остролиста и спасение Ореха	145

Часть III. ЭФРАФА

11. Новое путешествие	163
12. Встреча с лисой	166
13. Большая река	172
14. Генерал Зверобой	177
15. Гром приближается	194
16. Гроза разразилась	206

Часть IV. ОРЕХ-РА

17. Мосты	221
18. Сказка о Раусби Вуфе и фее Вау-Вау	234
19. Осада и штурм	246
20. Сражение Лохмача со Зверобоем	259
21. Нападение собаки	264
22. Снова ферма Вязовая Роша	273
23. Возвращение Ореха	277

СКАЗКА, КОТОРУЮ ТЫ ПРОЧИТАЛ, не только познавательная. Это повесть о борьбе со злом, за доброту и справедливость. Именно так задумывал ее английский писатель Ричард Адамс (род. 1920 г.), участвовавший в войне против гитлеровской Германии. Послевоенные годы Адамс посвятил охране природы и не помышлял о литературной работе. Да и повесть-сказку «Уотершипский холм» (в нашем переводе «Удивительные приключения кроликов») Адамс сначала рассказывал своим дочерям Джульетте и Розамунде во время прогулок. Повесть увидела свет только в 1972 году, сразу став популярной во многих странах мира.

На русском языке издается впервые.

ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ричард Адамс

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КРОЛИКОВ

Ответственный редактор И. И. Трофимкин.
Художественный редактор В. П. Дроздов.
Технический редактор Т. С. Тихомирова.
Корректоры В. Г. Арутюнян и И. В. Гармашева.

ИБ 10617

Сдано в набор 01.12.87. Подписано в печать 19.07.88. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная № 2. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 16,38. Уч.-изд. л. 16,67. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4185. Цена 95 коп. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Республиканская ордена «Знак Почета» типография имени П. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 185630, г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Адамс Р.

- A28** Удивительные приключения кроликов: Сказочная повесть / Переск. с англ. Е. Догель; Рис. и оформл. Ю. Бочкарева.— Л.: Дет. лит., 1988.—286 с., ил.
ISBN 5-08-000067-8

Повесть, где в сказочной форме разоблачается насилие, социальная несправедливость, провозглашаются принципы добра, честности, равноправия.

A 4803020000—168
M101(03)—88 435—88

И(Англ.)

